

НИК. ШПАНОВ — ПОХОЖДЕНИЯ НИЛА КРУЧИНИНА

Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений

НИК. ШПАНОВ

Похождения
Нила Кручини́на

Ник. ШПАНОВ

ПОХОЖДЕНИЯ
НИЛА КРУЧИНИНА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
Москва — 1955

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД

Нил Платонович Кручинин и Грачик (он же Сурен Тигранович Грачмян) приехали в этот город, освобожденный Советской Армией от гитлеровских захватчиков, через несколько месяцев по ликвидации в нем последних очагов сопротивления. То был один из промышленных центров страны, служивший оккупантам базой снабжения нацистской армии.

В прежние времена эта страна была одной из основных частей двуединой монархии. Его апокалиптическое величество включал название гордой маленькой страны в свой пышный титул, а феодалы — потомки древних пришельцев-завоевателей, — пополняя ряды свиты «короля-императора», охотно смешивались в ней с такими же, как они, потомственными рабовладельцами германского происхождения. Эта титулованная двуединая шайка беспощадно эксплуатировала все другие национальности дряхлой монархии и, не щадя крови, подавляла их попытки сбросить иго ненавистного режима. Но ни тот народ, от имени которого правили германские эрцгерцоги, ни тот, чье имя носили их светлейшие союзники с Великой венгерской равнины, не нес и не несет ответственности за разбойников. Хотя и существует поговорка, гласящая, будто каждый народ имеет

правительство, какого достоин, но, право, этот трудолюбивый и даровитый народ был достоин лучшего режима, чем фашистский ад адмирала-диктатора, продававшего Гитлеру достояние и кровь своего народа.

Кручинин и Грачик приехали, преследуя цель, не имеющую ничего общего с событиями, описываемыми в этой истории. Но достаточно было их паспортам попасть для отметки к портье отеля, чтобы на следующий же день у них появился с визитом шеф местной народной полиции — в недавнем прошлом функционер социал-демократической партии и редактор ее газеты в этом городе. Повидимому, как один из руководителей новой демократической администрации, он считал долгом лично приветствовать представителей великого народа-освободителя. А труды Кручинина по вопросам криминалистики создали последнему такую популярность не только на родине, а и за рубежом, что было бы бесполезно соблюдать инкогнито, даже если бы нынешний шеф полиции и не был газетчиком.

Шеф полиции, немолодой уже толстяк, попал в руководители полиции прямо из редакторского кресла газеты. Он уверял, что аппарат полиции почти полностью обновлен и демократизирован, что из полиции — во всяком случае из ее верхушки — безусловно вычищены все фашистские элементы и что жизнь в городе течет теперь спокойно.

Шеф непринужденно болтал по-немецки, повидимому, не стесняясь своего дурного произношения.

— Как ни велико наше желание увидеть советских коллег в деле, чтобы поучиться у них, желанию этому сбыться не суждено, — с улыбкой

заявил он. — Я убежден, дорогой коллега Кручинин, что ваше пребывание у нас не будет омрачено ничем. Никакого материала для хроники происшествий! Хо-хо, я даже собираюсь уволить репортеров отдела происшествий!

— Как вы сказали? — заинтересовался Кручинин. — Репортеры?

— Хо-хо! В голове у меня пока еще не разложились по разным полкам сыщики и репортеры, полицейские офицеры и редакторы. До сих пор не могу понять, где кончается редакция и начинается полицейское управление. Хо-хо!

Кручинин слушал прищурившись и молча кивал головой.

Грачик видел, что его другу делается не по себе от этих разговоров розового шефа. Но все же Кручинин слушал молча, считая, повидимому, неудобным спорить на такую деликатную тему, да и стоило ли разрушать оптимизм здешних людей в радостный период весны их нового государственного строительства.

Это свидание произошло двадцать девятого декабря. Через два дня, то есть тридцать первого декабря, шеф полиции прислал гостям официальное поздравление с наступающим Новым годом и еще по телефону пожелал им приятно встретить знаменательную дату — первое января первого действительно свободного и спокойного года в жизни этого свободолюбивого народа. В заключение шеф напомнил о высоких качествах вин, выделяемых в его стране, и порекомендовал хороший ресторан. Друзья приняли рекомендацию к сведению, но никуда не пошли.

Кручинин с удовольствием слушал лившиеся из маленького репродуктора мелодии национальных песен и танцев, послуживших когда-то неисчер-

паемым источником для бессмертных творений Ференца Листа. Он с досадой прикрикнул на Грачика, пробовавшего на пианино подобрать эти мелодии. Хотя молодой пианист делал это, включив модератор, но не слишком хорошо настроенное пианино раздражало Кручинина. Сам он не умел взять ни одной ноты, но искренно любил музыку и разбирался в ней. К тому же он считал, что в каждой стране следует слушать то, что создано в ней ее народом, ее талантами. А этой стране было что предьявить.

— Как приятно было бы, если бы ты, дружище, отложил свои экзерсисы до другого раза, — иронически сказал Кручинин. — Ведь не каждый день бывает канун Нового года. Зачем портить его людям, которые не сделали тебе ничего дурного... Небось, к полуночи радио перейдет на фокстроты — тогда ты покажешь мне свое искусство... Ладно?

Грачик со смехом захлопнул пианино.

Бутылка скверного трофейного шампанского в ведерке со льдом стояла у них в комнате. Они предвкушали встречу Нового года в кругу, теснее и дружественнее которого трудно себе представить, — вдвоем. Без четверти двенадцать, едва успел выйти из номера официант, подавший фрукты, раздался телефонный звонок. Грачик был совершенно уверен, что это снова тот же гостеприимный начальник полиции с новыми, успешными немного надоесть поздравлениями. И действительно, сняв трубку, Грачик услышал его голос:

— Дорогой коллега, прошу вас узнать, будет ли господин Кручинин иметь что-нибудь против того, чтобы я за вами сейчас заехал?

Грачик искоса глянул на часы. Стрелки показывали без десяти двенадцать.

— Благодарю вас, — сказал он в трубку, — мы отлично встретим Новый год и дома. Совершенно отлично! Потом скажите нам, пожалуйста: куда вы успеете нас свезти к двенадцати часам? Никуда. А по нашему обычаю пьют за Новый год, когда бьют часы. Именно когда бьют часы!..

Толстяк не дал ему договорить:

— Да, да, таков и наш обычай: выпивать первый бокал под двенадцать ударов часов, завершающих старый год. Но вы неверно меня поняли. Случилось многозначительное происшествие... на добрый подвал, а то и на целую серию подвалов... Мы так надеемся, что советские друзья не откажут нам в помощи.

По словам шефа, он был в нескольких шагах от отеля и ждал только разрешения заехать, чтобы объяснить все и мчаться на место «многозначительного» происшествия.

Грачик видел, что Кручинину в данный момент больше всего хотелось откупорить шампанское и, уютно устроившись перед пылающим камином, произнести тост. Но в такой же мере Грачик был уверен и в том, что если он сейчас откажет полицейскому, Кручинин будет обвинять его во всех смертных грехах, первым из которых будет нерадение к делу, порождаемое «армянской склонностью к неге». Поэтому, прежде чем Кручинин успел его спросить в чем дело, Грачик бросил в телефонную трубку:

— Заезжайте, пожалуйста, заезжайте. Мы уже спускаемся.

Услышав это, Кручинин обернулся.

— Если тебе хочется куда-нибудь ехать, поезжай один. Я ни за что не сниму этих туфель, —

и он пошевелил протянутыми к огню ногами в теплых ночных туфлях.

— Сидите, пожалуйста, друг мой джан, — сказал Грачик насколько мог невозмутимо, — я могу поехать один. Пожалуйста.

Он не решился сказать то, что думал: как отлично было бы, если бы Кручинин остался дома. Грачик поехал бы на операцию один. Он своими силами показал бы здешним людям, чего стоит советская школа расследования! Однако мысль эта была мимолетной. Грачик тут же устыдился ее. Он так уважал и любил своего спутника, что готов был бы уступить ему и всю собственную славу, если бы она у него была. Увы, ее было у него еще так мало, что едва ли она могла что-нибудь прибавить к популярности Кручинина.

Грачик стал проверять фотоаппарат, который всегда был при нем.

— Собираешься запечатлеть интересную новогоднюю компанию? — насмешливо спросил Кручинин, разрезая кожуру апельсина и загибая ее на манер лепестков цветка.

— Меня больше занимает происшествие, о котором только что сообщил шеф полиции, — ответил Грачик.

— Происшествие? — Брови Кручинина поднялись, и он рассмеялся: — Предвкушаешь таинственное убийство на новогоднем балу?

— Не знаю, где и что произошло, но что-то случилось. По словам шефа полиции, «многозначительное» происшествие. Понимаете, — м н о г о з н а ч и т е л ь н о е.

— Так почему же ты не передал мне трубку? — перебил его Кручинин и поднялся с кресла.

— Потому, что нам некогда. Его машина уже

тут, у подъезда. — И Грачик с улыбкой добавил: — И мы, кажется, уже спускаемся...

Больше Кручинин не задал ни одного вопроса. Недочищенный апельсин полетел обратно в вазу. Через минуту они оба стояли у подъезда в пальто и шляпах.

Однако, прежде чем продолжать повествование, необходимо, повидимому, ближе познакомиться читателя с тем, кто такие Кручинин и Грачик, рассказать, как сошлись пути их жизни и дружбы, приведшие их в этот чужой город. А еще раньше нужно сказать, что Грачик — это вовсе не фамилия Сурена Тиграновича. В паспорте у него совершенно ясно написано «Грачъян». Это и правильно. Но в те времена, когда С. Т. Грачъян бегал еще в коротких штанишках, он однажды принес домой подбитого кем-то птенца-граченка, вылечил его и вырастил. Юный птицелов был так же черен, вертляв и так же доверчиво глядел на людей, как и его питомец. Вероятно поэтому к нему так легко и пристало брошенное как-то матерью ласковое «Грачик». В семье его стали так называть. Сначала в шутку, потом привыкли. Прозвище осталось за ним в школе, и в жизнь он ушел для всех уже Грачиком. Он и знакомься-то представлялся: «Грачик». Не такая уж беда, если некоторым блюстителям официально-стей это покажется нарушением этикета.

Знакомство Кручинина и Грачика произошло в одном из санаториев, примечательном только тем, что он расположен в весьма живописной местности, на берегу широкой, вольной реки. Сурен Тигранович Грачъян увидел Нила Платоновича Кручинина посреди лужка — там, куда не

доставали длинные тени березок. Кручинин, прищурясь, глядел на расставленный перед ним походный мольберт. Время от времени он делал несколько мазков, отходил, склонив голову, и, прицелившись, снова делал быстрый мазок, словно наносил полотну укол. И опять отходил и глядел, склонив голову набок.

Грачика не только заинтересовал, — ему просто понравился этот скромный, немногословный человек, одинаково благожелательно, но без малейшего оттенка навязчивости относившийся ко всем окружающим. Старые и молодые люди, стоявшие на самых высоких и на низких ступенях служебной лестницы, — все встречали в нем одинаково внимательного слушателя. Но никто не мог похвастаться тем, что слышал от него больше десяти слов. Ни его костюм, ни повадка, ни разговоры не позволяли определить его профессию или общественное положение. Черты его лица могли одинаково подойти врачу, главному бухгалтеру или представителю любой профессии и любого вида искусства, кроме разве актера. Лицо его обрамляла мягкая круглая бородка; и аккуратно подстриженные усы украшали верхнюю губу. Усы были светлые и потому тронувшая их седина была так же едва заметна, как в бороде. Взгляд его голубых глаз оставался всегда одинаково спокойным, не выдавая его настроений. Ко всему тому, как говорится, — никаких «особых примет»: рост средний, упитанность средняя, ничего бросающегося в глаза. Впрочем, нет, — была в нем особенность. Мимо нее не мог пройти внимательный наблюдатель: его руки. Сильные, но с узкой гладкой кистью, с длинными тонкими пальцами. Его руки были, пожалуй, самым красивым образцом этой части тела, какие когда-либо доводилось

видеть Грачику. Вероятно, именно такими руками должен был обладать тонкий ваятель или вдохновенный музыкант. Микеланджело или Шопен — вот кому были бы к лицу подобные руки. Или нет, такие чуткие, длинные, словно живущие самостоятельной одухотворенной жизнью пальцы должны были, наверно, наносить на нотные строки нервные мелодии Скрябина.

Грачик довольно долго наблюдал за работой Кручинина у мольберта, прежде чем решился подойти к нему. Он видел, что его приближение не осталось незамеченным. Но тогда Грачик еще не знал, что нескольких мгновений, необходимых ему для преодоления разделяющего их зеленого пространства лужайки, Кручинину достаточно, чтобы окончательно изучить его внешность, перед тем, как дружески протянуть молодому человеку руку или встретить его безразличным замечанием.

Как уже сказано, Кручинин не принадлежал к числу тех, кто встречает людей по наружности. Тем не менее изучение внешности всегда имело существенное влияние на его отношение к собеседнику.

Тут нужно особенно подчеркнуть то, что короткий, но внимательный осмотр приближающегося к нему молодого человека не был для Кручинина первым. Потом Грачик узнал, что с самого момента своего появления в санатории он стал предметом изучения Кручинина. Нил Платонович был большим человеколюбом. Появление на его горизонте всякой новой фигуры интересовало его. Новому человеку нужно было оказаться полным нулем, чтобы Кручинин остался к нему равнодушным.

Итак, Грачик, как сказано, не мог знать, что Кручинин уже давно составил себе о нем представление, как почти всегда, довольно верное.

Не нужно было заглядывать в анкету Грачика, чтобы с уверенностью определить его армянскую национальность. В меру крупный, тонких линий нос с большими нервными крыльями, мягко очерченные губы, очень большие, темнокарие глаза под бровями, которые художник, вероятно, признал бы слишком пушистыми, слишком подчеркнута черными и чересчур близко сошедшимися над переносицей. Ко всему этому — нежный загар, разлитый по гладкому, девичьей нежности лицу. Все это были детали, удачным сочетанием которых природа создала приятное, отмеченное нервной живостью и темпераментом лицо. К этому можно было добавить маленькие, без излишнего кокетства, но аккуратно подбритые усики, едва заметную синеву на подбородке и волну иссиня-черных волос, лежащих непослушными прядями, несмотря на очевидные старания уложить их при помощи воды и бриолина. Руки — часть тела, на которую Кручинин всегда обращал особенное внимание, — подчеркивали впечатление нервности, производимое наружностью Грачика.

Однако Кручинин уже после двух-трех дней наблюдения за этим понравившимся ему с первого взгляда молодым человеком определил, что нервность и темпераментность, которыми дышала наружность Грачика, находились под достаточно крепким замком твердой воли и хорошего воспитания.

Когда Грачик приблизился, Кручинин встретил его прямым взглядом весело искрящихся глаз. Вместо приветствия он добродушно спросил:

— Что скажете? — и указал кистью на мольберт.

Грачик зашел ему за спину и взглянул на холст, ожидая увидеть березки, перед которыми стоял мольберт. Но, к его удивлению, там было изображено нечто совсем иное: церковь, заброшенный погост.

Вокруг сияла радость ясного солнечного утра, а этюд был освещен розовато-сиреневой грустью заката.

— Разве не удобнее писать с натуры? — удивленно спросил Сурен.

— Прежде я так и делал, — сказал Кручинин, — когда зарабатывал этим хлеб.

— А теперь?

— Теперь это — тренировка глаза. Вот, скажите: верно схвачено вечернее освещение? Я был там только раз и всего минут десять. Нарочно не хожу больше, пока не закончу. Как с освещением, а? В остальном-то я уверен.

— В чем вы уверены? — не понял Грачик.

— В деталях: церковь и... вообще все это, — он указал на изображение погоста.

Место, воспроизведенное Кручининым, было хорошо знакомо Грачику. Он любил бывать там и именно вечерами. Он был уверен, что хорошо представляет себе и старенькую церковь и окружающий ее характерный пейзаж.

Грачику показалось, что, несмотря на свою уверенность, Кручинин передал пейзаж неверно. Он выписал целый ряд деталей, которых там в действительности не было. Вот, например, эти кресты: не может быть, чтобы они стояли так — вразброд, в «фантастическом» беспорядке, будто нарочно выдуманном художником. И вон той покосившейся живописной скамеечки слева вовсе

нет на погосте. Не видел там Грачик и остатков ветхой изгороди в углу погоста.

— Вы подрисовали тут кое-что от себя, — сказал он и указал на занимающую передний план гранитную плиту заброшенной могилы. — А вот уже и настоящая ошибка, смотрите...

Ясно виднелись высеченные на граните цифры. Но вместо «1814» — даты, стоявшей на камне, — Кручинин почему-то изобразил «1814». Четверка была старательно выписана задом наперед.

— Ну вот и это тоже художественная деталь, выдуманная вами для оригинальности, — не без удовольствия подтрунил Грачик.

— Ради оригинальности? — повторил Кручинин, и на мгновение брови его сошлись у переносицы.

— Во всяком случае от себя, — поправился Грачик, заметив, что его слова задела художника

— От себя? — снова повторил Кручинин и, прищурившись, пригляделся к полотну. — Перед ужином мы с вами пройдемся, сличим этот набросок с натурой... хотите?

Когда они пришли на место, был тихий, спокойный вечер. При этом небо на западе выглядело именно таким, каким изобразил его Кручинин, и освещение погоста оказалось переданным очень верно. В первый момент Грачика даже ошеломило это поразительное сходство трудно передаваемых нежных полутонов. То, что виднелось на горизонте, казалось увеличенным до гигантских размеров кручининским полотном. Но каково же было удивление Грачика, когда он увидел, что кресты, представлявшиеся ему прежде

стоящими ровными рядами, оказались наклоненными в разные стороны, повернутыми под беспорядочными углами друг к другу. Бросилась в глаза и скамеечка, мимо которой Грачик проходил десятки раз, не заметив ее. «Вероятно, я не заметил ее потому, что она не возбуждает желания сесть из-за ее ветхости», — подумал Грачик и подошел к могильному камню. К его удивлению, выбитая рукою неискusstного сельского ваятеля дата была, действительно, несколько необычна: «1819» — очевидная ошибка неграмотного каменотеса.

Все остальное на погосте выглядело в точности так, как на этюде Кручинина.

— И вы станете верить, будто видели все это только один раз и то накоротке? — с нескрываемым недоверием спросил Грачик.

— Не больше десяти минут, — с таким же нескрываемым удовольствием ответил Кручинин.

— Это почти феномен, даже настоящий феномен! — восторженно проговорил Грачик, подразумевая необыкновенную зрительную память Кручинина.

Тот задумчиво почесал бородку и неуверенно произнес:

— Кое-что врожденное было, конечно, но немалую роль сыграла и тренировка. Мой глаз схватывает теперь все, как фотопластинка... Схватывает и запечатлевает.

Это знакомство не закончилось в санатории, подобно большинству санаторных знакомств. Они вновь увиделись в Москве, познакомились ближе, сошлись. Прошло немало времени, прежде

чем Грачик узнал от Кручинина историю его жизни.

Кручинин родился в Ялте. Еще гимназистом Кручинин обнаружил способности к рисованию. Нил делал этюды на продажу, и курортники охотно покупали его акварели с видами Крыма. Это было тем более кстати, что вскоре Нил осиротел. Но так как юноша задался целью во что бы то ни стало окончить гимназию, он старался уложить свои занятия живописью в минимум времени. Именно тут он и обнаружил в себе способность, раз внимательно взглядевшись в пейзаж, воспроизводить его на память с идеальной точностью. Дальнейшая жизнь Кручинина сложилась совсем не так, как он хотел. Вместо Академии художеств, о которой он мечтал, он очутился на юридическом факультете, только потому, что там ему удалось получить общежитие. В наши дни это может кое-кому показаться даже дурным — потерей принципиальности в выборе профессии, но в те времена кусок хлеба и крыша определяли для многих возможность ученья.

Пришла революция. Кручинин окончил университет и увлекся ролью защитника в новом, советском суде. И тут неожиданно, в двух или трех случаях его соревнования с обвинением, обнаруживаются поразительная сила его анализа и особенности памяти. Вскоре он оставляет профессию адвоката и переходит на судебную работу. Основным вопросом, занимавшим Кручинина, было положение личности в судебном процессе. На первый взгляд ясно, что всякий суд должен найти истину и результатом всякого процесса должна быть установленная судом истина. Однако это упиралось в несовершенство предварительного следствия. И вот партийная непримиримость

Кручинина заставляет его искать решения, обеспечивающего не только раскрытие истины в процессе, но и гарантирующего священные права гражданина, будь он жертвой преступления или его виновником.

Быть может, это было перегибом, но Кручинин, недооценивая значения судебного следствия, утверждал, что предварительное следствие и его результаты определяют весь ход и якобы даже результаты судебного процесса. Так или иначе, поступая правильно или ошибочно, но, обогащенный адвокатской практикой и работой за судейским столом, Кручинин еще раз меняет кресло судьи на очень скромное положение сотрудника криминалистической лаборатории, чтобы изучить научно-технические методы распознавания следов преступления. Затем следует работа оперативным уполномоченным. Цель его усилий — совместить в одном лице функции и искусство следователя и криминалиста-розыскника. Кручинин считает, что созданный Конан-Дойлем образ сыщика-универсала совершенно неосновательно свысока осмеивается нашей литературой. Верна такая точка зрения или нет, — Кручинин имел на нее право. Плоды его деятельности на поприще борьбы с преступниками доказывают, что доля справедливости в его мнении была.

Когда Грачик и Кручинин встретились, молодой человек еще не был способен сколько-нибудь критически оценить принципиальную позицию своего будущего друга и руководителя. Но то, что рассказывал Кручинин, неподдельно увлекло его темпераментного слушателя. Одним словом, Кручинин приобрел в Грачике то, что в высоком стиле именуется «пламенным поклонником». Но этот «поклонник» не был простым созерцателем

чужого таланта, — он хотел ему подражать, быть его последователем.

Знакомство Грачика и Кручинина перешло в дружбу. Взаимная симпатия и доверие, которые они почувствовали друг к другу, привели к тому, что в дальнейшей жизни они не только часто встречались, но много и плодотворно сотрудничали.

Впрочем, простое слово «сотрудничали» неверно определяет их отношения. Нужно было бы сказать, что Нил Платонович с таким же увлечением вводил своего молодого друга в тонкости своего искусства, с каким тот стремился их постичь. Грачик с головою ушел в область криминалистики и расследования правонарушений. Что говорить! Это оказалось совсем не таким легким учением. И Нил Платонович оказался вовсе не легким учителем.

Не очень легким (из-за своего природного упрямства) учеником был и Грачик. Но, быть может, они потому так близко и сошлись, что были столь мало схожи характерами?! Так или иначе, к тому времени, когда Кручинин собрался уходить в отставку, он мог уже без натяжки сказать, что имеет в лице Грачика вполне достойного преемника: кругозор и знания молодого криминалиста расширялись с каждым днем, интерес к делу неуклонно повышался. Кручинину оставалось дружески руководить его первыми неуверенными, не очень твердыми шагами на поприще розыскной работы. Возможно, что другого человека на месте Кручинина и испугала бы некоторая наивность ученика. Но Нил Платонович успел изучить его характер и знал, что эта кажущаяся наивность — лишь результат душевной чистоты и ни в коей мере не может повредить

работе. Иной раз Грачик, действительно, мог ошеломить собеседника возгласом искреннего удивления или возмущения там, где человеку уравновешенному нечему было бы ни удивляться, ни возмущаться. Но была ли южная экспансивность молодого человека отрицательной чертой? Скорее, наоборот, коль скоро он умел владеть собою на работе не хуже любого опытного оперативника. Одним словом, содружество уходящего от дел (и никак не могущего от них уйти) ветерана следственно-розыскной работы Кручинина и начинающего свою деятельность Грачика пока давало наилучшие плоды.

Теперь, когда читатель знает в основных чертах, кто такие Кручинин и Грачик, можно, пожалуй, продолжить рассказ о том, что случилось в ту новогоднюю ночь, когда они покинули уютный номер гостиницы, оставив на столе недопитые бокалы, и что заставило их пуститься в путь в обществе шефа местной полиции.

Пока они ехали куда-то на окраину города, шеф подробно описал происшествие, как оно ему представлялось. Вследствие стремительности наступления Советской Армии гитлеровцам не удалось почти ничего уничтожить в городе. Большая часть заводов и складов готовой продукции стояла целехонька, русские саперы разминировали их один за другим. К сожалению, при этом произошло несколько несчастных случаев. Немцы применили новый тип мин, которые не удавалось обнаружить обычными средствами миноискания. Планы минирования некоторых объектов отсут-

ствовали в архиве немецкой комендатуры, захваченном советскими войсками.

В числе других отсутствовал и план минирования важнейшего инженерного сооружения города, его энергетического сердца — самой крупной электроцентрали, снабжавшей энергией весь промышленный узел. Никто не сомневался в том, что централь тщательно заминирована. Не сомневались и в том, что существует точный план минирования. Поговаривали о том, что при отходе гитлеровцев комендант выдал этот план директору станции доктору Вельману. Вельман пользовался репутацией человека, преданного своим хозяевам — акционерному обществу, владевшему станцией. Номинально это акционерное общество было отечественным, но фактически оно являлось едва замаскированным дочерним предприятием американской монополии, еще задолго до войны внедрившейся в энергетику этой страны. То, что враги не взорвали станцию, объяснялось, повидимому, желанием сохранить ценное сооружение для его хозяев, если они скоро вернуться. А если нет, то уж... станция взлетит на воздух вместе с новым персоналом и охраной. Повидимому, таков был замысел.

Между тем Вельман утверждал, что плана у него нет, а новые власти по либерализму, деликатничая, не желая компрометировать Вельмана, не дали приказа обыскать тайники в бюро директора, расположенном на самой станции, или помещения самой централи. К тому же новая полиция боялась, чтобы каким-нибудь случайным замыканием не вызвать взрыва всего сооружения.

И вот полчаса тому назад дежурный полицейский офицер, делавший обход своего участка,

куда входила станция, донес, что убит секретарь Вельмана и не где-нибудь, а в служебном бюро директора, в здании станции.

— Когда? — спросил Кручинин.

— Почти на глазах этого офицера. Офицер говорит, что...

Кручинин перебил:

— Все остальное расскажет сам офицер.

Подъехали к станции. Это было огромное здание в готическом стиле, сложенное из нештукатуренного кирпича и больше походившее на старинную кирху, чем на электроцентраль.

В просторном турбинном зале бездействующей станции царила тишина. Из предосторожности даже ток для освещения здания подавался теперь извне,

Все невольно примолкли.

Их вел немолодой уже, очень смуглый лейтенант полиции, с лихо закрученными «а ла Вильгельм второй» усами, до того черными, что они казались крашеными. Форма на лейтенанте, в отличие от его новоиспеченного шефа, сидела вполне исправно.

Этот усатый брюнет и был офицер, обнаруживший убийство. Он не производил впечатление новичка в своем деле. Держался он спокойно и уверенно, даже, как показалось Грачику, с дозой некоторого пренебрежения к своему начальнику.

На половине пути шеф полиции, спохватившись, что не представил гостям своего лейтенанта, сказал:

— Это — Круши. Один из наших лучших офицеров.

С этими словами шеф приподнялся на цыпочки, чтобы покровительственно похлопать лейтенанта по плечу.

Пока шли длинными переходами и поднимались по лестнице на третий этаж, где было расположено бюро директора, лейтенант Круши не спеша рассказывал то, что знал:

— Делая обход этого участка, я заметил в одном из окон станции свет. Я знал, что по приказу полиции внутрь здания никто без особого разрешения допускаться не должен. Мне показалось маловероятным, чтобы такое разрешение понадобилось кому-нибудь за полчаса до Нового года. Я и сам-то спешил покончить с обходом, чтобы успеть забежать в какой-нибудь ресторанчик, раз уже нельзя было встретить это событие дома. Однако пройти мимо этого освещенного окна, не узнав, почему оно освещено, я не мог. Что-то, а уж службу-то я знаю... двадцать четыре года!.. С того самого дня, как покончил со службой в армии... Хорошо-с. Значит, нужно было поглядеть, в чем тут дело. Я попытался открыть боковой служебный ход, ведущий прямо на внутреннюю лестницу, но замок оказался испорченным, дверь не отворялась. Пришлось идти через ворота, чтобы попасть на эту же лестницу через машинный зал, как я веду теперь вас.

— Вы так хорошо знаете расположение станции, что сразу определили, где именно горит свет? — спросил Кручинин.

— Да, станция входит в мой участок много лет. Я знаю тут каждый угол.

— Это хорошо, — удовлетворенно сказал Кручинин. — У вас были ключи от всех дверей?

— Связка контрольных ключей всегда нахо-

дится у дежурного по участку полицейского офицера. Мало ли что: взрыв, пожар...

— Хорошо, очень хорошо, — повторил Кручинин. — Итак?

— Я проник на станцию через зал, где постоянно дежурит наш полицейский, прошел в этот отсек, куда мы с вами сейчас входим, и поднялся по этой же лестнице. Вот она перед вами, господа... Дежурному полицейскому в зале я приказал на всякий случай оставаться на посту внизу. Когда я был уже вот здесь, на последнем марше, в бюро директора раздался выстрел. Я побежал, перескакивая через несколько ступенек. Дверь, вот эта самая, которую вы видите перед собой, оказалась незапертой. Толкнув ее, я вбежал в бюро — вот оно перед вами. Это — первая комната, здесь сидит секретарь, отсюда вот эта дверь ведет в кабинет господина доктора Вельмана. В тот самый момент, когда я нажал ее ручку, раздался второй выстрел. Распахнув створку, я увидел, что стреляет кто-то стоящий на коленях спиной ко мне. Он стрелял вон туда, по направлению той маленькой двери, ведущей на запасную железную лестницу. Когда я вбежал в кабинет, стрелявший выронил револьвер и упал лицом вниз — вот так, как он лежит и сейчас. Приподняв его голову, я сразу опознал господина Браду, конторского секретаря директора.

— Конторского секретаря? — переспросил Кручинин. — А у Вельмана был еще какой-нибудь секретарь?

— Да. Частный секретарь — госпожа Эла Крон. Она живет у него в доме и, как поговаривают кумушки... впрочем это знает весь город: доктор Вельман неравнодушен к женщинам, точнее, к блондинкам...

— Но, но, без пошлостей, Круши,— строго прикрикнул шеф.— Давайте дальше ваш фельетон, то есть я хотел сказать доклад.

— Слушаю-с... Докладываю дальше, — с подчеркнутой почтительностью ответил лейтенант.— Я бросился к этой задней дверце, но она оказалась запертой. Ключа от нее в нашей связке нет. Чтобы задержать убийцу, нужно было снова бежать кругом, я дал свисток, вызывая полицейского, стоявшего в зале.

— Отсюда ему был слышен ваш свисток? — спросил Кручинин.

— Об этом я в тот момент не подумал... пожалуй, вы правы: парень мог бы и не услышать свистка. Но, к счастью, он оказался догадливым малым: в тот момент, когда я отнимал свисток ото рта, он уже и сам вбегал в комнату. Он исправный служака,— добавил лейтенант, кладя свою большую, покрытую обильной черной растительностью руку на плечо молодого дружинника, даже еще не переодетого в форму и только носящего на рукаве отличительную повязку,— он достоин награды, начальник.

— Да, да, непременно,— с готовностью согласился шеф и торопливо добавил: — Однако дальше, дальше! Читатель ждет продолжения.

— Простите,— прервал его Кручинин,— если позволите, один вопрос этому дружиннику.— Вы были оставлены лейтенантом на посту в машинном зале?

— Так точно.

— Без разрешения лейтенанта покинули пост и поднялись сюда?

— ...Собственно...— смутился дружинник.

— Отвечайте: вы покинули свой пост?

При этом вторичном вопросе глаза дружинника сверкнули недобрым огоньком, и он неохотно пробормотал:

— Лейтенант же сам свистел...

— Когда он подал свисток, вы уже были у двери, здесь, наверху. Значит, пост вы покинули много раньше, чем слышали свисток.

Дружинник опустил глаза.

— А вы говорите, что из него выйдет толк? — с усмешкой сказал Кручинин лейтенанту. И далее, обращаясь к шефу: — Больше у меня вопросов нет.

— Вы правы, тысячу раз правы,— воскликнул начальник полиции.— Не хвалить таких нужно, а взыскивать с них, да, да, строго взыскивать!.. Однако дальше, дальше...

Покрутив ус, лейтенант продолжал:

— Слушаю-с, эта дверь заперта совершенно очевидно преступником.

— Нет, нет, пока не нужно заключений,— перебил шеф. — Только факты, факты, факты! Ну-с?!

— Слушаю-с. Пока я бежал по этой лестнице и очутился у ворот, все было, повидимому, кончено. У подъезда, к которому ведет вот та запасная лестница, мы нашли след недавно отъехавшего автомобиля. Убийца скрылся.

— И тогда вы?

— Тогда я пошел к телефону и протелефонировал вам, господин начальник, не считаясь с тем, что это было чертовски не вовремя. Но долг остается долгом, даже под Новый год.

— Отлично, отлично,— сказал шеф и обратился к Кручинину: — Как вы думаете, не перейти ли теперь к выводам?

— Конечно, если они у него сложились.

— Вот теперь давайте ваши выводы,— приказал шеф, поворачиваясь к Круши.— Даже самый загадочный фельетон должен иметь развязку.

— Слушаю-с.— Лейтенант не спеша и очень уверенно проговорил: — Не думаю, чтобы я ошибался... Когда наступили дни ожидания приближения советских войск, господин доктор Вельман перенес личные ценности из дома в этот вот сейф...

Лейтенант указал на массивный несгораемый шкаф, вделанный в стену директорского кабинета. Бронированная дверца шкафа была распахнута настежь. Виднелись аккуратно сложенные стопки документов, тщательно составленные и пронумерованные регистраторы. Была еще стопка больших конвертов из голубого полотна. На каждом из них тоже виднелся тщательно написанный номер. Все говорило об аккуратности владельца шкафа и его привычке к порядку в делах. Несколько внутренних отделений шкафа оставались закрытыми. Только один ящик был выдвинут — в нем ничего не было.

Убедившись в том, что все осмотрели шкаф, лейтенант продолжал:

— Что-либо помешало доктору Вельману вовремя взять свои ценности отсюда. У нас, в полиции, достаточно хорошо знают его, и он не мог рассчитывать получить пропуск не только в этот кабинет, но и вообще на территорию станции. И вот, пользуясь некоторой суетой, которая всегда царит в новогоднюю ночь, тем, что никто из начальства в эти часы на службе, а подчас и дома не сидит, Вельман снабжает секретаря подложным пропуском и посылает за своими ценностями. Он не без основания надеется, что Бранду пройдет в кабинет так, что караульные в зале этого не услышат. В пользу такой догадки гове-

рит не только время, выбранное для изъятия вещей, но и костюм убитого. Посмотрите, он во фраке, в кармане его было вот это приглашение на ужин к доктору Вельману. Именно туда он и должен был привезти ценности — прямо к новогоднему ужину.

— Очень убедительно, очень,— удовлетворенно произнес Кручинин.— А скажите, пропуск у секретаря был?

— Я думаю, да... без пропуска он не решился бы сюда идти.

— Но ему не пришлось этот пропуск никому предъявить?

— Повидимому,— ответил лейтенант.

Кручинин обернулся к дружиннику:

— Господин Браду предъявил вам пропуск?

После короткого замешательства тот ответил:

— Нет.

— Может быть, вы даже и не видели самого Браду? — спросил Кручинин.

Тот не ответил и, только исподлобья посмотрев на Кручинина, обиженно отвернулся.

Кручинин пробормотал еще что-то неопределенное.

— Продолжайте, продолжайте,— подогнал шеф лейтенанта.

— Хорошо-с... Но...— тут лейтенант многозначительно поднял палец,— повидимому, за этой парочкой следили люди, не менее предприимчивые. Им или кому-то из них удалось каким-то, еще непонятным мне образом проникнуть сюда и овладеть тем, что секретарь Браду вынул из шкафа.

— Как, по-вашему, проник сюда убийца? — спросил шеф.— Этот абзац у вас неясен.

— На этот счет у меня два предположения:

либо через эту запасную дверь по пятам секретаря, либо...

— Ключа от этой двери на связке, принадлежащей полиции, не было? — перебил его Кручинин.

— Он был нам не нужен, так как всегда торчал вот здесь в скважине.

— Изнутри кабинета?

— Да.

— Значит, и сам Браду мог сюда попасть, только разбив стекло и просунув руку внутрь.

— Да. Едва ли ему при этом пришло в голову, что по пятам его кто-то крадется и ему следует запереть за собой дверь, чтобы спасти себе жизнь, — решил, наконец, проанализировать какое-то обстоятельство и сам шеф. — Так, так, очень интересно. Ну-с, второе предположение?

— В пользу первого предположения, — продолжал лейтенант, — говорит то, что убийца ушел именно по этой лестнице. Наиболее вероятно, что он спешил удрать тем же путем, каким пришел, ему уже знакомым. За это же говорит и то, что я своим ключом не смог отпереть нижнюю дверь: замок был поврежден отмычкой. Но есть у меня и другое подозрение: убийца уже был на станции, когда пришел секретарь.

— В таком случае он мог сюда войти и по этой лестнице, по которой поднялись сейчас мы с вами? — спросил Кручинин.

Грачику показалось, что Кручинин уголком глаза, так, чтобы никто этого не заметил, наблюдает за дружинником.

— А ключи от шкафа? — спросил Кручинин. — У кого они хранились?

— В полиции их не было, — ответил лейтенант. — Вероятно, они остались у директора Вель-

мана или у Браду...— И, подумав, подтвердил: — Да, у кого-нибудь из них...

— Но их нет в замках сейфа.— Кручинин ощупал карманы убитого.— Здесь их тоже нет.

— Что это может значить? — недоуменно спросил толстяк-шеф.

— Что преступник унес их с собой,— уверенно резюмировал лейтенант.

— Хотел бы я знать, зачем? — задумчиво проговорил шеф.

Полицейские недоуменно переглянулись.

Кручинин еще раз тщательно изучил положение трупа и, делая вид, будто прикрывает рукой зевок, сказал Грачику:

— Не сделать ли тебе для коллекции несколько снимков?.. И будем двигаться.

— Вы... не находите здесь ничего интересного? — с разочарованием спросил шеф.

— Мы же слышали от лейтенанта,— скучающим тоном ответил Кручинин.— Обыкновенное убийство с целью похищения ценностей.

— А мне казалось, поскольку дело произошло на таком объекте, что это... неспроста,— неуверенно проговорил шеф.

— Это противоречило бы тому, что вы говорили мне позавчера. Помните? «Никакого материала для хроники происшествий!»

— Да, да... но, кажется, я поспешил с увольнением репортеров,— озабоченно согласился шеф.

Кручинин еще раз заразительно зевнул.

— Вы простите,— улыбнулся он шефу,— но на меня так действует воздух этого долго не проветривавшегося помещения.

— Тут, действительно, дурной воздух,— потянул носом толстяк.— Как на складе макулатуры.

Привстав на цыпочки, он сделал было попытку дотянуться до оконного запора.

— Позвольте мне.— Кручинин отворил окно и высунулся наружу.— Я так и думал,— сказал он с удовлетворением.

— Что именно? — заинтересовался шеф.

— Сонливость как рукой сняло, стоило мне глотнуть свежего воздуха.

Пока Грачик производил фотоснимки с трупа, Кручинин еще раз осмотрел содержимое шкафа. Как показалось Грачику, Кручинин внимательно перечел какой-то листок, прикрепленный изнутри к бронированной дверце, и после того быстро перебрал лежавшие в сейфе большие голубые конверты. Ничем другим он как будто не заинтересовался и сказал:

— Нет, положительно мне необходимо выспаться — завтра у нас дела.

— А знаете, что пришло мне в голову? — воскликнул вдруг с озабоченным видом шеф полиции.— Что могло заставить Вельмана поспешить с изъятием отсюда своих ценностей?

Все посмотрели на него с интересом.

— Они хотят взорвать станцию, и Вельман пожелал спасти свои вещи, — трагическим шепотом произнес толстяк.

— Эта не лишняя прозорливости догадка — лишний довод за то, что нам отсюда лучше поскорее убраться,— сказал Кручинин и первым направился к выходу. В двери он внезапно остановился и обернулся к начальнику полиции: — В виде особого одолжения мне, коллега, накажите провинившегося дружинника тем, что он останется в этой комнате до утра...

Грачик отметил, что мимо внимания Кручи-

нина прошел неприязненный взгляд, которым его проводил дружинник.

Обратно по зданию станции посетителей сопровождал черноусый лейтенант. На прощанье начальник полиции крепко потряс ему руку и поблагодарил за бдительность. Лейтенант пробормотал:

— Мне было бы приятно, если бы вы, начальник, простили того парня, что остался наверху. Он правильно поступил, прибежав ко мне наверх, хотя бы и самовольно.

— Ничего, ничего,— добродушно усмехнулся шеф,— до утра он там все-таки посидит. Устав нужно исполнять... Итак, господа,— обернулся толстяк к Кручинину и Грачику, и лицо его расплылось в добродушной улыбке,— теперь мне остается заглазить испорченный вам новогодний вечер. Сейчас мы придумаем, как это сделать.

— Что касается меня, то я домой,— устало протянул Кручинин.— Мы пройдемся пешком. Это несколько развеет мою сонливость. А на прощанье позвольте мне сказать вам несколько слов,— он взял толстяка за локоть и, отведя в сторону, прошептал ему несколько слов на ухо, словно желая сохранить это в секрете от Грачика и черноусого лейтенанта. Но зато все отлично слышали, как толстяк удивленно воскликнул в ответ:

— О, это невозможно!

— И тем не менее...— уже громко и очень настойчиво произнес Кручинин.

— Вы настаиваете?

— Безусловно,— решительно закончил Кручинин и подтолкнул толстяка к автомобилю.

С кряхтеньем разместившись в кабине, шеф благодушно сказал своему лейтенанту:

— Ну, полезайте сюда. Вы заслужили сегодня стакан вина и спокойную ночь.

Бормоча слова благодарности, лейтенант взгромоздился рядом с шефом.

Кручинин услужливо затворил за ним дверцу, но вдруг, вспомнив что-то, снова отворил ее и быстро спросил лейтенанта:

— Секретарь Браду был левшой?

— Нет... насколько помню, кажется, нет,— поправился тот.

Дверца захлопнулась, и машина медленно двинулась по следу, оставленному на снегу грабителями. Кручинин обернулся к Грачику, и тот услышал его характерный смешок, обычно служивший выражением крайнего удовольствия.

— Дело, действительно, интересное, этот добряк редактор был прав,— тихонько проговорил Кручинин.

Грачик не был удивлен этим внезапным переходом от усталой сонливости Кручинина к такому веселью.

— Я же говорил! Говорил я вам, Нил, мой джан, многозначительное дело.

— Мне кажется, что план минирования станции...

Грачик не расслышал конца фразы, так как Кручинин повернулся к нему спиной и вместо того, чтобы направиться по расстилавшейся перед ними широкой улице, ведущей к центру города, исчез за углом узкого переулка.

Где-то поодаль башенные часы гулко, с замысловатым перебором отзвонили час ночи. Это был первый час Нового года.

Кажется, впервые в жизни Грачик так неуютно встречал Новый год — посреди заснеженного глу-

хого переулка чужого города. Грачику стало не по себе.

Но появилось ли у него сомнение в том, что именно тут и именно сейчас он и должен был быть? Присутствие Кручинина наполняло его уверенностью: целесообразно всякое, даже самое неприятное нарушение обычного течения жизни. Грачик даже готов был гордиться тем, что он должен ломать любой распорядок предусмотренного отдыха или занятия и, подобно работнику скорой помощи, по первому зову устремляться туда, где нужна помощь искателей истины.

Здесь стоит сказать еще несколько слов о том, что же, собственно говоря, послужило причиной увлечения Грачика ранее чуждой ему областью криминалистики, что заставило его с головой уйти в изучение предметов, никогда ранее не встречавшихся в кругу его интересов, и, наконец, стать учеником Кручинина в его деятельности криминалиста, а потом его соратником и убежденным сторонником.

Существенным фактором в переходе Грачика на новые жизненные рельсы было личное обаяние Нила Платоновича, его огромная начитанность, жизненный опыт и удивительная разносторонность его знаний в соединении с необыкновенной скромностью; решительность действий, сочетающаяся с покоряющей мягкостью; беспощадность к врагам советского общества рядом с чудесной человечностью; смелость до готовности самопожертвования при огромном жизнелюбии — вот те человеческие качества, мимо которых редко кто мог пройти из близко знавших Кручинина. Мог ли пройти мимо них и страстный, одинаково ярко

загорающийся любовью и нерасположением Грачик?!
Грачик?!

Временами, правда, Грачик задумывался над вопросом: почему человек таких высоких человеческих качеств и больших чувств посвящает все свои силы и помыслы возне с наиболее неприглядными сторонами жизни? Надолго ли может хватить человеку душевной чистоты, если ежедневно общаться с преступлением?

На эту тему у них с Кручининым произошел как-то разговор.

— Видишь ли, друг,— ответил Кручинин,— кто-то, помнится, назвал нас чистильщиками общества. Это неверно потому, что наша задача вовсе не в том, чтобы вывезти на некую моральную свалку гражданские нечистоты, мешающие обществу вести нормальную жизнь. Наша миссия значительно сложнее и много гуманней. Мы, подобно врачу, должны найти пораженное место. А суд уже определит, поддается ли оно лечению. Если лечение невозможно, то, подобно хирургу, суд отделит больной орган от здорового организма общества. Это не случайная аналогия. Я глубоко убежден в высокой гражданственности нашей профессии. Именно там, в советском суде, где сидят люди с чистой партийной совестью, встретятся в схватке обвинение и защита. Они разберутся в том, что мы, криминалисты и следователи, положили на стол судьи. И в этой схватке родится истина. Да, да, не смущайся, Сурен, словом схватка. Путь к истине должны искать заинтересованные люди. Он, этот путь, сложен и тяжел, полон загадок и ловушек. Подчас их расставляет не только преступник. Пострадавший тоже способен нагородить невесть чего. Он тоже может лгать; свидетели обеих сто-

рон способны кривить душой.— Грачик слушал, затаив дыхание, не отрывая восхищенного взгляда от лица Кручинина. — Но сквозь все эти дебри суд должен выбраться на светлый путь истины. Осветить его должны мы. Чего бы это нам ни стоило, мы должны рассказать суду все, что только человек в силах узнать о делах и мыслях преступника и его жертвы. Это долг криминалиста, долг следователя. Этого требует от них благо народа. Таков высший закон юриста. Таков приказ нашей партии. К сожалению, кое-кто представляет нашу функцию слишком примитивно. Что общество, по существу говоря, знает о нас? Где литература о нашей работе, о людях нашей нелегкой профессии? Ее же нет.

— Не так, совсем не так! — горячо возразил Грачик. — А так называемая «детективная» литература! Пожалуйста, целая библиотека!

Кручинин сделал пренебрежительный жест.

— К сожалению,— сказал он,— искатели легкого заработка дискредитировали этот жанр в буржуазной литературе. То, что в этом направлении сделала литература действительно серьезного и интересного, относится ко временам довольно давним. По, Конан-Дойль? Там ты действительно можешь многое узнать и даже кое-чему научиться. Они понимали, что пишут, и знали, как писать. Но современная нам западная литература занята низкопробными пустяками, развлекательством тех, кому нечем наполнить досуг. Дело там доходит до такой идеализации гангстеризма, что будь жив пресловутый Альфонс Капоне, он мог бы предложить свою кандидатуру в президенты буржуазного государства. В подобного рода литературе — ни крошки поучительности, ни грана идеи.

— Зачем, зачем вы так говорите! — протестующе воскликнул Грачик. — Чего-чего, а «идеи»-то там вполне хватает. Все то, на чем зиждется современное буржуазное общество, отстаивается и утверждается этой литературой с завидной яростью.

— Друг мой, то, о чем ты говоришь, я не отношу к области «идей». «Идеи человеконенавистничества», «идеи эксплуатации себе подобных», «идеи наживы»? Как же можно называть это «идеями» вообще?! Это же просто духовный гангстеризм, порожденный обнищанием духа. Когда я произношу слово «идея», я имею в виду подлинные духовные ценности. Их-то ты не найдешь в литературе, которая должна была бы показать читателю высокие цели нашей борьбы, святое дело оздоровления общества. А ведь там ни на йоту воспитательности, ни на грош идеи.

Про аппарат буржуазной полиции и юстиции не скажешь, что он играет роль института, предназначенного для оздоровления общества. Огромная опухоль преступности в буквальном смысле слова разъедает капиталистический мир. Но органы юстиции и не думают удалять эту злокачественную язву. Они борются с нею лишь постольку, поскольку того требует безопасность жизни и собственности верхушки общества. Буржуазный судья, криминалист, буржуазный сыщик — слуги тех, кто им платит. Нам, советским людям, трудно поверить, что какому-нибудь гангстерскому синдикату можно просто заказать «убрать» нежелательное лицо. По таксе, существующей в этом синдикате, его убьют. Правда, такса эта высока. Ведь в нее входит оплата снисходительности полиции.

— Да, мне казалось, что... — начал было Гра-

чик, но Кручинин остановил его движением руки и продолжал:

— Вот ты спрашиваешь меня, можно ли, имея дело с преступлениями, аморальностью, сохранить веру в чистоту человека и оставаться чистым самому. А что же, по-твоему, хирург, удалив раковую опухоль, стал менее чист, чем был? Пустяки! Вид этой опухоли не сделал его противником красоты. Напротив, он, вероятно, только еще больше захотел видеть красивое, верить в здоровое, наслаждаться жизнью во всей ее полноте.— Кручинин на минуту задумался и, помолчав, поглядел на Грачика.— Разве ты, мой друг, не видишь благородства миссии освободить жизнь для всего чистого, всего светлого, что растет так целеустремленно, так победоносно? — Тут, заметив желание Грачика говорить, Кручинин заключил: — Можно подытожить эту мысль положением о служении делу переработки самих нравов, испорченных частной собственностью на средства производства.

— И совершенно ясно, почему Феликс Дзержинский остается в моем представлении одним из самых светлых, самых человеческих образов, какие рождены революцией...— проговорил Грачик, заражаясь настроением Кручинина.— Какой благородный облик, правда?.. Какой чудесный пример для нас!.. И какой благородный путь указан им... Вот подлинный «рыцарь революции»!

Кручинин положил руку на плечо собеседника.

— Но в увлечении не совершай ошибки, приведшей кое-кого к большим трудностям и разочарованиям: идти по пути, указанному этим человеком, не легко.

— Ах, Нил Платонович, джан. Зачем так.

дурно обо мне думаете! Разве я могу считать, что хорошо путь без препятствий. Важно, чтобы дорога не была извилистой. А если она пряма... Пожалуйста, не страшны тогда барьеры!

Вернемся, однако, от экскурсии в прошлое отношений Кручинина и Грачика к событиям, происходившим в ту новогоднюю ночь.

СЛЕД ГОРНОГО БОТИНКА

Грачик не без труда догнал Кручинина, успевшего уйти довольно далеко по переулку, как вдруг тот резко остановился и, тихо засмеявшись, сказал:

— Ну, ну, я же знаю: ты сгораешь от любопытства, как провинциальная девица. Спрашивай!

Грачик понял, что начинается обычная игра в вопросы и ответы.

— Тогда...— сказал он, быстро обдумывая первый вопрос,— зачем вы вдруг на месте происшествия стали страдать зевотой? Обратите внимание, пожалуйста: не спрашиваю «почему?»,— говорю «зачем?».

— Тебя прежде всего интересует мое здоровье? Это очень мило, по-дружески... Ответ: потому, что мне необходимо было знать, куда выходит второе окно кабинета.

— И что же?

— Мы идем или во всяком случае стараемся идти туда, куда оно, по-моему, глядит.

— А почему бы не спросить об этом прямо?.. По-моему, там были только свои.

— Вот этот-то вопрос меня и интересует больше всего: не было ли в комнате кого-нибудь, кого ты не назвал бы своим?

— По-моему,— с усмешкой сказал Грачик,— тот единственный, кто не был бы «своим», был мертв.

— Мертв?..— Кручинин слегка присвистнул:— Если бы я был уверен в том, что он мертв.

Тут Грачик сам едва не свистнул от удивления, но только протянул:

— Так... А что общего между этим ограблением и планом минирования станции? — спросил он.— Мне показалось, что вы...

— Да, именно это я и хотел сказать: секретарь достал из сейфа план расположения мин в здании централи и объяснение устройства, которым можно произвести взрыв.

— Почему вы так думаете?

— Потому, что владелец шкафа — будь то убитый секретарь или пока еще живой патрон — человек большой пунктуальности. Все, что хранилось в сейфе, перечислено в табличке, прикрепленной к внутренней стороне дверцы. В этом списке план минирования стоит в ряду, соответствующем номерам больших голубых конвертов. Бумаги или ценности хранятся на других полках и имеют другую нумерацию. Любому из нас было бы достаточно полминуты, чтобы убедиться: именно этого конверта нет на месте.

— Позвольте, пожалуйста! Ведь отперт еще один маленький ящик внутри сейфа? — возразил Грачик.

— В нем, при всем желании, нельзя было поместить план, нанесенный, несомненно, на большом листе бумаги или кальки.

— Голубого конверта не было и на трупе!

— Не было.

— Значит, его и унес грабитель? Так полагаете?

— Если он вообще что-нибудь уносил из здания станции.

— Э-э, джан! Вы хотите сказать, что он со своей добычей остался там?

— Грабитель-то, если можно так назвать того, кому этот план был нужен, несомненно, остался там, но пакета у него уже не было.

— Почему вы так думаете?

— Потому что шпингалет окна, которым я заинтересовался, был поднят и створка притворена недостаточно плотно, в то время как все остальные окна, в полном соответствии с сезоном, были затворены очень тщательно.

— Запор мог быть поднят давным-давно!

— Если бы окно было давно неплотно затворено, то в комнате не мог бы удержаться такой спертый воздух и на пыльном шпингалете не сохранилось бы ясного следа пальцев.

— А почему вы думаете, что убийца остался в пределах станции? Ведь лейтенант довольно убедительно показал: проще всего было скрыться по запасной лестнице, по которой похититель и проник в кабинет.

— Последнее требует доказательств. А то, что он убежал по этой лестнице, отпадает. Нельзя беззвучно пробежать шесть маршей по железной лестнице. Это должно быть хорошо слышно далеко за пределами лестничной клетки... Если только человек не бежит в носках. А это тоже отпадает... Одним словом, железная лестница — довольно надежный свидетель.

— Чему?

— Тому, что никто по ней не сбегал.

— Выходит, по-вашему, убийца оставался в здании, пока мы там были?

Грачик в сомнении покачал головой, но Кручинин отрезал:

— Безусловно.

— Значит, нужно было обыскать станцию. непременно обыскать.

— И либо найти его, либо нет. Но зато уж наверное показать преступнику или преступникам, что мы кое о чем догадываемся.

— Так почему же вы не попросили шефа оцепить станцию?

— Чтобы сообщники убийцы, те, по чьему приказанию он действовал, пока ничего не боялись.

— Ай-ай-ай! — Грачик укоризненно покачал головой и даже прищелкнул языком. — А вы думаете, что очень корректно с вашей стороны скрыть все эти соображения от наших любезных хозяев?

Кручинин вынул из кармана листок и, протянув его Грачику, направил на него луч карманного фонаря.

— Полюбуйся.

Это был пропуск в помещение станции.

— Подложный пропуск на имя Браду! — воскликнул Грачик.

— Если бы подложный! Бланк не возбуждает ни малейших сомнений.

— Вы хотите сказать: он выдан... в полиции? Да, трудное время. Совсем паршивое время.

— Не столь трудное, сколь сложное. А в общем довольно интересное. Ты не находишь?

— Да, да... — рассеянно повторил Грачик и, помолчав немного, спросил: — Однако ведь ежели пропуск был предъявлен, а дружинник об этом промолчал, хотя это могло бы его оправдать в глазах начальства, — значит этот дружинник... — И Грачик, сделав многозначительную паузу, вопросительно посмотрел на Кручинина.

— Ну, ну,— ответил тот,— что ты хочешь от парня, который вчера еще стоял у станка? Чтобы он не растерялся при виде сразу двух полицейских да двух иностранцев в придачу?! Ты забываешь условия, в каких тут жил рабочий.

— И все-таки его поведение мне очень не понравилось... Нет, нет, не понравилось.— Грачик с сомнением покачал головой, что-то обдумывая. Но прежде чем Грачик успел задать следующий вопрос, который должен был разъяснить ему до конца весь ход мысли Кручинина, тот остановился и, указав на верх здания станции, где тускло светило одинокое окошко третьего этажа, сказал:

— Вот мы и пришли.

Грачик увидел, что они стоят в закоулке, еще более мрачном, чем прежний. Сюда выходила задняя стена здания станции. Было очень темно. Несло зловонием, повидимому, с расположенного где-то поблизости кожевенного завода.

— Нечего сказать, уютное местечко. Совсем для Нового года. Встречайте, пожалуйста,— пробормотал Грачик, но Кручинин не обратил на это замечание никакого внимания. Переходя на обычный для него в таких случаях способ разговаривать с самим собой, словно бы спутника тут и не было, он стал негромко говорить:

— Убийца распахивает окно, вглядывается в темноту. После освещенной комнаты ему плохо видно. Он не сразу различает фигуры стоящих внизу. Подает условный сигнал. Тут на лестнице раздаются шаги поспешно поднимающегося человека. Дорога каждая секунда, похититель размахивается и хочет бросить на улицу большой плотняный конверт. В последний момент он соображает, что легкий конверт не пролетит про-

странства, отделяющего задний фасад станции от переулка. Преступник ищет что-нибудь тяжелое, чтобы вложить в конверт и заставить его упасть на улицу. У него в кармане есть, конечно, перочинный нож, зажигалка и еще какие-нибудь тяжести, но он не так неосторожен. Мозг его работает еще достаточно холодно, чтобы не допустить такой глупости: ничего, что могло бы указать на его причастность к этому делу, не должно быть в конверте. Мало ли что... На расстоянии вытянутой руки от него из дверцы сейфа торчит связка ключей. Одно движение и ключи вложены в конверт. Конверт летит в окно. Окно затворяется, но уже нет времени повернуть медную ручку, запирающую шпингалет...

Пригнувшись к самой мостовой, Кручинин стал рассматривать снег, подсвечивая себе карманным фонарем.

— Вот сюда падает конверт. К нему подбегает сообщник убийцы. Вот он топчется, ищет, вот повернул в ту сторону и пошел... Теперь, старина, молись своему святому о том, чтобы следы эти не исчезли или не спутались с другими на какой-нибудь людной улице. Хотя расположение гвоздей на подошве этого джентльмена достаточно характерно, чтобы отличить его обувь среди сотни других. Ботинки сшиты у хорошего специалиста по спортивной обуви. Как умно расположены шипы на внешней стороне ступни!.. — Он помолчал, потом сказал громко: — Как ты думаешь, с чего бы этому субъекту пришло в голову разгуливать в таких ботинках? Потому ли, что износились все другие и он пустил в ход последнюю пару горных ботинок, вовсе не приспособленную к городским прогулкам, или он собрался в далекий путь, а?

Грачик молчал, потому что отлично знал: Кручинин меньше всего сейчас ждет его ответа. Чье бы то ни было мнение его пока не интересовало. И потому Грачик предпочел наблюдать за тем, как он, с видом напавшей на след ищейки, искусно разбирается в отпечатках ног, становящихся все менее различимыми по мере приближения к людным улицам. На счастье, движения в этот час не было. Город находился на военном положении, и передвигаться после полуночи могли только обладатели специальных пропусков. Все те, кто в данное время находился на «встречах» Нового года, обречены были оставаться там до утра. Это облегчало задачу Кручинина.

По мере того как следить за отпечатками заинтересовавших Кручинина подошв делалось все труднее, он становился менее разговорчив, и под конец друзья шли в полном молчании. Он — впереди, пригнувшись к мостовой. Грачик — в двух шагах сзади и в стороне, чтобы ненароком не испортить след, который может еще понадобиться.

Совсем поблизости башенные часы отзвонили два. По их бою Грачик понял, что это не те часы, которые он слышал у станции. За час друзья, повидимому, значительно удалились. Грачик не мог себе представить, где они находятся.

Кручинин, наконец, со вздохом облегчения выпрямился и сказал:

— Кажется, пришли.

Грачик увидел, что следы свернули прямо к калитке в глухой кирпичной стене.

— Если я не ошибаюсь, — сказал Кручинин, — этот переулок параллелен бульвару Марии Терезии?

Грачик выразил сомнение в том, чтобы Кручи-

нин мог верно ориентироваться, ни на секунду не оторвавшись от наблюдения за следами. Однако достаточно было осветить номерную дощечку ближайшего дома и свериться с планом города, чтобы убедиться, что тот прав.

— Не думаю, чтобы след автомобиля привел милого шефа полиции к переднему фасаду того же дома, к которому мы подошли сзади. Однако, прежде чем приниматься за дальнейшее, мы имеем право перекурить, а?

Кручинин закурил. В то мгновение, когда вспыхнул огонек спички, бросив трепетный блик на лицо друга, Грачику показалось, что черты его отражают полное удовлетворение. Может быть, это было результатом того, что следы привели, наконец, к какой-то определенной цели. Но, может быть, Кручинин, просто-напросто забыв решительно все на свете, наслаждался минутной затыжкой папиросного дыма, подобно тому, как другие способны наслаждаться месячным отдыхом на юге.

Сделав еще одну затыжку, Кручинин отбросил недокуренную папиросу, и она тотчас погасла в снегу.

— Теперь за дело. Ты посторожи здесь, а я обойду, погляжу, куда привел нас любитель горного спорта. Чертовски любопытно узнать, кто оспаривает у милейшего доктора Вельмана обладание тайной взрыва электростанции. Ты не находишь?

Грачик пожал плечами:

— Я еще понял бы это, когда речь шла о каких-то ценностях... Но теперь?.. Кто может оспаривать план у секретаря Вельмана? Только наши люди. Но не подозревать же их в том, что... Решительно ничего не понимаю!

— Пока я тоже понимаю немногим больше тебя,— согласился Кручинин.

Прежде чем Грачик собрался ответить, силуэт Кручинина растворился в темноте. Грачик слышал, как поскрипывает снег под его шагами. Но вот смолкли и они. Грачик остался один. Он знал, что его друг способен заставить спутника торчать здесь час, и два, и три — столько, сколько самому Кручинину понадобится на исследование всего, что интересует его по ту сторону дома. Он даже попросту забудет о существовании спутника, пока тот ему не понадобится. Поэтому Грачик решил запастись терпением. Он поднял воротник пальто, поглубже засунул руки в карманы и принялся расхаживать вдоль забора, чтобы не дать озябнуть ногам. Чьи-то поспешные шаги на улице заставили его отбежать к калитке и вжаться в ее нишу. И тут он сообразил, что совершил ошибку: он, Грачик, не должен был прятаться в нише! Что если поздний прохожий спешит именно сюда? Он неизбежно наткнется на Грачика!..

Кто-то, действительно, остановился перед самой калиткой, и рука с такими крепкими пальцами, что Грачик сквозь драп почувствовал их железную твердость, цепко схватила его за плечо. Еще мгновение, и он ударил бы ее обладателя рукоятью пистолета, но, к счастью, вовремя раздался тихий смех Кручинина.

«Кажется, он так великодушен, что не попрекнул меня моей грубой ошибкой»,— подумал Грачик.

— Ты знаешь, у чьей калитки разгуливаешь?— спросил Кручинин, сдерживая смехок.— Ну, ну, угадывай живее...

— Скажите пожалуйста, сложная задача! — пренебрежительно откликнулся Грачик и с уверенностью заявил:

— Это дом толстяка!

— Ты прав, — сказал Кручинин, и Грачику почудилось даже, что, несмотря на темноту, он видит на лице друга улыбку удовлетворения. — Этот дом, действительно, принадлежит толстяку.

Сердце Грачика наполнилось гордостью. Он стал уже строить в уме целую схему заключений, якобы приведших его к выводу, что они подошли именно к дому толстого шефа полиции. Когда он потом, много времени спустя, пытался разобраться, каким образом подобный вздор мог прийти в голову, то никак не мог этого понять. Единственное, что стало ему ясно впоследствии: для этого, столь же неожиданного, сколь вздорного умозаключения не было решительно никаких данных. И Грачик хорошо помнит, как его тогда поразило то, что Кручинин перебил ход его «логического построения» заявлением:

— Только этот толстяк — не шеф полиции, а... директор электростанции, доктор Вельман.

— Выходит, по-вашему, что он сам у себя похитил план? — с некоторым раздражением воскликнул Грачик.

Но вместо того, чтобы ответить ему, Кручинин вынул папиросу и опять принялся не спеша закуривать. Только как следует раскурился папиросу, он сказал:

— К счастью, в доме Вельмана не слишком строго соблюдаются правила противовоздушной маскировки. Заглядывая в щель одного из окон, я ожидал увидеть празднично убранный стол и кучу разодетых людей, весело встречающих Но-

вый год, или хотя бы залу, где под патефон отплясывают фокстроты. Но, к своему крайнему удивлению, я увидел хорошо обставленную гостиную; в каждом кресле находилась фигура мужчины в смокинге или женщины в вечернем платье. Своими позами они изображали крайнее уныние. Да, да, самое откровенное уныние и даже страх. Это чувство, повидимому, владело решительно всеми... Они сидели, как истуканы, с широко раскрытыми глазами. Можно было подумать, что все они загипнотизированы. Это зрелище мне наскучило, и я перешел к другому окошку. Там я увидел столовую с длинным столом, за которым не было ни одного человека и который имел вид внезапно покинутого гостями. Так, передвигаясь от окна к окну, я увидел еще несколько полутемных и совершенно пустых комнат. Везде царила тишина. Наконец я подошел ко входной двери парадного крыльца. К своему удивлению и удовольствию, я нашел ее незапертой. После короткого размышления я нажал ручку и вошел. Никто не встретил меня. Никто не заинтересовался моим появлением. Можно было подумать, что в доме не осталось ни одного человека, кроме тех нелепых фигур в гостиной. Но, миновав несколько выходящих в коридор дверей, в которые я снова видел комнаты, уже рассмотренные мною в окна, я услышал, наконец, негромкий голос. Ты хорошо знаешь: нескромность никогда не была моим пороком, но тут я не мог удержаться от искушения и осторожно заглянул в замочную скважину. И вот...— Кручинин сделал небольшую паузу, будто намереваясь разжечь интерес слушателя, а в действительности лишь для того, чтобы прислушаться к раздавшемуся вдали удару башенных часов,—

передо мною была рослая девушка с остриженными по-мужски рыжими волосами. Лица ее я разглядеть не мог. Она держала около уха белую телефонную трубку. Я не мог не обратить внимания на то, что на этой особе в отличие от остальных виденных мною в окна людей, разодетых в смокинги и вечерние платья, был полудорожный, полуспортивный костюм, мало подходящий для встречи Нового года. Он состоял из толстого жакета с выглядывающим из-под него свитером и лыжных панталон, заправленных в тяжелые башмаки... Последнюю фразу, брошенную девицей в трубку, я расслышал вполне отчетливо: «Просим вас приехать как можно скорее». После этого она достала из кармана пачку папирос, по-мужски закурила и метко бросила спичку в довольно далеко стоящую пепельницу. Мне хорошо запомнилось это уверенное движение, видимо, твердой и сильной руки. Затем девица обернулась в темный угол и сказала кому-то, кого мне не было видно: «Старая дрянь поплатится. Сейчас здесь будет сам начальник полиции». — «Этот толстый дурак?» — спросил сидевший в углу мужчина. — «Сейчас меня интересуют не его умственные способности, а право шефа полиции арестовать кого нужно», — резко ответила рыжая девушка...

Тут Кручинин рассмеялся и умолк.

— Чему вы? — не скрывая раздражения, спросил Грачик. Он и так уже с трудом сдерживал нетерпение: ему хотелось действовать, двигаться, подобно хорошей охотничьей собаке, уткнув нос в след убегающей дичи, мчаться вперед и вперед. — Чему вы смеетесь? — повторил он.

— Если бы ты ее видел?! Эту рыжую. Она обернулась — и, — Кручинин снова тихо рассмеял-

ся,— честное слово, если бы я не знал, что не бывает, не может быть крысы такого размера... Притом, представь себе: рыжая крыса-гигант, а?! Право, я даже попятился от двери...

— Однако бедный толстяк, этот шеф полиции! — вырвалось у Грачика. — Ему так и не дадут встретить Новый год. Да вдобавок еще поносят его и, по-моему, совсем незаслуженно: он добродушен, но вовсе не глуп.

— Может быть, может быть,— неопределенно ответил Кручинин. — Хочешь знать, что было дальше?

— Говорите же, пожалуйста, говорите! — умоляюще проговорил Грачик.

— Никем не замеченный я добрался до конца коридора. Судя по запахам, я был недалеко от кухни. Она меня не интересовала, и там наверняка была прислуга, которая могла меня заметить. Пожалуй, пора было поворачивать к выходу, тем более, что я теперь знал: через несколько минут здесь будет наш милейший шеф, и мы вместе с ним можем открыто войти в дом. Я вернулся в прихожую и уже взялся было за ручку парадной двери, когда луч света, падающий откуда-то сбоку, осветил угол за вешалкой. Я увидел несколько пар палок, лыжи, рюкзаки и аккуратно выставленные рядком три или четыре пары горных ботинок. Ну, ты уж и сам понимаешь: я не мог не поглядеть на их подошвы. Я поднял эти ботинки один за другим и увидел... Все они были подбиты именно так, как вот эта пара. — И он указал на следы в снегу, около которых они стояли. — А их там было четыре пары! Да, да, восемь подошв с умно набитыми шипами.

МОЛОКО НА НОЧЬ

Несколько мгновений Грачик в разочаровании глядел на замысловатый рисунок шипов, четко отпечатавшийся на снегу.

— Значит... эта нить ненадежна,— с досадой сказал он.

— Такими «уникумами» в этом доме обладают по крайней мере четверо. Впрочем, не отчаивайся,— непринужденно добавил Кручинин.— Я увидел кое-что, вознаградившее меня за пережитое разочарование: из кармана висевшей там спортивной куртки торчал сложенный вдвое голубой полотняный конверт.

— Дайте сюда! — радостно воскликнул Грачик.

— Он... остался в том же кармане.

— Как, вы не взяли его?!

— Не успел. Кто-то шел по коридору. Но конверт от нас не уйдет. Мы возьмем его, как только войдем в дом вместе с полицией.

— Вы намерены продолжать поиски?

Кручинин посмотрел на Грачика так, что у того пропало желание задавать вопросы.

— Да, вон и автомобиль. Это они. Марш, марш!

Друзья побежали вокруг дома...

На несколько мгновений Грачик невольно задержался на углу бульвара: представившаяся ему картина была великолепна. В слабом свете затемненных фар бульвар с его столетними каштанами, опущенными снегом, представлялся еще более нарядным, чем в свете месяца. С большим вкусом казалась выполненной природой эта панорама «блек энд уайт». Силуэты далеких домов и собора синели, как задник тонко задуманной

и с необыкновенным искусством выполненной декорации. Это было красиво до неправдоподобия... Со стороны автомобиля послышался чей-то не то удивленный, не то испуганный возглас и смех Кручинина. В слабом свете автомобильной фары стоял толстый шеф и не пытался скрыть своего изумления при виде русских.

— Вот вам мой новогодний сюрприз: мы сами своими персонами! — весело воскликнул Кручинин.

— А мы только что заезжали за вами, — с несвойственной этому весельчаку мрачностью произнес шеф. — Я был очень огорчен и даже обеспокоен тем, что вас еще нет дома. Это дело... — он кивнул на особняк Вельмана, — без всякого сомнения находится в связи с тем, что мы с вами видели два часа назад. И должен признаться, у меня пока нет никаких оснований прийти в хорошее настроение. Каждую минуту мы можем ждать, что злоумышленники приведут в исполнение свое намерение, или, вернее, приказ своих хозяев: станция может быть взорвана. Я уже отдал распоряжение пожарным командам быть наготове, и я хочу передвинуть их в этот район.

— Вы ждете взрыва? — спросил Кручинин с интересом, показавшимся Грачику подозрительным.

— Да! — трагическим тоном воскликнул толстяк. — Косвенные сведения, поступившие в редакцию, то есть я хотел сказать, перехваченные сейчас полицией, говорят о том, что остатки гитлеровской агентуры получили какие-то секретные инструкции. Какие, мы еще не знаем, но это может быть именно приказ об уничтожении станции, поскольку враги убедились в том, что им сюда уже больше не вернуться. Когда я думаю

об этом взрыве... О, это было бы очень грустно!.. Хотя это и был бы замечательный материал для газеты. Просто прекрасный материал!

— Да, более чем прекрасный материал,— иронически согласился Кручинин.— Так не будем же терять времени.

— Вы заготовили ордер на обыск в доме Вельмана? — спросил шеф стоящего рядом черноусого лейтенанта Круши.

— Так точно, начальник,— отозвался лейтенант.— И захватил несколько пустых бланков для приказов об аресте.

— Идемте же, господа,— воскликнул шеф, первым вбежал на ступени подъезда и взялся за ручку двери. И как раз в этот момент, словно вызванный его прикосновением, по дому разнесся вопль. В нем звучали испуг и отчаяние. Это был крик насмерть перепуганной женщины.

Опередив своего начальника, Круши ударом ноги отворил попрежнему незапертую дверь и бросился по коридору. Все последовали за ним. Бежавший перед Грачиком Кручинин на ходу толкнул одну из боковых дверей, и их взорам представилось странное зрелище: мужчины в смокингах и дамы в вечерних туалетах продолжали сидеть безмолвные и неподвижные, полные напряженного ожидания. В первый момент приход новых людей не произвел на эти похоронные фигуры сколько-нибудь заметного впечатления. Но все сразу изменилось, когда они увидели полицейский мундир шефа: всеобщее оцепенение словно рукой сняло. Мужчины вскакивали с мест, дамы натягивали меха на обнаженные плечи, вынимали пудреницы. Все лица, до того похожие на маски восковых чучел в паноптикуме, ожили. На одних появились улыбки, другие обнаружили

любопытство, третьи — то были лица пожилых людей — выражали подчеркнутую торжественность.

Но и это оживление было ничем по сравнению с тем, что произошло, когда в дверях показался лейтенант Круши. Тут поднялись со своих мест и дамы. Мужчины подтянулись. Опущенными по швам руками они выражали почтение. Среди общего молчания послышался голос тучного седого мужчины, сделавшего шаг навстречу лейтенанту:

— Мы ждем ваших... — начал было он и осекся, взглянув на лицо черноусого лейтенанта. Оно выражало гнев и презрение, его косматые брови были угрожающе сдвинуты. Выставив волосатый палец, Круши четко произнес:

— В связи с некоторыми событиями этот праздник считаю неуместным... — Он обвел гостей тяжелым взглядом. — Всех попрошу покинуть дом. — И, покачивая пальцем, с особенной подчеркнутостью повторил: — Считайте, что праздник не состоялся.

Толкая друг друга, словно их подгоняли, гости с поспешностью устремились к выходу. Но там их ждал Грачик, внимательно следивший за всей этой сценой. Преправив путь гостям, он обратился к шефу:

— Дорогой коллега! Не кажется ли вам, что предложение лейтенанта несколько поспешно. Было бы любезней предложить этим господам остаться здесь. Зачем нарушать старый обычай, хороший обычай? Пускай продолжают новогодний ужин, которого почему-то не закончили. Может быть, стакан хорошего вина сделает их немножко более веселыми, а?

Шеф вопросительно взглянул на стоящего в другом конце комнаты Кручинина. Тот молчали-

вым кивком головы подтвердил свое согласие с предложением Грачика и быстро вышел. Грачик повернул ключ в дверях, ведущих к вестибюлю, и сунул ключ в карман. Жестом пригласив Круши и шефа идти за Кручининым, он последним покинул комнату. Напоследок он искоса оглядел замерших от удивления и испуга гостей. Подбородок того толстяка, что первым обратился с вопросом к Круши, отвис, словно мышцы утратили силу, необходимую для поддержания этой массивной части его лица.

Несколькими широкими шагами Грачик догнал Кручининого. На мгновение тот остановился у затворенной двери, прислушался и быстро отворил ее. Грачик увидел пустой будуар. Маленькая, затененная абажуром лампа горела на столике, и ее свет ярко отражался белым лаком телефонного аппарата; в комнате никого не было.

Круши и шеф успели уже добежать до конца коридора и, убедившись, что в остальных комнатах никого нет, вернулись к той, в которой сидели неподвижные гости. Однако Кручинин тоном, не терпящим возражений, приказал:

— Во второй этаж!

Грачик понял, что его друга интересует девушка в спортивном костюме, о которой он ему давеча говорил. Ее нигде не было видно.

Все прибывшие быстро взбежали по широкой деревянной лестнице, скудно освещенной матовым бра над площадкой между первым и вторым маршами, и очутились в коротком коридоре. Сюда выходили двери нескольких комнат. По всей вероятности, это были спальни членов семьи. Виднелись еще маленькие двери ванных комнат.

Тут все остановились, чтобы прислушаться.

Из-за двери одной из спален раздался звук, похожий на рыдание. Предшествуемый бесстрашным лейтенантом, шеф вошел в эту комнату. Из-за его широкой спины Грачик увидел девушку, которую сразу признал по давешнему описанию Кручинина. Ее длинное лицо с выдающейся нижней челюстью и казавшееся, вероятно, еще длиннее, чем было, из-за непривычного для женщины способа стричь густые рыжие волосы, выражало негодование. Во всей ее крепкой костистой фигуре, в выпяченной тяжелой челюсти и в обращенных на гостей холодных серых глазах было столько воли, что Грачик невольно задержал на ней взгляд. Повидимому, она произвела впечатление и на его спутников.

Кроме рыжей девицы, в комнате находилась еще одна женщина — полная, то, что называется «сырая», средних лет, облаченная в вечерний туалет. Лицо этой женщины носило следы увядшей красоты. Но в данный момент оно было красно и опухло от слез. Когда прибывшие вошли, женщина эта сидела в позе отчаяния, подняв над головой руки, словно защищаясь от стоящей напротив нее рыжей девицы. Поодаль, прислонившись спиной к стене, с поразительно равнодушным видом, нимало не соответствующим тому, что представилось взорам вошедших в следующий момент, стоял молодой, атлетического сложения человек. Он был велик ростом, широк в плечах и на первый взгляд производил впечатление циркового гиревика, нарядившегося в мало идущий ему смокинг. Вид у этого атлета был такой, словно ему все происходящее было давно известно, наскучило и кажется совершенно обычным делом.

В первый момент Грачику показалось, что, кроме этих трех людей, в комнате никого больше

и нет. Лишь приглядевшись, он увидел второго мужчину, неловко лежащего на боку поперек широкой кровати. Судя по положению тела, окаменелой неподвижности и неестественно раскинутым рукам, он был без сознания; видимо, он упал в постель внезапно. На это указывала не только его неудобная поза, но и то, что на одну руку у него был надет свитер, который он, повидимому, не успел стянуть или начал надевать. Здесь же валялись куртка верблюжьей шерсти и... горные ботинки, глядевшие подошвами прямо на свет лампы, ярко освещавшей хорошо знакомый уже друзьям узор шипов.

Все эти детали были схвачены Кручининым с первого взгляда. Когда шеф, только еще окончив первый беглый осмотр, обернулся к Кручинину, он увидел его сидящим в кресле рядом с плачущей женщиной и пытающимся заставить ее отпить из стакана с водой, который он успел где-то раздобыть.

— Кто может рассказать, что тут произошло? — строго спросил шеф, обводя взглядом присутствующих.

Атлет не произнес ни слова и только недолженно повел широченными плечами. Пожилая женщина при этих словах шефа еще крепче прижала платок к глазам, у нее вырвалось конвульсивное рыдание. По лицу рыжей было видно, что она колеблется. Но вот она разомкнула сплетенные пальцы рук и решительно сказала:

— Если позволите.

— Да, да, поскорее, — с нетерпением произнес шеф, но тут же остановил жестом открывшую было рот девушку. — Ему нужна помощь, — и он взглядом указал на все еще неподвижного мужчину на кровати.

Девушка пошатнулась, как бы от удара, и глухо произнесла:

— ...К сожалению... он уже не нуждается ни в чьей помощи... — При этом глаза ее с ненавистью остановились на рыдающей женщине.

Шеф безмолвно указал Круши на постель. Тот подошел к труп, приподнял ему голову и лаконически отрапортовал:

— Директор Вельман.

Возглас изумления вырвался у шефа. По тому, как Кручинин мгновенным, едва уловимым движением оглянулся на лейтенанта, Грачик понял, что открытие крайне заинтересовало его друга.

Грачик не посмел бы применить к своему другу слово «поразило» или хотя бы «удивило», как должен был сказать о самом себе. Он не знал обстоятельств, которые могли быть для Кручинина поистине неожиданными. Когда Грачик посмотрел на него вторично, тот имел уже такой вид, словно ничего не произошло, и будто он именно такого сообщения и ждал. Грачик был убежден в том, что это не было рисовкой. По его мнению, «интуиция» Кручинина такова, что он способен по мельчайшим, для других вовсе не уловимым признакам моментально анализировать случившееся, а иногда и предвидеть ближайшие события с поразительной точностью.

Именно это, по мнению Грачика, и давало Кручинину возможность почти ничему не удивляться. По каким-нибудь деталям, не схваченным ни Грачиком, ни шефом полиции, а может быть, не замеченным даже и профессионалом полицейского дела лейтенантом Круши, Кручинин уже знал то, что стало другим ясно значительно позже, — что произошло в этой комнате.

Из объяснений рыжей девушки присутствующие

узнали, что сама она — личный секретарь доктора Вельмана, Эла Крон; пожилая дама, продолжающая олицетворять безысходное отчаяние, — жена Вельмана и молодой атлет — их племянник, инженер-электрик Уго Вельман, прехавший сюда погостить на рождественские праздники.

— ...Близко зная господина Вельмана, — сдерживая волнение, говорила Эла, — я не могла не заметить, что весь сегодняшний день он был в несколько необычном для него состоянии волнения, какой-то особенной настороженности. Слово он все время ждал чего-то... чего-то неприятного. При его болезненности это заставило меня беспокоиться. Мое беспокойство достигло крайней степени, когда он вдруг, вместо того чтобы одеваться к новогоднему ужину, вышел ко мне в этом спортивном костюме и сказал, что идет на прогулку. Это было так странно. Я пыталась отговорить его. С минуты на минуту должны были съехаться приглашенные. Создавалось неловкое положение. Я сказала об этом госпоже Вельман. Она поднялась сюда, и между супругами произошло объяснение. Зная характер моего патрона, я возлагала мало надежды на то, что мадам удастся уговорить директора остаться, если он решил идти. Поэтому я быстро спустилась к себе и тоже переделалась, намереваясь сопровождать господина директора на прогулку. Однако, когда я вернулась наверх, то не застала тут уж ни его, ни... мадам. — При слове «мадам» маленькие крысиные глазки рассказчицы сверкнули ненавистью, которую у нее не хватило силы и умения скрыть. — Его вообще уже не было дома, — продолжала она. — Это было очень неловко. Ужин, к которому собрались все близкие, прошел в угнетенном настроении. Он был прерван

неожиданным для всех нас возвращением господина Вельмана. Едва поздоровавшись с гостями, что было удивительно для этого любезного и приветливого человека, и даже не дав себе труда извиниться, он поднялся сюда.

Волнение рассказчицы росло по мере того, как она говорила. Грачик видел, что ей стоит труда владеть собой и связно говорить. Грачик подал было ей воды, но она отстранила его руку. В ее глазах он прочел: «Не прерывайте меня, иначе у меня не хватит сил связать мысли...»

— ...Последовав за директором, я увидела, что он вернулся в состоянии крайнего возбуждения. Мне кажется, я... никогда еще не видела его таким. Несколько минут он молча ходил по комнате. Я не решалась прервать это молчание. Наконец он остановился и, взяв меня за руку, ласково сказал: «Боюсь, милая Эла, что нам придется расстаться. Обстоятельства складываются так, что...» Не договорив, он отвернулся и снова долго молчал. Вдруг он сказал: «Принесите мне молоко». Тут я должна пояснить, господа, что у доктора Вельмана была привычка выпивать утром и перед сном по стакану сырого молока. Он делал это регулярно изо дня в день. Я поняла: он собирается лечь, и, не возражая, пошла на кухню за молоком. В верхнем коридоре я встретила мадам Вельман. Мне показалось... что она отшатнулась от двери этой комнаты, как будто подслушивала наш разговор... Я видела: она крайне раздражена. Взгляд, которым она меня окинула, сказал мне с полной ясностью, что ее подозрения о нашей близости с доктором Вельманом перешли в уверенность.

При этих словах Эла отвернулась, думая, видимо, что скроет этим выступившие у нее слезы.

Стараясь сделать это незаметно, она вытерла глаза и с нескрываемым негодованием проговорила:

— Вот к чему приводят сплетни! — Она помолчала, преодолевая волнение. — Чтобы избежать объяснения, которое, казалось мне, могло произойти тут же, на лестнице, я поспешила вниз. В кухне я несколько задержалась, чтобы успокоиться и собраться с мыслями. Достала из рефрижератора кувшин с молоком и налила директору его любимый большой стакан. Вынула из шкафа несколько гренков. Когда я со всем этим вышла в коридор, то до меня донеслись слова бурного объяснения супругов — уже второго за этот день... То, что я услышала, заставило меня поспешить наверх. Я считала своим долгом быть около директора Вельмана, когда, судя по голосу, совершенно обезумевшая от ревности женщина, не стесняясь тем, что ее дом полон гостей, угрожала ему насильно прекратить нашу воображаемую связь, если он тотчас не выгонит меня из дому. Я не знала, что она подразумевает под словом «насильно», но голос ее звучал так угрожающе... Пока я поднималась по лестнице, в комнате воцарилось молчание. Оно показалось мне особенно страшным. Словно что-то оборвалось во мне, вот тут. Я остановилась, не в силах передвинуть ноги. Именно здесь и нагнал меня Уго. Он тоже услышал угрозы мадам и поспешил сюда, чтобы предотвратить, как ему казалось...

— Господин Уго Вельман скажет сам, что найдет нужным, — вставил шеф.

— Простите, я так волнуюсь... Когда мы вместе с Уго вбежали сюда, то увидели то же, что видите вы... Очень странно: мадам в комнате не было. Она вбежала следом за нами, делая вид, будто представившееся зрелище является для нее

неожиданным. Уго позже сказал мне, что я лишилась чувств. Вероятно, это было действительно так. Придя в себя, я увидела одного из гостей — нашего домашнего врача, склонившегося над убитым. Ему не оставалось ничего иного, как засвидетельствовать смерть. Это все...

Сильные пальцы рассказчицы снова сплелись, и из глаз, устремленных на труп, закапали слезы.

Из дальнейшего опроса, произведенного шефом, выяснилось, что Уго Вельман слышал часть бурного объяснения супругов, упреки и угрозы жены директора и что, вбежав сюда вместе с Элой, Уго застал именно эту картину, какую она описала.

Судя по всему, орудием убийства послужил массивный нож для разрезания книг, изготовленный из нержавеющей стали. Удар был нанесен тяжелой крестообразной рукоятью ножа в висок. Этот нож валялся тут же возле кровати, так же как и книга, которая, повидимому, была до того заложена этим ножом. По общему показанию, нож принадлежал жене покойного. Она и сама признала это, но упорно отрицала какую бы то ни было причастность к убийству. По ее словам, оно произошло в те несколько минут, когда ее не было в комнате, — между концом ее ссоры с мужем и ее вторичным появлением в его спальне. Она пыталась уверить нас, что вернулась для того, чтобы помириться с мужем, а, войдя в комнату, увидела там Элу и Уго.

Беглый опрос гостей, утративших всю свою респектабельность из-за боязни быть запутанными в темное дело, не дал ничего. Они растерянно отвечали на вопросы, задаваемые шефом полиции. Вернувшись на свое место у стены, каждый из них замирал в позе испуга и даже отчаяния.

— Кто они такие? — тихонько спросил Кручинин у шефа.

— Промышленная и финансовая знать нашего города, — со странным выражением, смахивающим на трепет уважения, ответил тот. — Конечно, те, кто не успел бежать к американцам.

— Ах, вот что!.. А я было не так вас понял, дорогой коллега, — усмехнулся Кручинин... — Ну-ка, назовите мне их.

Шеф стал называть одного за другим сидевших вдоль стены гостей.

— Они всегда были такими... смирными? — спросил Кручинин.

— О, что вы! — Шеф рассмеялся. — Это же были хозяева жизни. Отцы нашего города и даже страны.

— Почему же они похожи теперь на кукол?

Шеф махнул пухлой рукой, каждый сосискообразный палец которой выражал беззаботную самоуверенность.

— А разве это не куклы? — сказал он. — Теперь ведь они никому не страшны. Они потому так и держатся, что уверены: при малейшем подозрении каждый из них будет посажен.

— Вот как?

— Непременно! — Шеф нахмурил брови, и его круглое добродушное лицо приняло угрожающий вид. — Мы всех их вместе и каждого в отдельности видим насквозь и знаем как свои пять пальцев. Наша задача теперь перевоспитать их и поставить на службу демократии.

— И вы теперь совершенно спокойны за них и за себя?

— Безусловно.

— Вот и прекрасно, — с видом окончательно

успокоившегося человека резюмировал Кручинин. — Так и будем знать.

Все более или менее определенно говорило о том, что убийцей Вельмана, может быть невольным, была его жена. Шеф приказал Круши арестовать ее.

Кручинин не вмешивался. Дело, казалось, перестало его интересовать. Единственный вопрос, заданный им Эле, был, видимо, совершенно случаен и придуман только для того, чтобы не выдать своего равнодушия:

— Тут, на столике, возле меня, и стоит молоко, которое вы налили для господина Вельмана?

— Да.

— Это произошло...—Кручинин посмотрел на часы, соображая,—примерно... с полчаса тому назад?

— Я могу сказать совершенно точно, — уверенно отозвалась Эла. — Выходя из кухни с этим стаканом молока, я посмотрела на стенные часы. Было без четверти два, а теперь... тридцать пять минут третьего, значит...

— Значит, вы налили это молоко ровно пятьдесят минут тому назад.

— Совершенно верно.

— Благодарю вас... Это все, что меня интересовало, — сказал Кручинин шефу и тихо, так, что слышать его, кроме шефа, мог только Грачик, добавил: — Задержите здесь всех, пока я не вернусь.

Сопровождаемый Грачиком, Кручинин быстро спустился в первый этаж и прошел коридором к прихожей. Там он уверенно направился в угол, и Грачик увидел в его руке большой пологняный конверт голубого цвета. Грачик понял, что равнодушие Кручинина, разыгранное перед тем, было напускным. Все время мысли его были сосредоточены на этом конверте, и он хотел установить

одно: имеет ли это второе убийство какое-нибудь отношение к плану. Убедившись в том, что никакой связи тут нет, он, вероятно, окончательно выкинул все слышанное из головы и теперь стоял перед Грачиком торжествующий, с желанной добычей в руке.

Грачик не мог удержать руку и потянулся к конверту. Он нетерпеливо вскрыл его и заглянул внутрь. Конверт был пуст.

УГО ВЕЛЬМАН ЕДЕТ НА КУРОРТ

Прежде чем Грачик успел опомниться от ошеломившего его острого разочарования, послышался беззаботный голос Кручинина:

— Выпей на ночь стакан молока — все пройдет. А теперь спать! Никакие убийства, произойди их сегодня хотя бы десяток, меня уже не интересуют.

— А электростанция! — воскликнул Грачик. — А ежеминутная возможность взрыва! Это вас тоже не интересует?

— Утро вечера мудренее, — повторил Кручинин. — Я хочу спать.

— По крайней мере поднимемся и скажем шефу, что на сегодня с нас довольно.

— Ох, уж эти мне церемонии! — пробормотал Кручинин и нехотя поплелся за Грачиком.

Шеф не пожелал их отпустить, прежде чем они выскажут свое мнение о случившемся. Эта просьба, очевидно, мало нравилась Кручинину и, может быть, он действительно очень хотел спать, но все же с вежливой улыбкой он выдал из себя несколько неопределенных фраз и в заключение высказал предпочтение услышать прогноз такого опытного человека, как Круши.

Трудно было не заметить, что предложение

польстило черномазому офицеру. Он не заставил себя просить и нарисовал подробную и, нужно отдать ему справедливость, довольно вероятную картину убийства, оставлявшую мало сомнений в виновности жены директора. Однако, как опытный полицейский работник, лейтенант не мог не установить связи между предшествовавшим смерти отсутствием директора Вельмана и происшествием на станции. Он был попрежнему уверен, что там похищены личные ценности Вельмана, и полагал, что Вельман ждал около станции своего секретаря, чтобы, получив от него ценности, скрыться с Элой вглубь страны, а может быть, и за границу. Двойная неудача — исчезновение драгоценностей и преждевременная смерть Вельмана — разрушила их планы.

Что касается сделанной Кручининым находки — голубого конверта, то Круши не был склонен ставить ее в какую бы то ни было связь с последней прогулкой директора. По словам Элы Крон, конверт еще утром был вместе с остальной корреспонденцией просунут снаружи в дверную прорезь, служившую для опускания почты. Эла сама подняла его с пола. Она не вскрыла его и не успела ничего о нем сказать директору, так как в этот день он не занимался делами. Когда он вечером, уходя из дома, сам увидел на столике в прихожей пачку почты, то небрежно сунул ее в боковой карман куртки, в которой ходил на вечернюю прогулку.

Все предположения Кручинина, развитые им во время прогулки от станции к этому дому, рушились, как карточный домик. Вдобавок еще Круши, отведя в сторону шефа и Кручинина с Грачиком, с присущей ему безапелляционностью заявил:

— Скажу вам больше, господа: я нисколько не

буду удивлен, если в конце концов выяснится, что ценности захвачены из-под носа покойного директора по приказанию... его почтенной супруги. Кому, как не ей, было легче всего узнать о предполагаемом их изъятии из сейфа и о том, что ее муж намерен использовать их вовсе не для того, чтобы окончить свои дни в ее обществе. Я же вам говорил: в городе хорошо известна его слабость к блондинкам. Черт возьми, могла жена тоже знать это?..

— Очень вероятно... Очень, очень вероятно. — Шеф потер руки и, поднявшись на цыпочки, хлопнул полицейского по плечу. — Не могу понять, Круши, почему за двадцать лет службы вы остались лейтенантом? У нас вам обеспечена карьера. Мы умеем ценить тех, кто знает дело. Ну, что ж, господа, может быть, когда нам удастся развязать язык этой почтенной особе — вдове директора, мы действительно распутаем и узел того убийства на станции. Вы убедитесь в том, что злодеяния у нас не идут дальше убийств из ревности или ради ограбления. Пятая колонна вычищена нами каленой метлой, и мы можем теперь не бояться никаких таинственных взрывов. Врагам — ни гитлеровцам, ни их компаньонам — никогда не вернуться сюда, это отлично знала и их агентура. Те, кого не изъяли мы, поспешили сами дать тягу, чтобы больше сюда не возвращаться. Песенка фашизма спета. Волей-неволей он вынужден разоружаться сам. А теперь, господа, мы вправе и разойтись. Вам пора спать, а мне в редакцию.

— Вы хотите дать сведения в газеты? — спросил Кручинин.

На миг шеф смутился, но тут же, оправившись, ответил:

— Я думаю, не будет вреда, если хотя бы в одной газете будет опубликован отчет об этом деле?

— Это будет, конечно, ваша газета? — с усмешкой спросил Кручинин.

— О, конечно! — оживился шеф. — Где же еще сумеют дать этот материал с таким тактом, как у меня. И к тому же наша партия не должна терять преимущество, которое мне дает положение начальника полиции. Итак, покойной ночи, мне пора за дело. Да, да, теперь за дело!

— Ну, что же, спать так спать, — отозвался Кручинин. — Позвольте поблагодарить вас за... развлечение и... спать, спать!

Распроставшись с полицейскими, друзья отправились к себе вместе с Уго Вельманом, который, как оказалось, жил в том же отеле.

Однако Грачику, видимо, так и не было суждено в эту новогоднюю ночь сомкнуть глаза. Едва друзья переступили порог своего номера, как всю сонливость Кручинина сняло как рукой. Он тотчас разложил на столе план города и, отыскав на нем какой-то пункт, спросил Грачика:

— Ты способен раз в жизни не перепутать то, что я тебя попрошу сделать?

С развязанным было галстуком в руках Грачик неохотно подошел к столу.

— Вот здесь, — Кручинин показал точку на плане, — расположен штаб Третьего отряда гражданской обороны. Этот отряд сформирован из рабочих именно того предместья, где расположена электростанция. Ты должен немедленно отправиться в штаб отряда, найти его командира и сказать, что его долг — оцепить станцию, не пропускать в нее ни одного человека, какими бы пропусками и мандатами он ни был снабжен.

Пусть даже это будет сам начальник полиции. Иначе может произойти большое несчастье.

— Вы все-таки настаиваете на том, что...

Не дав себе труда выслушать, Кручинин продолжал:

— Дело командира — решить так или иначе. Мы даем ему только дружеский совет. Понятно? Кроме того, ты попросишь у него двух, нет, двух мало, — четырех рабочих, вооруженных пистолетами. Этих рабочих ты приведешь сюда.

— К нам в отель?

— Пусть они остаются снаружи и ждут моего сигнала.

— Все это очень хорошо, — возразил Грачик, — но с какой стати командир этого рабочего отряда станет меня слушать? Скажите, пожалуйста, чего ради этот командир станет выполнять приказания какого-то неизвестного ему армянина? Вы говорите невозможные вещи! — Грачик действительно был не только удивлен, но и раздосадован несвойственным его другу легкомыслием. — Понимаете ли, в какие отношения вы, случайно очутившийся в гуще этого дела советский человек, ставите себя к местной полиции?

Кручинин отмахнулся от приятеля, как от назойливой мухи. Это значило, что тот напрасно теряет время, пытаясь его переубедить.

Грачику оставалось исполнить приказание, хотя оно и казалось ему необдуманном.

— Извините, пожалуйста, но я... — нерешительно сказал он напоследок, — просто не знаю, как явиться к командиру отряда.

— Скажи ему, что ты русский. Понимаешь: русский! Если нужно будет, покажи советский паспорт. Уверен: этого будет достаточно. Остальное — дело рабочей совести Вачека.

— Какого Вачека?

— Командира отряда.

— Вы знаете его?

— Послушай! — в голосе Кручинина прозвучало раздражение. — Сделай милость, не теряй времени. Через час ты должен быть здесь.

Это было сказано так, что через час Грачик, исполнив все, что было приказано, входил обратно в маленький холл гостиницы. Часы против входа как раз били пять.

К его удивлению, он увидел Кручинина сидящим в этом холле. Его друг устроился с ногами в глубоком кресле. Расписание поездов и карта были у него в руках. Можно было подумать, что изучение этого расписания — самое спешное и важное дело. Шутка ли: заняться им в пять часов утра!

Грачик понял, что лечь в постель ему так и не удастся. Повидимому, предстоял отъезд с первым утренним поездом. Куда? Это ведает один Кручинин. Так или иначе, Грачику, видимо, придется отсыпаться в вагоне!

Кручинин молча указал ему на кресло рядом с собой, не считая нужным посвятить его в цель своих поисков.

Грачик сел и стал терпеливо ждать. Его клонило ко сну. Напротив них за конторкой клевал носом портье. Это действовало еще более усыпляюще, и Грачик не заметил, как задремал.

Его разбудил осторожный толчок. Грачик исподлобья взглянул на Кручинина, но тот продолжал попрежнему сосредоточенно копаться в расписании. Исподтишка оглядевшись, Грачик понял причину неожиданной побудки: через холл в белом купальном халате, с мокрым мохнатым полотенцем через плечо шел Уго Вельман. Его фи-

гура, перехваченная в талии яркосиним шнуром пояса, производила теперь более стройное впечатление. Растрепанные белокурые волосы придавали его лицу менее отталкивающее выражение, чем прилизанный пробор, с которым друзья увидели его в первый раз. Атлет по-приятельски кивнул им и, расставив ноги, остановился перед Кручининым.

— Собираетесь ехать?

— Да, — ответил Кручинин, — не могу вот только выбрать куда.

— Отправляйтесь в горы. Лучшее время. Если будете в Зоннекене, встретимся.

— Вы собираетесь туда?

— Да, не позже нынешнего утра. Лыжный сезон в самом разгаре. Придется, конечно, приехать на похороны, но это не помешает традиционной гонке. Приезжайте!

— Благодарю. Вероятно, мы так и сделаем. Как ты думаешь? — обернулся к другу Кручинин.

Но так как Грачик впервые слышал о том, что они собираются в Зоннекен и в данное время меньше всего интересовался лыжными гонками, то так и остался с открытым от удивления ртом, ничего не ответив. А молодой Вельман, кивнув головой на прощанье, исчез на полутемной лестнице в бельэтаж, где были расположены жилые комнаты.

По взгляду, которым проводил исчезнувшего атлета Кручинин, Грачик понял, что это и был тот, кого он здесь караулил. Сурен с облегчением потянулся, решив, что наступил конец их бдению и они смогут, наконец, отправиться по постелям. Однако и тут его ожиданиям не было суждено сбыться. Кручинин казался попрежнему увлеченным изучением географии страны. Грачику оста-

валось только поудобнее устроиться в кресле, чтобы, не теряя времени, последовать примеру портье, храпевшему за конторкой. Однако лишь только он сомкнул глаза, Кручинин принялся шуршать картой. Он ее бережно складывал. Неторопливость, с которой он это делал, могла возмутить и менее темпераментного человека, чем Грачик. Как будто часы не показывали половину шестого утра?! Наконец, карта была сложена, и Кручинин, видимо, готовился вернуть ее вместе с расписанием поездов портье, когда на лестнице послышались поспешные шаги, и, растрепанная со сна горничная трагическим шепотом возвестила:

— О, боже мой, там кто-то стонет!..

Ноги у нее подкашивались от страха, когда, следуя за Кручининым, она бежала к комнате, откуда услышала стон. Это была комната Уго Вельмана. Контрольным ключом горничной Кручинин отворил дверь, и все трое вошли в комнату. Она была погружена в темноту. Поворот выключателя — и неожиданное зрелище предстало взорам вошедших: на полу лежало распластанное тело атлета. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что Уго Вельман в таком состоянии не сможет произнести ни слова. Возле его головы на полу темнела лужица крови. В следующее мгновение вошедшие услышали слабый стон, доносившийся из-за ширмы, загоразживавшей постель. За ней они нашли привязанную к стулу, стоящему у изголовья кровати, Элу Крон. Рот ее был заткнут туго скрученным платком, глаза завязаны. Она делала напрасные попытки сбросить путы.

Одним движением Кручинин выдернул кляп, и девушка поспешно проговорила:

— Я пришла сюда около часа назад...

— Это верно, я вас видел... — вставил Кручинин.

— Да, вы сидели в холле и делали вид, будто изучаете карту.

— Я действительно изучал ее.

— Сейчас это не имеет значения, — с досадой ответила она, — у меня было назначено свидание с Уго. Его не было в комнате...

— Да, в это время он был в ванной.

— Как только я переступила порог, кто-то схватил меня сзади, повалил, связал и, завязав мне глаза, привязал к этому стулу. Прошло ужасно много времени. Я слышала, как к комнате приближался Уго. Я не могла не узнать его шагов и хотела кричать, предупредить его об опасности, но ничего не могла сделать. Над моим ухом снова прозвучал угрожающий шепот того, кто связал меня и чьею лица я так и не видела. Уго вошел. Я слышала, как они боролись. И вот... — Она умолкла и расширенными от ужаса глазами глядела на лежащего без движения атлета.

Чтобы передать ее рассказ, потребовалось бы, несомненно, больше времени, чем то, какое потратила она сама. Так стремительно она выбрасывала слова. С того момента, как она произнесла первую фразу, прошло не больше минуты. Кручинин спросил ее:

— После того, как борьба была окончена и Уго был ранен, кто-либо прикасался к вам?

— Нет. Все было тихо. Преступник исчез совершенно неслышно. Да, все было тихо, — с уверенностью повторила она.

Грачик с удивлением отметил про себя, что за все это время Эла Крон не сделала ни малейшей

попытка освободиться сама и не попросила никого другого оказать помощь раненому Уго.

Атлет продолжал лежать без движения и не издавал даже стопа. Посланная за врачом горничная все не возвращалась.

Между тем Кручинин, оглядев путы, сдерживавшие секретаршу, и сорвав с вешалки полотенце, еще крепче привязал ее к стулу. Тем временем прибежала горничная с известием, что врач вызван и сейчас приедет.

— Смотрите, чтобы она не шевелилась, — сказал Кручинин перепуганной насмерть горничной, указывая на Элу. — При ее попытке освободиться кричите что есть силы.

С этими словами он бросился прочь. Грачик последовал за ним. Но, выбегая из комнаты, он не мог не оглянуться на связанную Элу. И тут ему почудилось, что на стуле — совсем не та Эла, какую он видел до того. Выражение непреклонной воли оказалось смытым, словно грим. К спинке стула была теперь прикручена совсем другая женщина: некрасиво выпяченная челюсть обнажала мелкие, как у грызуна, зубы, серые глаза были мутны, рыжие волосы растрепаны. Казалось, только путы мешали ей свалиться без чувств.

Первое, что Грачик увидел, выбежав за Кручининим из подъезда, была удаляющаяся спина полицейского. Кручинин двумя огромными прыжками нагнал его. В воздухе мелькнула его рука с зажатым в ней портсигаром.

Все это произошло с такой молниеносностью, что Грачик не только не успел сам что-нибудь предпринять, но хотя бы попросту осмыслить происходящее. Его взгляд успел только отчетливо

зафиксировать лицо обернувшегося на шаги Кручинина полицейского и его быстро поднявшуюся руку с револьвером.

ТАИНА ДВУХ УБИЙСТВ

Грачик давно отучился удивляться неожиданным поворотам в поведении Кручинина. У него выработался условный рефлекс: всегда, прежде чем сознание охватит смысл происходящего, устремляться на помощь другу, как бы странны и противоразумны ни были его поступки. И все же на этот раз Грачику потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя, прежде чем он бросился к рабочим-дружинникам, повалившим Кручинина и пытавшимся связать ему руки. Они отказались верить тому, что схваченный ими злоумышленник и есть тот человек, в чье распоряжение они присланы. Они не согласились освободить его до прибытия командира отряда и не очень охотно последовали совету Грачика обезоружить и связать полицейского, прежде чем он пришел в себя от оглушающего удара, нанесенного ему Кручининим. Полицейский этот был лейтенант Круши.

Грачика не покидало сомнение в том, что Кручинин ошибся. Навсегда погубив его репутацию в глазах местных друзей, это вызовет еще, чего доброго, серьезный конфликт с властями.

Что касается самого Кручинина, то он спокойно курил, не делая ни малейшей попытки объяснить свои поступки. Лишь когда приехал, наконец, начальник полиции и рассыпался перед Кручининим в извинениях, тот дал себе труд за-

говорить. Первым, с кем он заговорил, был арестованный Круши.

— Согласитесь, что два убийства и одно неудавшееся покушение в одну ночь — это уж слишком, — сказал Кручинин. — Даже ради такой величественной цели, как уничтожение электростанции, а?

Круши мрачно молчал.

— Чтобы не подвергать вас неприятной операции обыска, скажите-ка сами, где у вас спрятан план минирования? — продолжал Кручинин.

— Что вы обещаете мне за чистосердечное признание? — спросил, наконец, черноусый лейтенант.

— Решительно ничего, — рассмеялся Кручинин. — Во-первых, потому, что я не уполномочен ни давать какие бы то ни было поблажки таким прохвостам, как вы, ни карать вас. Это дело здешних народных властей. Во-вторых, план мы все равно найдем, даже если вы будете немы как рыба. И, наконец, в-третьих, еще потому, что как бы откровенны вы ни были, вы едва ли сможете прибавить что-нибудь к тому, что расскажем вам мы. Разве какие-нибудь несущественные детали...

Через два дня расследование было закончено и следствие завершено. Действительно, Круши ни на одном из допросов не смог добавить ничего, изменяющего общую картину, нарисованную Кручининим. Дело было только в деталях. А суть была такова.

Бывший директор станции Вельман, действительно, получил приказ от человека, возглавлявшего оставленную гитлеровцами в городе агентуру, уничтожить станцию.

Вельман был единственным человеком, знав-

шим, где хранится план минирования и как его расшифровать. Без него взрыв обойтись не мог. Но он колебался. Он боялся репрессий новых демократических властей. Этот страх и побудил его принять решение, противное воле его зарубежных хозяев. Он решил выдать план минирования новым властям в обмен на право уехать из города, где репутация его среди рабочих была более чем неважной. Но и это намерение он не решался осуществить открыто. Он боялся мести пятой колонны, возглавляемой решительным и беспощадным полицейским служакой Круши. Создавалось положение, при котором ни та, ни другая сторона не могла действовать открыто. Но вот Вельман решается все же передать план минирования новым властям. Он открывает свое намерение секретарю Браду. Браду соглашается сходить за планом: он вынет его из шкафа и передаст патрону. Эла — второй человек, которому директор Вельман поверяет проект. Он не только доверяет ей как личному секретарю, он любит ее как женщину. Как она оправдывает его доверие и чем платит за любовь? Она обманывает его вдвойне. Как любовница — с Уго Вельманом. Как доверенное лицо — со своим начальником по пятой колонне полицейским лейтенантом Круши. Она открывает Круши план Вельмана. Круши решает отобрать бумагу у секретаря, как только тот вынет ее из сейфа. План нужен пятой колонне, чтобы осуществить свой замысел уничтожения станции. Не подозревая о готовящемся покушении, Вельман решает сопровождать своего секретаря. Они уговариваются, что Браду выбросит пакет с документом в окно ожидающему в переулке директору. Вельман забывает или не успевает сообщить об изменении своих

намерений Эле. Только поэтому пакет оказывается у него в руках, и Бладу падает напрасной жертвой лейтенанта, который не находит на убитом никакого плана. Но едва Круши успевает сообщить Эле о своей неудаче, как узнает от нее, что план в ее орбите: он в кармане директора, намеревающегося передать его властям в обмен на свободу и безопасность. На этот раз приказ Круши прост и ясен: убрать Вельмана. Это — не только устранение владельца плана, но и месть пятой колонны за измену ей. Рука Элы не дрогнула. Она в точности исполняет приказ, но... по несчастной случайности документ оказывается в руках молодого Вельмана. Звонок у входной двери и появление гостей мешает Эле унести отнятый у ее жертвы документ. Она едва успевает сунуть его в карман висящего на вешалке пальто. Через несколько минут, выпроводив гостей из прихожей, она возьмет документ и надежно спрячет его для Круши. Но, на ее несчастье, молодой Вельман возвращается в прихожую и, сунув руку в карман своего пальто в поисках носового платка, обнаруживает там план. Он не знает в точности, что означает этот чертеж. Но он кажется ему знакомым; он видел его в руках дяди. Во всяком случае Уго решает его спрятать, на досуге разобраться в нем и тогда уже решить вопрос, что с ним делать. Эла знает, что Уго не отдаст его ей, если узнает истинный смысл схемы. Уго — ветреный и легкомысленный малый, но он честен и не пойдет против интересов своего народа. К тому же он едва не стал свидетелем убийства. Он знает, что рассказ Элы не совсем соответствует действительности. У него уже возникло подозрение, он требовал объяснений. Он близок к тому, чтобы отгадать правду. Эла обе-

щает ему открыть все на свидании в отеле. Она является к нему в ту же ночь, но одновременно через соседний номер в комнату инженера проникает и лейтенант Круши, прошедший в гостиницу черным ходом, минуя сидящего в холле Кручинина. Молодой инженер — третья жертва, павшая в эту ночь борьбы за судьбу электростанции. Пакет на этот раз в руках черноусого лейтенанта. Он в то же утро должен использовать его для уничтожения централи...

При последнем разговоре, который имел место между русскими гостями и бывшим полицейским, Кручинин спросил его:

— На что вы рассчитывали, идя на это дело? Ведь вы не могли не попасться.

Круши нагло рассмеялся ему, в лицо:

— Я никак не думал, что шефу полиции придет в голову пригласить вас с собой. Если бы не вы!.. — Он пренебрежительно скривил рот. — Неужели вы серьезно думаете, что я не обвел бы его вокруг пальца? Его друзья ведь и сейчас искренне верят, что раз и навсегда избавились от нас... Да, все дело испортил ваш приезд. Он был совсем несвоевременен.

Когда друзья шли домой, Грачик мысленно перебирал подробности всего дела и задавал себе вопрос: что дало Кручинину возможность, не дослушав связанную на стуле Элу, опознать в ней преступницу? Почему он без размышления ударил по голове представителя власти, каким был тогда для всех окружающих Круши?

Едва ли можно обвинить Грачика в праздном любопытстве за то, что он в конце концов задал Кручинину эти вопросы.

— О том, что Круши если и не убил Браду, то, безусловно, участвовал в этом деле и старается замести следы, я догадался с первых фраз его рассказа, — ответил Кручинин. — Он придумал его, вероятно, между звонком, которым вызвал шефа на станцию, и нашим приездом. Когда ты проявишь свои снимки, сделанные в кабинете директора, и внимательно взглядишься в изображение правой руки убитого секретаря, то увидишь одну маленькую, но знаменательную деталь: в кулаке, около которого лежит револьвер, якобы оброненный Браду в момент падения, зажат мундштук с окурком сигареты. Если даже допустить невозможное: человек, выхватывая из кармана револьвер, не бросает мундштук, то уж во всяком случае, роняя оружие, мундштук-то он тоже обронит. Браду ни в кого не стрелял. С этого начинается провал черномазого лейтенанта. Чтобы проверить последнюю возможность, я спросил тогда Круши, не был ли Браду левшой? Он очень уверенно ответил: нет.

— Если это так, то зачем было Круши вызывать на станцию шефа?

— Во-первых, Круши видели входящим на станцию. Вспомни: ему не удалось проникнуть незамеченным через боковой подъезд. Во-вторых, расторопный дружинник едва не застал его на месте преступления. Ведь Круши и свистнул лишь потому, что услышал его шаги уже у самой двери.

— Тогда почему он его так защищал и за что вы напали на несчастного парня?

— Чтобы, не возбуждая подозрений Круши, оставить надежную охрану у сейфа на случай, если мое предположение неверно, и план минирования еще остается в нем. Ведь Круши мог за

ним вернуться. А тот парень показал себя смышленным и надежным стражем.

— Теперь о секретарше! — потребовал Грачик.

— Ты помнишь единственный вопрос, заданный ей мною?

— Кажется, вы спрашивали о молоке.

— Да, я хотел знать, когда она налила молоко в стакан. По ее словам, она сделала это за пятьдесят минут до нашей беседы. За пятьдесят минут на молоке не может образоваться сантиметровой слой сливок. Я такого молока еще никогда не видывал. Стакан стоял там с утра. Эла никуда не выходила из комнаты. Она лгала. Второй ложью было то, что голубой конверт просунут в дверную щель для почты. Простым глазом видно, что эта щель по крайней мере на пять сантиметров уже конверта.

— Конверт можно было и сложить, чтобы просунуть в щель, — возразил Грачик.

— Тогда на нем был бы след складки, — отпарировал Кручинин.

— А следа не было... Не сердитесь пожалуйста, еще один вопрос я вам задам: с чего вздумалось, по-вашему, Вельману облачатся в спортивный костюм?

— А разве ты не обратил внимания, что среди вещей, обнаруженных в его карманах, был железнодорожный билет?

— Видел, обязательно видел.

— Но не поинтересовался, куда он взят?

— Зачем так обо мне думать? Конечно, поинтересовался. Только название станции было мне совершенно незнакомо.

— Так же, как мне, — подтвердил Кручинин. — Но если бы ты, так же как я, сверился с картой, то узнал бы, что станция эта расположена в рай-

оне горных курортов близ южной границы страны. Оттуда рукой подать за рубеж. А нынче, вероятно, миновать границу можно было бы только пешком. Может быть, на лыжах. А кстати, о костюмах. Это касается промаха, сделанного ими совместно — Элой и Круши, — когда они решили убрать со своего пути опасного свидетеля Уго Вельмана. Вспомни наряд, в каком этот парень, которого я, откровенно говоря, считал вражеским агентом, предназначенным для перевозки документов или для взрыва станции, проследовал из ванной к себе в комнату: белый купальный халат, подпоясанный яркосиним толстым шнуром. А теперь напряги память и припомни: чем была привязана к стулу Эла?.. Этим самым шнуром. Значит, она была привязана не до того, как Уго вошел в комнату, а после того, как он был ранен. Вот и все. Как видишь, проще простого. Как почти всегда — мелочи, детали, упущенные в попытках преступниками. Сколько я с ними ни вожусь, никак не могу постигнуть: на что они рассчитывают?

— Хотелось бы мне знать, — рассмеялся Грачик, — неужели этот милый толстый шеф до сих пор искренне убежден в том, что пятая колонна изжита здесь раз и навсегда?

— Видишь ли, — ответил Кручинин, — беда вашего поколения в том, что вы никогда не видели живого социал-демократа. Разве только те немногие из вас, кому доводилось бывать за рубежом. А эта разновидность политиков тем и отличается, что они не хотят и никогда не хотели видеть буржуазию такой, какова она есть. Поэтому и наш уважаемый шеф полиции готов был принять нас за простаков, которые поверят в его болтовню о безвредности не успевших удрать

с американцами тузов местной промышленной и финансовой верхушки.

— Он даже, кажется, собирается их перевоспитывать, — заметил Грачик.

— Вот именно: перевоспитывать удава, держа у него перед носом кролика. А ты же лучше меня помнишь, что тебе удалось выяснить об этом странном собрании в столовой Вельмана. Они строили из себя до смерти напуганных добряков, а на самом деле...

Кручинин не должен был пояснять до конца. Грачик и так знал, что представляли собою разыгрывавшие новогодних гостей Вельмана местные капиталисты. Ведь именно ему, Грачику, удалось выяснить, что их сборище в доме Вельмана не было случайным. Это Эла Крон уговорила Вельмана собрать их для встречи Нового года, которую Вельман вовсе не собирался отмечать. Таков был приказ Круши: эти люди были ему нужны в одном месте, чтобы в тот момент, когда взлетит на воздух станция и по этому сигналу выйдет на улицы пятая колонна, «отцы города» могли принять ускользнувшие нити власти. Ведь Круши был всего-навсего исполнителем их воли. И, кстати говоря, действовал он без особых идеологических мотивов. Повидимому, этому типу было совершенно безразлично, кому продаваться, лишь бы хорошо платили. Ведь при обыске у него было найдено немало денег в самой различной валюте и в обесцененных банкнотах прежнего фашистского правительства этой страны. Не оказалось у него только сбережений в знаках нового образца, выпущенных демократическим правительством. Видимо, бравый лейтенант не верил в их устойчивость.

— Э-э, джан, — задумчиво проговорил Грачик, — этак было недалеко и до беды.

— Что было, то прошло, — спокойно ответил Кручинин. — Поскольку заместителем шефа полиции теперь назначен коммунист Вачек, можно быть спокойным: все будет в порядке. — Тут Кручинин добродушно рассмеялся: — А помнишь, каким уничтожающим взглядом проводил меня тогда со станции этот дежурный дружинник?

— Так вы его заметили? — удивился Грачик.

А Кручинин, не отвечая, продолжал:

— Из этого парня будет толк. Нужно посоветовать Вачеку продвинуть его по службе. А в общем мне кажется, что скоро воздух тут будет чище. Людям будет легче дышать... Мы кое-что для этого сделали.

— Еще одна хирургическая операция? — с улыбкой спросил Грачик.

— Вот, вот! — удовлетворенно подхватил Кручинин. — Когда-то, помнится, я именно так и говорил: иногда я кажусь самому себе хирургом. Мне не довелось спросить у врачей, что они чувствуют после удачной операции. Но, честное слово, если они испытывают такую же радость, какую чувствую сейчас я, — они должны быть счастливы.

— Как мне хочется испытать такое счастье самостоятельной победы, — проговорил Грачик. — Пусть совсем маленькой, но совсем, совсем самостоятельной.

— Оно придет, придет! — весело откликнулся Кручинин. — Это-то я тебе предсказываю. Но... — он многозначительно умолк и поднял палец, — труд, труд и еще тысячу раз труд — тогда будет и счастье победы.

ДЕЛО ОЛЕ АНСЕНА

ОЛЕ АНСЕН И ДРУГИЕ

Кручинин и Грачик совершали путешествие через горы, мощный кряж которых пересекает один из самых северных полуостровов Европы.

Грачик, человек молодой, к тому же уроженец горной страны, шел легко. Правда, холод на привалах заставлял его несколько увядать, делал его молчаливым и угрюмым, но, отогревшись, он снова становился жизнерадостным и разговорчивым сыном Армении — веселым и приветливым, всегда готовым шуткой и улыбкой согреть приунывшего спутника. А Кручинин уже и не скрывал усталости. В его годы было не так-то легко в одни сутки сделаться альпинистом. На крутых подъемах и спусках даже подкованные шипами горные ботинки скользили вместе с осыпающимися камнями. Однако самолюбие не позволяло Кручинину отдать спутнику хотя бы часть своего тяжелого рюкзака, и Грачику пришлось ночью, потихоньку заменить тяжелые вещи в мешке Кручинина более легкими из своего мешка.

Целью путешествия наших друзей был прибрежный район, большую часть года не имеющий других путей сообщения со страной, кроме троп, идущих через горы.

На подготовку к этой поездке ушло не более двадцати четырех часов, хотя путешествие пред-

стояло сложное. Все эти двадцать четыре часа ушли на разбор вещей и ознакомление с материалами, характеризующими страну, в которой предстояло побывать. Военные действия закончились, страна была освобождена от нацистов, и Советская Армия отводила свои части. При искренне дружеском отношении населения к советским людям, можно было ждать любых сюрпризов от прячущейся по щелям агентуры гитлеровцев и от сберегаемых втайне аристократией квислинговских последышей.

Друзья шли уже третьи сутки и приближались к цели.

Их проводником был Оле Ансен — высокий широкоплечий парень с открытым лицом и длинными, зачесанными назад прядями светлых волос. Лицо его было так обветрено, что кожа казалась покрытой тонким слоем блестящего красного металла. Глаза у него были голубые, живые.

В момент пробуждения Грачика Оле сосредоточенно глядел на черную поверхность кофе, ловя момент, когда жидкость захочет перелиться через край котелка. Затем, кивнув в сторону спящего Кручинина, он спросил:

— Что ж он спит? Кофе кипит, а спирт на исходе.

При этих словах Кручинин откинул капюшон, закрывавший его лицо, и весело крикнул:

— Чтобы я прозевал кофе?! Такого случая еще не было.

Через десять минут кофейник был опустошен до дна. Галеты весело хрустели на крепких зубах Оле.

Путники быстро собрались и тронулись дальше. Начинался трудный спуск к западному подножию хребта, навстречу морю.

К вечеру, когда было уже почти темно, миновав два хутора и остатки дереvушки, сожженной карательной экспедицией СС, они достигли берегового шоссе. Оно было все исковеркано минными лунками, но вело прямо к цели путешествия — одному из самых северных городков полуострова...

Оле остановился около небольшого двухэтажного дома и уверенно постучал. Осветив фасад карманным фонарем, Грачик увидел вывеску: «Гранд отель». Хотя город и пострадал от владычества гитлеровцев, но не настолько, чтобы утратить то, без чего не может существовать ни один уважающий себя город в этой стране, — свой «Гранд отель», такую же непрременную принадлежность города, как почта, церковь и дом фогта.

Переговоры у двери гостиницы были коротки. Гости предъявили необходимые документы и через минуту очутились в крошечном холле. Хозяин, высокий человек с небритыми щеками, улыбался и не спеша выкладывал приветствия вперемежку с местными новостями. Навстречу гостям, на ходу повязывая фартук, спешила хозяйка.

— Это русские! — радостно крикнул ей хозяин. Она отбросила неладившийся фартук, всплеснула руками и, наклонив голову, молча глядела то на Кручинина, то на Грачика. Затем крикнула в гулкую пустоту коридора гостиницы:

— Эда, комнаты для гостей! — и обернувшись к прибывшим:

— Может быть, поужинаете?

— Прежде всего спать, — ответил Кручинин, — потом опять спать, а ужинать — это уже завтра утром.

Хозяин рассмеялся.

— Да, да, неблизкий путь, — согласился он. — После такого похода лучше всего выспаться. И все-таки... по рюмочке аквавит! Той, настоящей, которой у нас не было при гуннах! — Он хитро подмигнул. — Мы сразу смекнули: нужно прятать подальше то, что хочешь сохранить для себя. У гуннов слишком широкие глотки.

Невзирая на протесты, хозяин потащил гостей в столовую. Он извлек из какого-то тайника бутылку анисовой и налил три рюмки. Кручинин выпил и с удовольствием крикнул.

— От этого, действительно, не стоило отказываться, — сказал он и, в свою очередь, подмигнул хозяину, словно они были в заговоре.

Хозяин радостно улыбнулся и дружески похлопал Кручинина по спине.

По второй он, однако, так и не налил, а повел гостей к спальням. Но, прежде чем они до них дошли, сильный стук потряс входную дверь. Судя по радостным приветствиям, которыми хозяин обменивался со вновь прибывшим, они были в самых дружеских отношениях.

Пришедший оказался шкипером и хозяином единственного уцелевшего на всем рейде рыболовного моторно-парусного бота «Анна». Шкипер явился, прослышав о приходе русских. Весть об этом успела уже каким-то образом облететь добрую половину маленького городка. Русские не были здесь с тех пор, как прошли через эти места, освобождая страну от гитлеровских оккупантов.

Появление в отеле шкипера было более чем кстати. Не явись он, Кручинину и Грачику пришлось бы завтра его искать. В план их путешествия входила поездка на острова — рыболовецкое

Эльдорадо страны. Там они могли получить ключ к таинственному исчезновению одного интересующего советские власти гитлеровского преступника, в свою очередь державшего в руках ключ к тайнику, где гитлеровская разведка спрятала свои архивы и описание своей агентурной сети, законсервированной по всей Северной Европе. Уехать из страны этот субъект, наверно, еще не мог. Но исчезновение его было столь бесследно, что поставило в тупик местный розыскной аппарат, который желал, но не мог помочь советскому командованию.

Шкипер Эдвард Хеккерт, широкоплечий, коренастый весельчак, со светлосерыми, словно выцветшими глазами, добродушно глядел из-под широкого облупленного козырька потрепанной фуражки. Вокруг его глаз, на щеках, у рта собралась сеть морщин, делавших лицо таким, будто с него не сходила улыбка. Глядя на Хеккерта, трудно было поверить, что ему уже за шестьдесят. Бодрость и жизненная сила исходили от всей его фигуры.

На Грачика Хеккерт сразу произвел хорошее впечатление. По глазам Кручинина можно было заметить, что и ему шкипер пришелся по душе. Через несколько минут Кручинин, забыв про постель, о которой только что мечтал, запросто, словно был знаком со шкипером тысячу лет, повлек его в угол гостиной.

Несколько странная смесь немецкого и английского языков, на которой объяснялись с гостями хозяева, нисколько не мешала оживленному разговору.

Дружеская беседа была в самом разгаре, когда в дверь гостиной снова постучали. На этот раз

стук был отрывистый и какой-то особенно четкий, аккуратный.

— Это братец Видкун! — весело крикнул шкипер. — Этак стучит он один.

По лицам хозяев можно было заключить, что и этот гость был желанным. Хозяин еще возился с замком, а хозяйка уже поспешила поставить на стол еще одну рюмку.

На этот раз вновь прибывших оказалось трое. Один из них — Видкун Хеккерт, старший брат шкипера, — был кассиром местного ломбарда, другой — местным пастором. И, наконец, третьей была дочь кассира Рагна Хеккерт. Это была коренастая девушка, такая же ширококостая, как ее отец, курносая, большеротая, с румянцем, покрывавшим не только щеки, но и скулы. От светлой голубизны ее глаз этот румянец казался еще ярче. А глаза Рагны хмуро глядели из-под светлых, словно выгоревших бровей, сердито сдвинутых к переносице. Клетчатый платок на голове Рагны был завязан большим узлом под крепким подбородком и не закрывал лежавшего на шее тяжелого узла косы. Эта коса тоже была светлая, будто выгоревшая, как и брови.

По милости живописцев большинство представляет себе уроженок этих мест рослыми красавицами с правильными чертами лица и со стройным телом мужественных спутниц викингов. Но в Рагне нельзя было отыскать этих традиционных черт академического портрета. Видно, с тех пор как был засыпан песком последний челн морских разбойников, тяжелый труд рыбаков и борьба со скалами, скупое родящими жалкие злаки, поглотили все, что было картинного во внешности прародительниц Рагны. И тем не менее ни на минуту нельзя было усомниться в

том, что она типичная скандинавка. Даже ее, явно противоречащий установившейся традиции, вздернутый нос как бы заявлял, что именно таким он и должен быть написан, если художник хочет дать правдивый портрет женщины этой страны.

Пока хозяин гостиницы знакомил вновь прибывших с русскими гостями, Грачик нет-нет да и поглядывал на Рагну. Ее сосредоточенность, почти хмурость, не могла остаться не замеченной им.

Отец Рагны, кассир Видкун Хеккерт, был очень похож на своего брата-шкипера, но в глазах его отсутствовало веселье Эдварда; они глядели строго, даже сурово. Встретившись с ними, Грачик сразу понял, что секрет молодости шкипера — его глаза. А вот в возрасте Видкуна уже нельзя было ошибиться. При небольшой разнице в годах Видкун по сравнению с младшим братом выглядел стариком. Секрет был в молодых глазах Эдварда.

Пристально вглядываясь в лица, Видкун молча пожал всем руки. Сделал он это не спеша, очень обстоятельно и долго держал в своей шершавой холодной руке руку каждого.

В противоположность ему пастор обошел присутствующих быстро, крепким, отрывистым пожатием приветствовал каждого, кивая при этом большой головой. Пастор не был местным уроженцем. От хозяев отеля русские путешественники узнали, что во время пребывания здесь немецко-фашистских войск он вынужден был скрываться под чужим именем, чтобы спастись от преследований гестапо, которое не преминуло бы его схватить и водворить обратно в концентрационный лагерь в Германии, откуда ему удалось бе-

жать перед самой войной. Через полчаса гости уже знали политические физиономии всех присутствующих и в том числе Видкуна Хеккерта. Именуя себя чуть ли не «потомственным последователем демократических традиций Запада», он был менее всего склонен защищать эти традиции. Его «демократизм» не помешал ему отлично ладить с немцами, при помощи которых он продолжал занимать доставшуюся ему после отца должность кассира местного ломбарда. Он утверждал, что вынужден был склониться перед силой: борьба с нею была бы, по его словам, напрасна и привела бы только к бесцельным жертвам.

Все в этом старике было ясно Кручинину и Грачику. После того как общительный Эдвард изложил историю своего брата и пастора и сообщил тем, в свою очередь, все, что успел узнать о приезжих, он поделился с Видкуном планом доставки их на острова. Ни он, ни кто-либо другой здесь не могли подозревать истинной цели этой поездки, хорошо известной властям страны и вполне одобренной ими. Все другие считали ее простой любознательностью. К туристам тут привыкли, и стремление таких желанных гостей, как русские, посетить острова не могло вызвать удивления.

К тому же к услугам непосвященных была и не скрываемая Кручининым склонность к собиранию народных песен. Эта склонность казалась тем более правдоподобной, что Грачик, как музыкант, был наготове, чтобы записать «заинтересовавший» Кручинина напев. С этой целью в кармане Грачика всегда лежала тетрадка нотной бумаги.

Когда все были уже знакомы друг с другом

и план завтрашней поездки выработан, Грачик заметил, что среди присутствующих нет проводника Оле Ансена. Вместе с ним незаметно исчезла и Рагна.

Грачик спросил хозяина о том, куда девался проводник.

— Как, вас привел сюда молодой Ансен? — удивленно и с оттенком недовольства спросил старший Хеккерт. При этом от Грачика не укрылось, что он многозначительно переглянулся с пастором и даже, кажется, подозрительно оглядел самих гостей, словно знакомство с молодым проводником не только лишало всякого доверия, но даже удивляло присутствовавших.

В комнате воцарилось неловкое молчание.

— Почему это вас удивляет? — спросил Грачик.

— Удивляет? — Видкун пожал плечами. — Там, где речь идет об этом парне, ничто не может удивить... Впрочем, после того что мы видели при гуннах, для нас, вероятно, не должно существовать ничего удивительного.

— Тем не менее вы... — начал было Грачик.

— Я объясню вам, что хотел сказать брат, — вмешался шкипер. — Молодой Ансен пользовался у нас во время оккупации не слишком-то хорошей репутацией.

— Вот как?

— Бродяга и бездельник, — пробормотал Видкун. — До войны он не работал, а все вертелся около туристов, был проводником — не очень-то почтенное занятие для молодого человека! А теперь... Впрочем, никто не скажет вам уверенно, чем он теперь добывает свой хлеб насущный. Ну, а что касается меня, то я уж по старой памяти не потороплюсь подать ему руку.

— Но вы забываете, херре Хеккерт,— вмешался хозяин гостиницы,— ведь Оле был... в рядах сопротивления.

— Так говорят, так говорят,— скептически ответил Видкун.

— Но ни вы, ни я — мы не знаем, зачем он там был.

— Но нет, Видкун! — сердито отозвался шкипер.— Ты говоришь об Оле хуже, чем малый заслуживает. Мы-то все его...

Шкипер хотел еще что-то сказать, но, увидев входящую хозяйку, многозначительно умолк и, улучив минутку, шепнул Грачику:

— Оле — племянник нашей хозяйки.

— Худшее, что может быть в таком деле,— потерять надежду на возвращение заблудшей овцы на путь, предуказанный всевышним,— громко произнес пастор.

Хозяйка пришла с горячим грогом. За нею появился Оле. А следом за Оле, молча, ни на кого не глядя, вошла Рагна. Можно было подумать, что она никого не видит, будто широкая спина Оле, на которую был устремлен ее взгляд, заслоняла от нее весь мир.

Хозяйка поставила на стол напиток и опустила фартук, которым держала горячий кувшин. При этом что-то выскользнуло из кармана фартука и со стуком упало на пол. Она поспешно подняла упавший предмет и с интересом, смешанным с беспокойством, спросила:

— Что это?

В руке ее был кастет. Хромированные кольца ярко блеснули при свете лампы.

— Где ты взяла? — спросил хозяин и протянул было руку к кастету, но Оле опередил его и схватил оружие.

— Когда я опускала ужин в карман куртки Оле, этот предмет был там. Я вынула его, чтобы посмотреть. Никогда не видала такой штуки. Что это такое? — повторила она вопрос племяннику.

Взоры всех присутствующих с любопытством обратились к Оле и к блестящему у него в руке кастету.

— Зачем это у тебя? — с беспокойством спросила хозяйка у племянника. — Ты нашел это, ты только сейчас нашел это, правда?

Как будто она хотела убедить остальных в том, что ее племянник не мог получить эту штуку от немцев.

— Да... только сейчас, — повторил за нею Оле.

— Конечно... — сказал пастор. Подумав, он кивнул головой и мягко, даже ласково повторил: — Конечно, он нашел это только сейчас.

Оле посмотрел на него с благодарностью. Он видел, что остальные ему не верят.

А пастор, словно задавшись целью выручить юношу из затруднительного положения, взял кастет и стал его внимательно рассматривать.

В течение этой сцены Рагна не проронила ни слова. Прислонившись к косяку окна, она молча следила за разговором. Только в тот момент, когда кастет перешел к пастору, Грачику показалось, что по сосредоточенному лицу Рагны пробежала тень недовольства. Впрочем, скорее это был даже испуг, чем недовольство. Повидимому, Рагне даже пришлось подавить в себе желание помешать пастору взять кастет.

— Да, да, немецкая штучка, — сказал пастор. — До прихода гитлеровцев здесь, наверное, не водилось таких вещей. Они были тут не нужны. Не правда ли?.. А помните? — Он повернулся к продолжавшему сурово молчать Вид-

куну: — Помните, когда эти коричневые звери впервые пустили их в ход?

В знак того, что он все помнит, кассир опустил тяжелую голову в молчаливом кивке. Пастор пояснил:

— Когда гунны явились сюда, жители, естественно, хотели спасти свои ценности. Они пошли к ломбарду, чтобы выкупить свои заклады. Целый приход собрался у его дверей. Длинная очередь людей — мужчины и женщины. Может быть, первая очередь, которую здесь видели. Много раньше, чем они стали обычными у мясных лавок и булочных. Люди хотели спасти свое достояние, но ломбард уже не возвращал вкладов. Гунны наложили на них свою лапу. Видкун Хеккерт сидел в своем окошечке и вместо часов, цепочек и колец выдавал людям отпечатанную гуннами прокламацию. А когда толпа, к которой присоединились люди со всей округи, стала рвать прокламации и угрожала силой взять свое, появились молодчики, купленные немцами. Вот тогда-то здешние люди и узнали впервые, что такое кастет. Помните?

— Еще бы не помнить, — сказал хозяин. — Попытка получить обратно свои часы и браслет жены стоила мне крепкого удара по голове.

— Может быть, этой вот самой штучкой, — хмуро проворчал Видкун и ткнул пальцем в сторону кастета, который Оле все еще держал на виду у всех.

— Ну-ну, ты уж слишком, — заметил Эдвард... — Но кто же не знает, что гуннам так и не удалось вывезти наши ценности! Они до сих пор лежат спрятанными где-то в нашей стране.

— Спрятанными? — удивленно спросил Грачик. — И именно тут, в вашей стране?

Шкипер ответил утвердительным кивком головы.

— Так почему же их не отыщут и не раздадут законным владельцам?

— Видите ли, — принялся объяснять хозяин, — там собраны вещи со всей округи, с нескольких приходов, целая куча драгоценностей. А у людей, как я уже говорил, не сохранилось даже квитанций на их вещи. Так какой же смысл искать эти вещи? Все равно их нельзя взять без квитанций. Поди-ка разберись, что кому принадлежит.

Подобная точка зрения не укладывалась в сознании Грачика. Ему хотелось рассмеяться над порядками, граничащими с чем-то большим, чем простая наивность, но, не желая обижать этих простых людей, он только сказал:

— Так возьмите архив ломбарда, его книги, и по ним вы установите, кто что сдавал.

— Вот тут-то и зарыта главная собака, — вставил свое замечание шкипер. — Если бы кто-нибудь знал, где гунны спрятали эти книги!

В разговор вмешался и пастор:

— Вы должны знать, что, уходя, гунны сжигали все бумаги, все книги, все архивы, какие хотели уничтожить. Например, совершенно точно известно, что они сожгли архив своего гестапо. Так почему же им было не сжечь и ломбардные записи, доказывающие, кто именно является хозяевами спрятанных ими ценностей.

— Пастор пожал плечами. Послышался голос Оле:

— Херре Видкун Хеккерт знает все, что касается ломбарда.

Видкун в сомнении покачал головой:

— Этого я не знаю.

Он поднялся, пристально поглядел на Оле и, резко отвернувшись, пошел к выходу. Какая-то

тяжелая струя мрачного недоверия и уныния тянулась за его большой сутулой фигурой. Словно холодное дыхание неприязни и взаимных подозрений растекалось по комнате. Даже яркий свет лампы перестал казаться Грачику уютным и ласковым, и лица в нем стали зеленоватыми, точно обрели вдруг бледность мертвецов.

Проводив взглядом широкую сутулую спину уходящего Видкуна, Грачик спросил пастора:

— Вы сказали, что нацисты сожгли свои секретные архивы.

— Да, это все знают.

— В том числе архив гестапо?

— Да. Вся улица перед гестапо была покрыта пеплом и хлопьями тлеющей бумаги.

— Да, да, — весело подтвердил хозяин. — Эти хлопья летели из печных труб так, словно вся преисподняя жгла бумагу.

— Откуда же известно, что это сжигались именно секретные дела? — спросил Грачик.

— Так говорят... — неопределенно проговорил хозяин.

— Не только так говорят, — строго поправил пастор. — Это точно установлено: архивы гестапо сожжены.

— Ну что же, сожжены так сожжены, — согласился шкипер. — Нам до них нет дела. Нас больше интересуют книги ломбарда.

Чтобы рассеять атмосферу некоторой натянутости, вызванной этой темой, повидимому неприятной кассиру, Грачик весело сказал:

— А нас интересует вот что. — Он сел за старенькое пианино, и разбитый, давно не настраивавшийся инструмент издал первые дребезжащие звуки. Грачик было остановился в недоумении и нерешительности, но Кручинин воскликнул:

— Продолжай, продолжай, пожалуйста... Ты знаешь, это чем-то напоминает клавишин... Сыграй что-нибудь очень старое. Из песен этой страны.

— Нет ли у вас нот? — обратился Грачик к хозяину. — Что-нибудь из Оле Буля или Грига?

Хозяин удивленно поглядел на жену, та ответила таким же удивленным взглядом. Можно было подумать, что они впервые слышат имя великого музыканта. Не желая вводить их в смущенье, Грачик заиграл по слуху. От его внимания не укрылось, как по-разному реагировали на музыку слушатели. Старый шкипер оперся подбородком на руку и, не отрываясь, следил за пальцами Грачика. В противоположность шкиперу пастор, который также оказался собирателем песен и которому сам бог велел быть внимательным слушателем, вовсе не заинтересовался его игрой. Черты его лица, когда на него никто не глядел, стали жесткими, и взгляд говорил о том, что мысли его далеко.

Хозяин иронически поглядывал на то, как Грачик усаживался за пианино и брал первые аккорды. И даже нахмурился, услышав первые ноты своего разбитого инструмента, словно его дряхлость была для него новостью. Но как только все яснее стал различаться ритм танца, морщины на лбу его разгладились и носок его ноги словно бы сам стал притопывать в такт музыке.

— Да ведь это же халлинг! — улыбаясь, воскликнул хозяин, когда в воздухе, словно уносящаяся снежинка, растаял последний звук, — это же наш халлинг, — повторил он.

— Когда я был помоложе, я тоже танцевал его. — Дружески толкнув Грачика в спину, он сказал: — Ну, ну давай-ка еще что-нибудь.

Грачик заиграл григовский «Танец с прыж-

ками». И вдруг за спиной его раздался тяжелый топот морских сапог. Оглянувшись через плечо, Грачик с удивлением увидел шкипера Хеккерта, выделяющегося незамысловатым па народного танца. Напротив него, подбоченясь, стояла хозяйка, выжидая своей очереди вступать. Лица обоих были сосредоточены, словно они вспоминали что-то далекое и трудное.

Грачика заставили еще и еще раз сыграть тот же танец. После шкипера станцевал и хозяин в паре с женой.

Гости разошлись в самом благодушном настроении. Даже пастор, лицо которого во все время игры и танцев оставалось равнодушным, сказал Грачику несколько любезных слов на прощанье.

Оставшись в своей комнате, Грачик посмотрел на Кручинина:

— Ну-с, что вы скажете?

— Ничего, комната как комната, народ как народ...

— Я говорю об архиве гестапо... ведь если он сожжен...

Он имел в виду, что в таком случае их путешествие теряет половину смысла.

В ответ Кручинин только пожал плечами и ответил вопросом же:

— А если он не сожжен?

— Вы хотите сказать, что если разыскиваемый нами нацист не сжег архив гестапо, то, получив архив, мы не станем преследовать этого нациста, не будем считать его преступником?

Кручинин посмотрел на Грачика с нескрываемым удивлением.

— Удивительно, просто замечательно удивительно, Сурен джан,— имитируя дикцию Грачика,

проговорил Кручинин, — иногда ты здорово, замечательно здорово умеешь ставить все с ног на голову. Замечательно!

Грачик знал, что лишь в минуты крайнего недовольства им его старший друг позволял себе его передразнивать.

— Если он не сжег архив, — проговорил Грачик в смущении, — и тем самым дает нам возможность...

Но Кручинин не дал ему договорить.

— Никаких возможностей он нам не дает, — резко сказал он. — Не ради наших «возможностей» он сберег архив. Его виновность нисколько не уменьшается от того, что архив цел.

— Как же так?.. Объективно это работает на нас.

— Выбрось из головы слово «объективно». Хорошо запомни, что признание действия преступным зависит от классовой цели, какую это действие преследовало. А едва ли даже у такого несообразительного субъекта, как мой друг Сурен Грачик, есть сомнение в классовой цели спасения архива. А?

Кручинин насмешливо смотрел на Грачика, с мрачным видом стаскивавшего намокшие горные ботинки:

— Ну как, имеются сомнения в преступности типа, которого мы разыскиваем, и в классовой направленности его «бережливости»?

Вместо ответа Грачик с грохотом швырнул один за другим свои тяжелые ботинки к печке.

Свет в комнате был уже давно погашен, когда Грачик негромко сказал:

— Странная... эта Рагна... Я даже не узнал, какой у нее голос...

Кручинин не ответил. От его постели доносились дыхание спокойно спящего человека.

Грачик с досадой потянул одеяло к подбородку...

ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА «АННЕ»

Друзья еще сидели за завтраком, когда в гостиницу явился Оле Ансен. Он был прислан шкипером, чтобы показать им дорогу к пристани и доставить на «Анну» продукты, приготовленные хозяином гостиницы для их морского путешествия.

— Решили стать моряком? — спросил Грачик у Оле.

Ансен беззаботно рассмеялся:

— Да, нанялся матросом на «Анну».

Трудно было совместить то, что вчера о нем говорилось, с ясным и, как казалось Грачику, чистым образом проводника. Но, с другой стороны, трудно предположить, чтобы все его знакомые и родственники ошибались в характеристике, которую ему давали. Они были довольно единодушны, хотя Грачику и казалось, что они ошибаются. Он не мог найти объяснения этому странному явлению.

Кручинин же, как казалось, не задумывался над такими незначущими пустяками. Он продолжал с хозяйкой беседу о местных песнях, которые его очень заинтересовали. Он даже заставил немолодую женщину спеть надтреснутым голосом две или три народные песни.

Кручинин спросил и у Оле, не знает ли он каких-нибудь песен. Парень на минуту сдвинул брови, соображая, повидимому, что лучше всего исполнить, и запел неожиданно чистым и легким, как звон горной реки, баритоном. Он пел о море,

о горах, о девушках Севера с толстыми золотыми косами, живущих в горах на берегу моря.

— Вы любите песни? — спросил он, окончив.

— Да, — сказал Кручинин. — Я люблю песни и... собираю их везде, где бываю.

— Наш пастор тоже собирает песни и сказания, — заметил хозяин гостиницы. — Он даже записывает их на этакий аппарат. Я забыл, как он называется.

— Эта машинка здесь, — сказала хозяйка. — Я ее спрятала. Думала, может быть, из-за нее могут быть неприятности.

— Неси-ка, неси ее. Пускай гости посмотрят, — сказал хозяин.

Через несколько минут перед нами стоял портативный магнитофон вполне современной конструкции с приделанным к нему футляром для запасных лент. Запись велась на пленку и позволяла тут же воспроизводить ее на том же аппарате переключением рычажка.

— Умная штука! — восхитился хозяин. — Сам поешь, сам слушаешь.

— Наверно, очень дорогая, — уважительно заметила хозяйка и фартуком смахнула с футляра пыль.

Кручинин один за другим поставил несколько кружков лент и внимательно прослушал.

— Нужно будет попросить разрешения пастора воспользоваться этим аппаратом, — сказал он.

— Сейчас вы увидите самого пастора, — сказал Оле Кручинину. — Он, наверное, уже на «Анне».

— На «Анне»? — удивился Кручинин.

— Он решил воспользоваться этим рейсом, чтобы побывать на островах.

— Ах, вот что! Подбирается приятная компания.

— Если не считать Видкуна, — пробормотал Оле.

— Как, и кассир тоже?

— Кажется, да.

К пристани друзья шли тихими улицами. Стук подкованных ботинок о гранит мостовых четко разносился между тесно сошедшимися домами. Встречные здоровались с русскими приветливо, словно то были давнишние знакомые. Каким-то образом весь городок уже знал, что они русские. И это радушие относилось не столько к случайным туристам, сколько к великому народу, представителями которого они тут невольно оказались.

Грачик издали увидел у пристани приземистый зелено-белый корпус «Анны».

В сторонке, поодаль от толпы, Грачик заметил Оле и Рагну. Они стояли, взявшись за руки, как любят держаться дети, и о чем-то беседовали. У Рагны было такое же сосредоточенное лицо, как накануне. Оле же, по обыкновению, был весел и то и дело смеялся. При виде русских он высоко подбросил руку девушки и вприпрыжку пустился к «Анне». Рагна без улыбки глядела ему вслед.

На борту гостей уже ждали шкипер и пастор. Кассир, заложив руки за спину и ссутулив плечи, медленно прохаживался на пристани.

Увидев, что бот отваливает без него, Грачик спросил:

— Разве вы не едете с нами?

Видкун скорчил гримасу отвращения и угрюмо пробормотал:

— Есть на свете люди, от которых хочется держаться подальше. — При этом его мутные злые глаза уставились на Оле Ансена.

Море было спокойно. «Анна» бойко прокладывает

вала себе путь, расталкивая крутыми боками теснившиеся к берегу льдинки, размягченные весенним солнцем и водой.

К месту назначения — южному острову архипелага — подошли в сумерках. Друзьям нужно было поскорее отделаться от спутников, чтобы, не теряя времени, заняться отысканием следов титлеровского агента, известного под именем Хельмута Эрлиха. Нужно было обезвредить его, прежде чем ему удастся найти надежную нору, в которой он сможет отсидеться до возможности вытащить на свет припрятанные списки законсервированной агентуры и возобновить свою подрывную деятельность. Было известно, что нацистская агентура должна, по мысли ее новых хозяев, сделать эту маленькую страну базой своей новой секретной деятельности. Трудно предположить, что мирный, трудолюбивый и свободолюбивый народ этой страны согласился бы дать приют иностранной службе диверсий, имеющей своей единственной целью шпионаж и провокации, направленные на разжигание новой войны. Этот народ не раз уже в своей истории отстаивал собственную независимость от поползновений на нее даже наиболее «родственных» претендентов. К тому же он заслуженно гордился своим миролюбием и традиционным нейтралитетом в бурной жизни Европы. Поэтому можно было с уверенностью сказать, что даже если шкипер и другие не совсем верят в чисто туристские цели Кручина и Грачика и догадываются об их истинных намерениях, то все равно они сделают все, чтобы им помочь. Они видели в русских гостях верных и бескорыстных друзей своего народа.

Под первым попавшимся предлогом, закинув за спину мешки, друзья покинули судно и ушли вглубь острова.

Убедившись в том, что разыскиваемого преступника на острове нет и что следы наводят на мысль об его возвращении на материк, они повернули назад.

— Неприветливые места, — сказал Грачик, обведя рукой видимый сквозь туманную дымку берег. Скалы круто обрывались прямо в воду. Береговая полоса измельченного океаном шифера была так узка, что по ней едва могли пройти рядом два человека. Волны спокойного прилива перехлестывали через эту полосу и лизали замшелую подошву утесов. Глаз не находил ни единого местечка, где утомленный мореход мог бы найти приют и отдых. Негде было даже пристать самому маленькому суденышку без опасности быть разбитым о скалы.

Грачик повел плечами, словно ему стало холодно от этой суровости, и повторил:

— Неприветливо.

— Да, не очень уютно, — с усмешкой согласился Кручинин и с каким-то сожалением оглядел серые скалы, серую от пены полосу прибоя, сереющий в тумане недалекий горизонт.

Первые розовые блики зари уже вздрагивали на далеких, плывших у горизонта облаках, когда они подошли к берегу. Они старались идти как можно тише, чтобы не разбудить спутников, но каково же было их удивление, когда, выйдя из-за последней скалы, отделявшей их от фиорда, они совершенно ясно услышали голоса, доносившиеся с бота.

Кручинин остановился и сделал Грачику знак

последовать его примеру. Они замерли, безмолвные и невидимые с судна, и прислушались.

С «Анны» доносились два голоса. Можно было без труда узнать голоса Оле и шкипера. Они о чем-то спорили. Сначала нельзя было разобрать взволнованно сыплющихся слов, повидимому, очень возбужденного Оле. Шкипер отвечал редко и более спокойно.

— Ты глуп, Оле, молод и глуп, говорю я тебе. Бог знает, что еще выйдет из вашей затеи, — заключил шкипер. — Один бог знает.

Голоса смолкли. Спор не возобновлялся. Кручинин поманил Грачика и, нарочито громко ступая по прибрежной гальке, направился к судну. Приблизившись, друзья увидели, что Ансен сидит возле люка, ведущего в крошечную каюту. Шкипер, очевидно, находился в каютке. Вероятно, потому его голос и доносился до берега не так громко. Хотя друзья старались приблизиться так, чтобы их было слышно, оба моряка, повидимому, были настолько заняты своими мыслями, что заметили гостей лишь тогда, когда те подошли к самому берегу. Какая-то излишняя суетливость чувствовалась в их движениях, когда Оле опускался в шлюпку, чтобы снять друзей с острова, а шкипер подавал ему весла и отвязывал шлюпку от кормы бота.

После завтрака друзья для вида совершили еще одну небольшую прогулку по острову в обществе пастора и шкипера. Около полудня вернулись на «Анну» и отправились в обратный путь к материку.

На этот раз им сопутствовал легкий норд-вест, и шкипер Хеккерт показал высокое искусство

управления в ледовых условиях парусным ботом без помощи мотора. Только подходя к дому, шкипер запустил двигатель, и «Анна», задорно постукивая нефтянкой, к полуночи пришвартовалась у пристани. Гости распрощались со спутниками и отправились в свой «Гранд отель».

Нельзя сказать, чтобы они возвращались в хорошем настроении. Кручинин выглядел совершенно спокойным, но Грачик знал, что в душе его свирепствует шторм. Разве вся их поездка не оказалась напрасной и им не предстояло вернуться ни с чем?

Именно с этой мыслью Сурен и улегся спать, с нею же приветствовал и заглянувшие в их комнату наутро яркие лучи весеннего солнца.

Не в очень веселом настроении вышел он к завтраку и уселся в кухне около пылающего камелька, подтапливаемого старыми ящиками, и еле-еле поддерживал беседу с хозяином, повидимому, не замечавшим его дурного настроения. Грачика удивляло отличное расположение духа, в котором пребывал Кручинин.

Стук в дверь прервал застольную беседу. В кухню вбежал Видкун Хеккерт. Бледный, растерянный, едва переступив порог, он без сил упал на стул.

Прошло немало времени, пока он успокоился настолько, чтобы более или менее связно рассказать, что привело его в такое состояние. Оказывается, ночью, услышав стук мотора «Анны», он пришел на пристань, но гостей уже не застал. Не было на «Анне» и пастора. Шкипер и Оле укладывались спать. Несмотря на то, что присутствие этого малого было ему в высшей степени неприятно, он сказал бы даже противно, Видкун решил остаться на «Анне», чтобы кое о чем пого-

ворить с братом. Они выкурили по трубке и велели Оле сварить грог. Грог хорошо согрел их, и они улеглись. И, черт побери, благодаря грогу они спали так, что Видкун разомкнул веки только тогда, когда солнце ослепило его сквозь растворенный кап. Вскоре Видкун сошел на берег вместе с зашедшим за ним пастором. Они пошли было в город, но пастор вспомнил, что забыл на «Анне» трубку, и вернулся за нею. Прошло минут десять, пастора все не было. Видкун пошел обратно к пристани. Придя на «Анну»... Да, да, не больше пятнадцати минут прошло с тех пор, как они с пастором покинули «Анну», и вот теперь, вернувшись на нее...

Кассир прервал рассказ и отер с лица крупные капли пота. Широко раскрытыми неподвижными глазами он уставился на стоящего перед ним Кручинина, который спокойно его разглядывал. Под этим взглядом лицо кассира делалось все более бледным и кожа на нем обвисала безжизненными серыми складками. В отчаянии Видкун сцепил пальцы вытянутых рук и хрипло выдавил из себя:

— ...когда через четверть часа я вернулся на «Анну», Эдвард, мой брат Эдвард, был мертв...

Сказав это, Видкун разомкнул руки, и его большие желтые ладони обратились к Кручинину, словно защищаясь от него. Мутные слезящиеся глаза кассира стали совершенно неподвижными, остекленев от ужаса. Видкун сидел несколько мгновений, точно загипнотизированный, потом вдруг сразу весь обмяк, уронил голову на стол, его руки бессильно повисли до самого пола и длинная спина задергалась, сотрясаемая рыданиями.

ГДЕ ПРЕСТУПНИК?

* У пристани, где стояла «Анна», собралась уже толпа. Слух об убийстве быстро разнесся по городку. Он вызвал не только всеобщее удивление, но и самое искреннее негодование. Покойный шкипер пользовался любовью и уважением сограждан.

Хотя на пристани не было полиции, собравшиеся соблюдали полный порядок. Никто не делал попыток проникнуть на бот.

Друзья тоже остановились у края пристани, не желая нарушать общий порядок, но несколько человек, повидимому из числа уважаемых жителей городка, подошли к ним и от имени присутствующих просили русских друзей взойти на судно, не ожидая прибытия полицейских властей, которые в этих местах могут явиться и не очень скоро. Кручинин колебался, но, посоветовавшись с Грачиком, решил все же воспользоваться приглашением...

Кручинин и Грачик взошли на борт «Анны». Несмотря на то, что за время работы с Кручининим Грачик успел изрядно привыкнуть к разного рода происшествиям, ему было грустно при мысли, что жизнерадостный шкипер больше никогда не поднимет паруса и его большие красные руки никогда не возьмутся за отполированные ими спицы штурвала.

Какой-то звон донесся до слуха Грачика. Это мог быть звук упавшего ножа или захлопнутой дверцы камелька... Затем послышалось негромкое бормотанье. Эти звуки на пустом судне заставили Грачика насторожиться. Подойдя к двери, ведущей в крошечный капитанский салон, Грачик увидел широкую спину пастора на уровне

стола и понял, что священник, преклонив колени и опустив голову на край стола, читает молитву.

Стараясь не нарушить настроение пастора, по-видимому настолько самоуглубленное, что он даже не заметил приближения посетителей, Грачик молча поманил Кручинина. Тот приблизился и тоже осторожно заглянул в каюту. Миг продолжалось его колебание. Но тут же он проскользнул мимо пастора и, стоя в каюте, внимательно оглядывал ее.

Тесное помещение было залито светом. Веселый солнечный луч, проникнув сквозь раздвинутый кап, падал прямо на бескровное лицо убитого шкипера. Эдвард Хеккерт сидел на койке, откинувшись к переборке, с руками, протянутыми по привинченному к палубе столу, отделявшему сидящего от узкого пространства перед входом. Знакомая всем старая фуражка шкипера с облупившимся большим козырьком была надвинута на самый лоб.

При появлении друзей пастор поднялся с колен.

— Как печально, — негромко проговорил он. — Мы все его так любили.

Он с грустью поглядел на убитого.

— Я буду там. — Он махнул в сторону палубы и поднялся по трапу, на ходу надевая черную шляпу.

Как только он вышел, Кручинин быстро осмотрел место происшествия. Его замечания были, как всегда, коротки и как бы адресованы самому себе:

— Удар по голове металлическим предметом...

В подтверждение он приподнял фуражку, прикрывавшую голову шкипера, и Грачик, действи-

тельно, увидал на темени убитого рану, от которой кровь растекалась по затылку.

— ...нанесен человеком, стоявшим там, где стою сейчас я, — продолжал Кручинин.

Он протянул руку, примериваясь. Его взгляд ощупывал все углы каюты. Внезапно в нем вспыхнул огонек нескрываемого удовольствия. Взглянув туда же, куда были устремлены его глаза, Грачик заметил лежащий на полу у переборки блестящий предмет.

Это был кастет.

Тот самый кастет, который они два дня тому назад рассматривали в руках Оле Ансена, или, во всяком случае, как две капли воды схожий с ним.

— Пожалуйста, поскорей, — нетерпеливо сказал Кручинин, глядя, как Грачик нацеливается объективом аппарата на кастет и старается захватить в объектив часть помещения, чтобы точнее зафиксировать положение возможного орудия преступления.

Как только шелкнул затвор, Кручинин со всеми необходимыми предосторожностями взял кастет и внимательно осмотрел его. Затем обошел стол и исследовал его так, что, глядя со стороны, можно было бы подумать, будто он его обнюхивает. Кручинина особенно заинтересовал край стола, обращенный ко входу в каюту.

— Так и надо было думать: я ошибся. Убийца стоял вовсе не там, где я показывал прежде, а на противоположной стороне стола, — с удовлетворением проговорил Кручинин. — Но отсюда он не мог дотянуться до головы жертвы, не опершись о стол.

И Кручинин показал Грачику на край клеенки, где тот сначала было ничего не заметил. Лишь

воспользовавшись лупой, он нашел отпечаток целой руки — и ладонь и все пять пальцев.

— Это уже не визитная карточка, а целый паспорт, не правда ли? — проговорил Кручинин. — Сними-ка клеенку. Вместе с кастетом это составит неплохую коллекцию.

В каюту вернулся пастор.

— Я вижу, — сказал он, — вы тоже нашли то, что я заметил сразу, как вошел, — и он указал на кастет, который осторожно, куском газеты держал Кручинин. — До сих пор не могу поверить, что это возможно...

Оба друга поняли, что он имеет в виду Оле.

— У меня в голове это тоже плохо вяжется с образом Ансена, — ответил Грачик.

— Мне тяжелее вашего, — грустно произнес пастор. — Я очень хорошо узнал парня и думал, что сумею вернуть его на путь истины. Он был жаден до суетных благ жизни, но вовсе не так испорчен, чтобы можно было ждать столь страшного дела... Для меня это тяжелый удар. Кто знает, может быть, доля вины падает и на меня, не сумевшего молитвой и внушением удержать его душу на пути к падению...

— Удержать от чего? — спросил Кручинин.

— ...не очень хотелось говорить это кому бы то ни было, но... вы иностранцы, и то, что я скажу, уйдет вместе с вами. Если Оле невиновен, а я тешу себя этой надеждой, несмотря на очевидность его вины... Да, так я скажу вам, если вы обещаете не рассказывать этого никому из здешних людей. Не нужно натравливать их на юношу...

— Что вы знаете? — нетерпеливо перебил его Кручинин.

— Знаю? — пастор пожал плечами. — Решительно ничего.

— Так в чем же дело?

— Я хотел только сказать, что, несмотря на очевидное всякому стечение улик, складывающееся не в пользу Оле, я не хочу верить в его виновность.

— Что вы называете «стечением улик»? — спросил Кручинин. — Пока я не вижу ничего, кроме этого кастета. И нужно еще доказать, что он принадлежит именно Ансену.

— На острове, — опустив глаза, тихо промолвил пастор, — между Оле и убитым произошла ссора. Юноша угрожал старику. — Он умолк было, но после некоторого колебания, словно в нерешительности, договорил: — Я бы предпочел не слышать то, что слышал.

Грачик понял, что речь идет о споре, обрывки которого слышали и они с Кручининим.

— О чем они спорили?

— О каком-то спрятанном богатстве, о кладе, что ли. Выдать этот клад или не выдавать? Кому? Я не очень хорошо понял, в чем дело. Из скромности я отошел и не стал слушать. Кто мог думать, что теперь это приобретет такое значение?

— Да...

— Это — первое обстоятельство. — Пастор задумался. — А второе? Второе — этот кастет. Если бы можно было убедиться в том, что кастет Оле спокойно лежит у него в кармане, гора свалилась бы у меня с плеч.

— А третье?

— Третье?.. Когда я зашел сюда...

— На «Анну»?

— ...да, на «Анну», рано утром, чтобы погово-

речь с кассиром Хеккертом, мы сошли на берег; шкипер еще спал. Оле был у себя в кубрике. Это я очень хорошо видел... Во всяком случае, мне показалось, что он спит. Он лежал совершенно тихо... Случилось так, что, отойдя несколько десятков шагов с кассиром, я вернулся сюда, чтобы взять забытую трубку, и, когда вошел в каюту, увидел то, что видите вы. — Пастор поднял руку и, неожиданно осенил труп знаменем креста. Помолчав, продолжал: — Оле на судне уже не было. Я успел только отчетливо увидеть его фигуру, когда он бежал вдоль пристани и скрылся за первыми домами.

— Вы выглянули из люка? — быстро спросил Кручинин.

— Нет... мой взгляд упал нечаянно в иллюминатор, и я увидел Оле... Право, не смогу вам объяснить, почему я тут же не бросился за ним. Какая внутренняя сила удержала меня?.. Потом я действительно высунулся из люка и позвал кассира. — Пастор задумчиво опустил голову.

— Кажется, нам здесь больше делать нечего, — сказал Кручинин.

Пастор молча кивнул, и все трое сошли с «Анны».

Кручинин внезапно остановился, словно вспомнив что-то:

— Почему не вызвали врача?

Пастор грустно покачал головой:

— Немцы увезли отсюда всех врачей.

— Так, так...

— Я дал знать фогту, — тихо произнес подошедший к собеседникам Видкун Хеккерт. — Он вчера уехал на юг округа, но от него есть телеграмма: к вечеру непременно будет здесь. Пожа-

луйста, не уезжайте и помогите нам разобраться в этом деле.

— Но ведь я не могу предпринять никаких действий,— нахмурившись, сказал Кручинин.

— Вы наш друг, мы просим вас заняться этим делом... Я... Я, как брат убитого, прошу вас... Мы же видим, что вы разбираетесь в этом лучше всех нас.

— Это хорошо, вы действительно должны нам помочь,— подтвердил пастор и спросил: — Как вы думаете, пожалуй, до приезда фогта не стоит все-таки ничего трогать... там?

— Конечно, конечно,— согласился Кручинин.

— Вы чем-то расстроены? — заботливо спросил пастор.

— Исчезновением нашего проводника.

Пастор осторожно осведомился у нескольких людей, не видел ли кто-нибудь Оле Ансена? Нет, никто его не видел с самого отъезда на острова.

Грачику показалось было, что в толпе мелькнул клетчатый платок Рагны Хеккерт. Но он, повидимому, ошибся. Ведь если бы это было так, то пастор, наверно, именно ей, Рагне, задал бы первый вопрос. Кому же, как не ей, было знать, куда девался Оле!

Пастор не стал больше никого расспрашивать. Было ясно, что он не хочет возбуждать у жителей какие-либо подозрения по адресу Оле Ансена.

А между тем... Да, между тем через несколько минут Грачик готов был поручиться, что еще раз видал Рагну. На этот раз он рассмотрел не только ее платок, но и лицо. Девушка показала на миг и тотчас скрылась в толпе.

Грачик хотел сказать об этом Кручинину, когда они вчетвером шли домой, но тут им повстреча-

лась женщина, сообщившая пастору, что рано утром она видела Оле далеко за городом.

— ...я возвращалась от сестры...

— Значит, он шел в горы?

— В горы, конечно, в горы, — закивала женщина. — Я и говорю: он шел в горы. Я окликнула его: «Эй, Оле, куда ты собрался?» А он, не оборачиваясь, крикнул: «Здравствуйте, тетушка Свенсен, и прощайте!» — «Что значит — прощайте: не навсегда же ты уходишь, Оле?» — сказала я. А он все свое: «Прощайте, тетушка, прощайте».

— Значит... он действительно ушел в горы, — с нескрываемой грустью пробормотал пастор. — Господь да поддержит грешника на его тернистом пути!..

ЧТО ГОВОРЯТ СЛЕДЫ

Они шли молча. Каждый думал о своем.

— Дорогой мой, наша профессия полна противоречий, — сказал вдруг Кручинин тем спокойным, почти равнодушным голосом, каким обычно делал замечания именно тогда, когда хотел, чтобы их запомнили. Он говорил, не стесняясь присутствия Видкуна Хеккерта, так как знал, что кассир не понимает по-русски: — Э-э, друг мой джан, иногда мне кажется просто удивительным, как могут найтись люди, способные совместить в себе противоположные качества, необходимые человеку, посвятившему себя расследованиям преступлений. Что касается меня лично, то я, вероятно, никогда не смог бы удовлетворить требованиям, предъявляемым к следователю и к работнику розыска. Начать хотя бы с того, что каждый из них должен быть способен совершать самые быстрые поступки и в то же время каждый

из них должен уметь сдерживать себя, сдерживать свое нетерпение — уметь ждать... Однако, — перебил он сам себя, — почтеннейший Видкун не только довел нас до гостиницы, но, кажется, намерен оказать нам честь и там. Признаться, он мне уже порядком надоел.

— Старик потерял брата, а вы не хотите признать за ним право на вполне естественное желание быть на людях! — воскликнул Грачик. — Разве вы не понимаете, как тяжело в таких случаях одиночество? Очень тяжело!

— По-твоему, у него есть основание бояться призрака Эдварда?

— С какой стати он стал бы его бояться?

— Значит, ты этого не думаешь?

— Конечно, нет!

— А уж я-то хотел было порадоваться тому, что у тебя есть решение, — с усмешкой сказал Кручинин и взялся за ручку двери у подъезда «Гранд отеля».

Как только дверь номера затворилась и друзья остались одни, Грачик увидел перед собой другого Кручинина — того, который покорила его в дни первого знакомства, — спокойного человека, столь же скупого на слова, сколь ясного и точного в суждениях.

— Дай сюда клеенку, — сказал он так просто, как будто не отвлекался ни на минуту от того, что делал на «Анне».

Грачик бережно расстелил клеенку на подоконнике. Кручинин достал кастет, осторожно освободил его от бумаги и положил на клеенку рядом с едва заметным следом руки. Посыпал то и другое тальком. Подул. Побеленные приставшим тальком следы стали хорошо видны на клеенке. Но тальк не хотел приставать к хроми-

рованной поверхности кастета. Стоило Грачику подуть, как порошок весь слетал. Грачик решил, что линии и так достаточно хорошо видны, и принялся за их изучение.

В результате тщательной работы он смог установить, что отпечаток на клеенке оставлен левой рукой, на кастете — правой. Версия Кручинина о том, что, нанося удар по голове шкипера, преступник был отделен от него столом и, чтобы дотянуться до жертвы, должен опереться на стол, получила первое подтверждение. Вторым важным обстоятельством было то, что нанести удар на таком расстоянии мог человек большого роста.

— Кого из обладателей такого роста ты мог бы взять под подозрение? — спросил Грачика Кручинин.

Грачику не нужно было долго думать, чтобы с грустью ответить вопросом на вопрос:

— Оле Ансен?

Повидимому, удовлетворенный этим, Кручинин продолжал свои размышления вслух:

— Удар нанесен один и такой силы, что шкипер был, повидимому, убит на месте. Кто из окружающих шкипера обладал такой физической силой?

И Грачик снова должен был сказать:

— Оле Ансен.

— Что нам остается сделать, чтобы окончательно убедиться в его виновности?

— Что остается! Пожалуйста: идентифицировать его личность по отпечаткам на клеенке и на кастете.

— А как мы установим интересующее нас обстоятельство? Есть у нас какой-либо предмет, носящий отпечатки пальцев Ансена? — спросил Кручинин.

— По-моему, нет.

— Посмотрим, — ответил Кручинин и пошел к хозяйке гостиницы.

Через десять минут он вернулся с объемистым рюкзаком.

— Узнаешь?

Грачик ответил отрицательно.

— Ай-ай, — укоризненно произнес Кручинин. — Сколько раз из этого мешка доставался кофейник, в котором Оле варил нам кофе. Сколько раз ты сам лазил сюда за консервами, галетами и прочими радостями походной жизни, пока мы шли сюда.

— Так это его мешок? Как он очутился у вас?

— На «Анне» этого мешка не было. Значит, Оле не брал его на судно. Не мог же он потом, убегая от правосудия, зайти за ним в отель.

Они принялись разглядывать все, что было в мешке. Там имелся ассортимент самых разнообразных походных вещей — от фуфайки до бритвенного прибора. Никелированную коробочку с бритвой Кручинин осмотрел особенно внимательно.

— Когда человек, побрившись в походных условиях, укладывает бритву, трудно требовать, чтобы его пальцы были совершенно сухи. А след влажного пальца рано или поздно заставляет поверхность металла корродировать... Вот тут что-то подходящее уже есть. Правда, не все пять пальцев, но и по двум мы кое-что сможем сказать.

Кручинин вынул лупу и принялся за изучение виднеющейся на поверхности коробочки мутной сетки штрихов.

Наблюдая друга, Грачик мог сказать, что осмотр его не удовлетворяет. Он вертел коробку и так и сяк. Наконец сказал:

— Этой бритвой пользовался еще кто-то, кроме Оле, и именно этот «кто-то» оставил нам свою визитную карточку, либо...

Отложив бритву, он принялся за осмотр других предметов. По тому, с какой досадой он отбрасывал их один за другим, Грачик понимал, что следы не находятся. Но тут посчастливилось ему самому. Он с торжеством протянул Кручинину старую походную сковородку: на ее закоптелой поверхности ясно виднелись отпечатки нескольких пальцев. Это могли быть только отпечатки одного из друзей или следы пальцев Оле.

Кручинин бережно взял сковородку.

— Даже заранее, по размеру этой лапы, можно сказать, что она принадлежит твоему любимцу, — сказал он с уверенностью и принялся за обработку изображений следов, чтобы их можно было сличить со следами, оставленными на кастете и на клеенке.

Нередко приходилось Грачику видывать Кручинина в затруднении, но почти никогда не мог он отметить на его лице такого выражения, как в этот момент. Объяснения были излишни — отпечатки не сошлись.

НОВЫЙ СЛЕД

Так как ни у Кручинина, ни у Грачика не было сомнений в том, что на сковородке они нашли отпечатки пальцев Оле, то становилось очевидным, что кастет и клеенка носили чьи-то иные отпечатки — не Оле. Вздох облегчения вырвался из груди Грачика, но Кручинин насмешливо поглядел на него:

— Рано, Сурен, слишком рано! — с дружеской укоризной сказал Кручинин. — Когда, наконец,

я приучу тебя к тому, что не следует столь громко и с такой самоуверенностью делать заключения.

— Кажется, я молчал, — заметил Грачик.

— Ах, Сурен, Сурен, а твой более чем выразительный вздох? Разве он не выдал все, что было у тебя на уме? Право, не стоит не только в присутствии других...

— Тут нет никого, кроме вас.

— Но я-то ведь не ты. А выражать, да еще столь громко свои эмоции не следует даже один на один с самим собой. В особенности, когда эти эмоции преждевременны. И вообще ты должен иметь в виду, что преждевременная радость столь же вредна, как и преждевременное разочарование: они размагничивают волю к продолжению поисков.

— А как их отличить: преждевременны они или своевременны?

— А ты пережди малость, проверь свои ощущения, убедись в выводах не сердцем, а рассудком.

— Ох, Нил Платонович, джан! Всегда рассудок и только рассудок! А как хочется иногда пожить и сердцем. Поверьте мне, друг, сердце не худший судья, чем мозг.

— Нет, братец, не в наших делах.

— Значит, вы отрицаете...

Кручинин рассмеялся и не дал Грачику договорить:

— Нет, нет! Только не нужно темы о чувствах, об интуиции и прочем. Ведь условились жить по доброй пословице: семь раз отмерь? Вот ты и мерь теперь: сошлось, не сошлось...

— Любит, не любит, плюнет, поцелует... — насмешливо огрызнулся Грачик.

— Нет, брат, мы не цыгане. — Кручинин похлопал себя по лбу. — Ты вот этим местом должен отмерять. Вот и отмеряй, что может означать несходство этих следов.

Это звучало как предостережение. Грачик отлично понимал, что преступнику иногда удается самыми ловкими ходами запутать свои следы.

— Если согласиться с фактами и допустить, что Оле невиновен, — продолжал Кручинин, — то нужно найти другого убийцу. Он должен быть такого же большого роста.

— Пастор! — вырвалось у Грачика.

Он готов был пожалеть об этом восклицании, но Кручинин одобрительно глядел на него, ожидая продолжения.

— И... кассир Хеккерт, — сказал Грачик, — он почти так же велик. Правда, он ходит согнувшись, но... если его выпрямить...

— То он сможет через стол дотянуться до жертвы?

— Да... Уж если разбирать все варианты, так разбирать.

— Конечно, — согласился Кручинин. — Но думаешь ли ты, что этот согбенный старик так же силен, как Оле?

— Может быть, и не так силен, но слабеньким я бы его не назвал. В нем чувствуется большая сила, настоящая сила.

— Значит, ты думаешь, что должны быть изучены оба эти субъекта?

— Скорее кассир, чем пастор, — в раздумье сказал Грачик.

— Ну, это уже твои внутренние убеждения. Для дела они мало интересны. Если изучать, так изучать все. Нам нужны отпечатки того и другого. Добыванием их придется заняться тебе.

Прежде чем Грачик успел спросить Кручинина, как тот посоветует это сделать, не вызывая подозрений, в комнату постучали: хозяйка звала к завтраку.

За столом оказались и пастор и кассир. Завтрак проходил в тягостном молчании. Сидя за столом, хозяйка время от времени тяжело вздыхала. Ее снедало любопытство, но скромность мешала ей задавать вопросы, а пускаться в рассуждения ни у кого из ее сотрапезников, повидимому, не было охоты.

Грачик, ни на минуту не забывая полученного от Кручинина приказа, ломал себе голову над тем, каким способом заставить соседей без их ведома выдать свои дактилоскопические отпечатки.

Словно угадав терзавшую его мысль, пастор принялся мять в руке хлебный мякиш. Даже через стол Грачик видел, как на хлебе остаются четкие отпечатки кожного рисунка, покрывающего кончики пасторских пальцев — указательного и большого.

Грачику непреодолимо хотелось протянуть руку и взять этот хлебный мякиш.

Повидимому, желание его было так сильно, что пастор почувствовал это. Он посмотрел на Грачика, затем взял шарик и стал раскатывать его лезвием столового ножа по столу. Шарик сделался гладким и перестал интересовать Грачика. Противный осадок, как будто священник мог знать его намерения и ловко обошел его, не давал Грачику покоя и заставил даже рассматривать пастора под каким-то новым, критическим углом зрения. Впрочем решительно ничего, что могло бы опровергнуть прежнее милое впечатление, произведенное на Грачика этим человеком,

он не обнаружил и в душе выбрал себя за легкомыслие. Он уже готов был встать из-за стола и признать перед Кручининым свою несостоятельность, когда заметил, что пастор снова, как бы совсем бессознательно, глядя куда-то поверх голов сидящих за столом, взял мякиш и стал его разминать. То, что произошло в следующую минуту, убедило Грачика в неосновательности его страха. Пастор опустил взгляд и, словно вернувшись на землю из далеких миров, где странствовала его мысль, предложил показать фокус. Для Грачика это прежде всего значило, что священник не подозревает о намерении овладеть хлебным мякишем, побывавшим в его руках.

— Кто-нибудь из присутствующих, — сказал пастор, — хотя бы вы, Хеккерт, под столом, так, чтобы я не мог видеть, сомните кусочек хлебного мякиша, и я скажу, какой рукой вы это сделали.

Кассир, повидимому, вовсе не задумываясь над тем, что делает, послушно скатал под столом шарик и протянул его пастору.

— Нет, нет, — сказал пастор, — раздавите его между пальцами так, чтобы образовалась лепешка.

Грачик с трудом сдерживал дрожь нетерпения, не веря своим глазам и ушам. Как сохранить эту лепешку, как взять ее себе?

Кассир протянул пастору раздавленный мякиш. Достав из кармана маленькую, но, повидимому, очень сильную лупу, пастор внимательно изучил кусочек хлеба и с уверенностью произнес:

— Левая.

Кассир ничего не сказал, но по его глазам Грачик понял, как тот поражен: было ясно, что пастор сказал верно. Но кто мог ответить Грачику на вопрос — было ли это случайной отгадкой, или

пастор действительно разобрался в дактилоскопии. Ведь для того, чтобы вынести столь безапелляционное решение по небольшому отпечатку, не проявленному с достаточной четкостью, не увеличенному и, может быть, неполному, нужно было хорошо знать дело. Все эти мысли быстро пронеслись в мозгу Грачика. Одна сменяла другую: откуда у пастора лупа? Зачем? Откуда он так хорошо знаком с дактилоскопией? Зачем? И тут же у него родился план: он быстро сказал пастору:

— Может быть, и я смогу. Прижмите-ка ваш палец к мякишу.

— Пожалуйста. — Пастор с улыбкой опустил руки под скатерть и через мгновение протянул Грачику раздавленный в лепешку довольно большой кусочек хлеба; узор папиллярных линий выступал на нем с достаточной яркостью и полнотой.

К этому времени в кулаке у Грачика уже был готов другой кусочек хлебного мякиша. Он взял оттиск пастора и, делая вид, будто ему нужно больше света, отошел к окну. Через минуту он повернулся и, разминая хлеб в пальцах, разочарованно сказал:

— Нет, не понимаю, как вы это делаете.

Пастор рассмеялся. Поверил ли он тому, будто Грачик действительно надеялся проделать то же, что проделал он сам, или принял все это за шутку, — было уже безразлично Грачику. То, что было нужно Грачику, — оттиск пасторских пальцев — было у него.

Грачик с трудом досидел еще несколько минут кофе и под первым удобным предлогом ушел себе. Работать приходилось быстро, как никогда. Снимок был сделан, проявлен и положен

в закрепитель. Теперь нужно было найти предлог для возобновления игры с хлебом, чтобы получить отпечаток с пальцев кассира Хеккерта.

Кручинин и пастор непринужденно беседовали у окна. Повидимому, молодость служителя бога брала верх над положительностью, к которой его обязывала скучная профессия. Грачику казалось, что священник сейчас охотно махнул бы рукой на кассира, наводящего на него тоску, и совершил бы прогулку на лыжах. Впрочем, он, видимо, тут же вспомнил о том, что должен по мере возможности утешать старика, и принялся развлекать его безобидными шутками. Он довольно чисто показывал фокусы с картами, с серебряной монетой; ловко ставил бутылку на край стола так, что она буквально висела в пространстве.

Кассир мрачно глядел на все эти проделки; водянистые глаза его оставались равнодушными и тонкие губы были плотно сжаты.

Мысль Грачика непрерывно работала над тем, какую бы вещь из принадлежащих кассиру взять для изучения его дактилоскопического паспорта. Но, как на зло, он не видел у него ни одного предмета с гладкой поверхностью, на которую хорошо ложатся следы пальцев. И ему пришла мысль, которую он и поспешил привести в исполнение.

— Мне все же очень хочется понять, — сказал он пастору, — как вы определяете, какой рукой сделаны отпечатки. Попросим господина Хеккерта еще раз оттиснуть свои пальцы, и вы на примере объясните мне. Можно?

— Охотно, — сказал пастор.

Он взял кусочек хлеба, тщательно размял его и, слепив продолговатую лепешку, прижал ее к гарелке ножом так, что поверхность хлеба стала

совершенно гладкой. После этого он подошел к кассиру и, взяв три пальца его левой руки, прижал их к лепешке.

Грачик волновался, делая вид, будто замешкался, закуривая папиросу, когда пастор сказал:

— Теперь идите сюда, к свету, я вам поясню.

Не спеша Грачик подошел к окну и выслушал краткую, но очень толковую лекцию по дактилоскопии.

— Дайте-ка сюда этот отпечаток, — сказал он пастору, — я поупражняюсь сам.

Грачик торжественно посмотрел на Кручинина и встретился с его добрыми улыбающимися глазами. Грачик зарделся от гордости.

Немало труда стоило ему сдержаться, чтобы не броситься сразу к себе в комнату для изучения своей добычи. Он был от души благодарен Кручинину за то, что тот, наконец, поднялся, поблагодарил собеседников за компанию и, взяв своего молодого друга под руку, увел к себе.

Когда вся тщательно проделанная подготовительная работа была закончена, Грачик торжественно разложил на столе всю серию дактилоскопических карт.

— Вы сами сверите отпечатки? — спросил он Кручинина.

К его удивлению, Кручинин, зевнув, равнодушно заявил:

— Проверь, старина, а я сосну.

Грачик в задумчивости остановился над разложенными картами. Он машинально поглаживал указательным пальцем свой тоненький ус, как делал обычно в минуты волнения. И тут его внимание привлек легкий запах ацетона. Грачик принялся: запах исходил от его пальца. Откуда бы это могло быть? Где он притронулся к аце-

тону?.. На память ничего не приходило. Он один за другим перенюхал все предметы в комнате, которые побывали у него в руках. Все было напрасно. И вдруг, когда он уже собрался было подойти к умывальнику, чтобы разделаться с этим неприятным запахом, на глаза ему попались лепешки из хлебного мякиша, прилепленные к дактокартам. Одну за другой он поднес их к носу и с удивлением заметил, что хлеб, побывавший в руке пастора, пахнул так же, как его палец. Несколько мгновений он было подумал над этим, но решил только, что нужно будет обратить внимание на руки пастора: не делает ли он маникюра? Мысль казалась нелепой, но ничего другого предположить было нельзя. После этого он принялся за мытье рук. Стоя с полотенцем, он наблюдал за Кручининым и думал о возможной причине овладевшего тем внезапного равнодушия.

Грачик достаточно хорошо знал Кручинина, чтобы понять, что дело перестало его интересовать. Что же случилось? Грачик был ошеломлен. «Что случилось, что случилось?» — не выходило у него из головы. Раз Кручинин мысленно «покончил» с этим делом, значит у него были к тому веские основания. Повидимому, вопрос о непричастности пастора и кассира к убийству шкипера был для Кручинина решен каким-то другим путем, но решен бесповоротно.

Грачик молча наблюдал, как Кручинин преспокойно укладывался спать, как блаженно закрыл глаза. Грачик с досадой вернулся к столу и лишь по привычке доводить до конца всякое исследование взял дактилоскопический отпечаток кассира и стал сличать его со следами, обнаруженными на клеенке, и... отпечатки сошлись.

Его мозг обожгла мысль: братоубийство!

Это было так неожиданно и так ужасно, что он еще раз проделал всю работу: результат был тот же.

Кажется, было из-за чего броситься к Кручинину, но Грачик сдержал себя и уселся за составление карты по всем правилам. Он знал, что если в его работе содержится малейшая ошибка, эта ошибка послужит предметом, может быть, и очень поучительной, но достаточно колкой и неприятной иронии. Кручинин не терпел скороспелых выводов и не упускал случая использовать их неточность для предметных уроков. Грачик никогда никому не признавался, сколько болезненных уколов его самолюбию было нанесено дружеской иронией учителя. Но, повидимому, средство воздействия было избрано Кручининим верное. Его снисходительная ирония или скептически заданный вопрос подхлестывали ученика больше, чем скучная нотация. Они заставляли воображение Грачика работать с такой интенсивностью, что решение поставленной задачи почти всегда приходило. Стоит заметить, что при всей ироничности кручининских уроков они никогда не были оскорбительными. И когда Кручинин от души радовался верному выводу Грачика, то делал это так, что сам Грачик готов был приписать свой успех не чему иному, как силе собственного интеллекта, который почему-то называл воображением.

Кстати, о слове «воображение», допущенном Грачиком в применении к такому делу, как криминалистика. По всей вероятности, ведомственные специалисты нападут на подобный вольный термин. О каком воображении, скажут они, может идти речь там, где все должно быть скрупулезно точно, где царит наука. Приверженцы

официально-аппаратного, так сказать, чисто бюрократического способа работы, а следовательно, и мышления считают, что следователь, криминалист, розыскной работник, будучи адептами науки, должны в своем деле идти путями, заранее определенными в учебниках и инструкциях. А был ли неправ Грачик, полагая, что хороший следователь, криминалист и розыскной работник должны обладать хорошо работающим воображением? В о о б р а ж е н и е в сочетании со способностью к психоанализу и с хорошей наблюдательностью — вот, собственно говоря, то, что вкладывалось в термин «интуиция», столько времени служивший предметом беспредметного спора. Богатство и гибкость воображения совершенно необходимы следователю. Составление верной картины совершенного преступления — работа отнюдь не бюрократическая, а глубоко творческая. Только человек, сочетающий со знаниями юриста, криминалиста и психолога богатство, гибкость и смелость воображения, может стать победителем в нелегком споре с преступлением. В самом деле, что такое версия преступления, как не плод творческого воображения следователя? Подразумевает ли картина, созданная воображением, отсутствие точности? Конечно, нет! Только точно работающее воображение, то есть воображение, работающее на основании научных посылок, может найти ту единственно правдивую картину, которая является неопровержимой.

Идти по следу правонарушителя с уверенностью, что он будет настигнут и изобличен, — значит воссоздать себе ясную и единственно верную картину его действий в процессе замышления и совершения преступления и в ходе попыток за-

Мести следы содеянного, избежать заслуженной кары. Достаточно ли для этого одной науки? Конечно, недостаточно. Без творческого вдохновения следователь не может ничего достичь, так же как ничего не достигнет без этого писатель, художник или актер, пытаюсь воссоздать образ или картину, воспроизвести действие или мысль задуманного героя.

Некоторые возражали, что-де аналогия между следователем и работником розыска, с одной стороны, и работником искусства, с другой, не только не показательна, но даже и незаконна. Они утверждали, что работник искусства находится в неизмеримо более простых условиях работы. Он-де свободен в выборе черт, мыслей и действий своих героев, а следователь, мол, вынужден воспроизводить образ, мысли и действия реально существующего, но не известного ему героя лишь по следствиям его мыслей и действий. При этом забывалось, что художник — будь то писатель или живописец — так же не волен в выборе своих характеристик, как следователь. По страницам книги, по полотну картины, по экрану кинематографа или по сцене театра не может ходить любой, выдуманный автором, герой. Если этот герой нереален, если его черты и поступки не соответствуют жизненной правде, короче говоря, если герой выдуман, а не воспроизведен силою творческого воображения художника по чертам, свойственным действительно шагающим по жизни людям, — все произведение — роман, драма, холст — будет обречено на провал. Оно будет так же неправдиво и так же не приведет к победе, как неверно построенная версия следователя.

Грачику доводилось слышать признания писа-

телей о том, что у обывателей принято обозначать словами «муки творчества». И на основании слышанного Грачик пришел к заключению, что идти по следам героя писателю столь же трудно, как следователю идти по следам преследуемого им субъекта. Это путешествие по жизни вместе с героями может рассчитывать на успех лишь при наличии у автора или у следователя правильного понимания явлений, способности к психоанализу и достаточно богатого воображения. Именно воображение, и только оно, может преодолеть узость границ, какие сам себе ставит человек, если смотрит на жизнь из-за забора параграфов. Свобода одаренного творческого ума, — вот залог успеха в построении любой версии в любом деле — от романа до заключения следователя...

Было бы ошибочно думать, будто подобного рода мысли высказывал или тем более внушал своему другу Кручинин. Напротив, он не уставал повторять Грачику, что в данном деле, как и во всяком другом, нужны знания и снова знания. А самым главным знанием, нужным следователю, розыскному работнику, криминалисту, как и всякому другому творческому работнику, является знание жизни...

Закончив составление карты и тщательно проверив свою работу, Грачик подошел к постели, на которой растянулся Кручинин. Негромко, как можно равнодушнее, проговорил:

— Как вы это находите?

Тот рассеянно поглядел на отпечатки. Сел в постели, пригляделся повнимательней.

— Что, по-твоему, нужно теперь сделать? — спросил он.

— Пока придут законные власти и можно будет арестовать старика, нужно принять меры к тому, чтобы он не скрылся.

— По-моему, он и не собирается скрываться.

— Вы так думаете? А я бы все-таки предупредил пастора, чтобы он за ним последил. Ему удобней, чем кому-либо другому оставаться около Хеккерта.

— Правильно придумано, — согласился Кручинин, — иди и скажи это пастору. Расскажи ему все.

— Быть может, лучше сделать это вам самому? — нерешительно спросил Грачик.

— Самому?.. Хорошо!

Когда Кручинин сказал пастору об ужасном открытии, тот казался настолько потрясенным, что долго не мог ничего произнести.

— Боже правый, — проговорил он, наконец...— это возможно? Господи, прости ему...

Он несколько мгновений стоял, уронив голову на грудь и молитвенно сложив руки.

— Вы уверены в том, что здесь не может быть ошибки? — спросил он.

— Законы дактилоскопии нерушимы, — ответил Кручинин. — Впрочем... мне кажется, что вам это хорошо известно... Хотя оба мы любители.

— Да, да... Иногда хочется, чтобы наука была не так неопровержима... Братоубийство! Неужели это слово не заставляет вас содрогнуться?!

ВЫСТРЕЛ В ТЕМНОТЕ

День прошел без всяких происшествий. После обеда прибыл фогт. Он совершил несложные формальности и еще раз подтвердил свою прось-

бу Кручинину помочь властям разобраться в этом деле. В мирной жизни страны оно было более чем необычайным.

К удивлению Грачика, Кручинин ни словом не обмолвился об установленной виновности старого кассира. Благодаря этому версия о виновности Оле Ансена приобрела официальный характер. Обнаруженный на месте преступления кастет и бегство проводника казались представителям власти достаточными уликами, чтобы дать приказ об изготовлении к завтрашнему дню печатного объявления о розыске преступника. Объявления должны были развесить в публичных местах. В объявлении все граждане призывались к содействию властям, заключающемуся в задержании преступника и в передаче его полиции.

Если Кручинин молчал, значит так было нужно. Грачик не решался что-либо сказать в защиту Ансена, хотя и удивлялся поведению своего друга.

В течение дня Грачик несколько раз перехватывал вопросительный взгляд пастора, устремленный на Кручинина. Пастор как будто тоже не понимал причины молчания и тоже не решался ничего сказать. Грачик и пастор были точно загипнотизированы поведением Кручинина.

Перед ужином Кручинин собрался на прогулку. Было уже довольно темно. Друзья шли по узким улочкам городка, по направлению к его южной окраине. Вдруг Кручинин подошел к освещенному окну какой-то лавки и, развернув карту, стал ее внимательно изучать. Он разогнул одну сторону листа и проследил по ней что-то до самого края. Он ничего не стал объяснять и, сунув карту в карман, молча зашагал дальше. Так дошли они до последних домов, миновали их. Светлая лента шоссе, уходящего на юго-запад, ле-

жала перед путниками. Кручинин остановился и молча глядел на дорогу. Грачик подумал было, что его друг кого-нибудь ждет. Но тот, постояв некоторое время, отошел к обочине и сел на большой придорожный валун. Грачик последовал его примеру. Тьма сгустилась настолько, что уже трудно было различать лица даже на том коротком расстоянии, на каком они находились друг от друга.

Вспыхнула спичка, и зарделся огонек папиросы.

— Там граница, — односложно бросил Кручинин, и взмах его руки с папиросой прочертил огненную дугу в том направлении, где исчезла светлая лента шоссе. Помолчав, добавил: — Тот, кому нужно будет скрыться, пойдет туда.

Грачик понял цель этой рекогносцировки. Кручинин поднялся. Они обогнули скалу, и перед ними открылась ночная панорама городка.

Почти тотчас, как они вышли на этот поворот, перед ними возник силуэт человека. Фигура оставалась неподвижной. Приблизившись, они увидели, что это женщина. В нескольких шагах от нее они остановились.

— Я жду вас, — послышался глухой голос. — Я знала, что вы придете. Вы должны были прийти сюда... — Лицо незнакомки было закрыто плотной тканью. Как будто угадав, что Грачик намеревается сделать, она проговорила быстро:

— Не нужно света.

Это было сказано так, что Грачик поспешно отстранил руку, как будто фонарь, который он в ней держал, мог вспыхнуть помимо его воли.

Судя по голосу и быстрым уверенным движениям, женщина была молода.

Друзья последовали за нею.

— Я — Рагна Хеккерт, — сказала она.

Кручинин выжидательно молчал.

Она, повидимому, тоже ждала, что собеседники как-то выразят свое отношение к ее появлению. Но и они оба молчали. Тогда Рагна сказала:

— Я знаю, почему убили дядю Эдварда.

— И, может быть, знаете, кто убил? — спросил Кручинин.

— Нет... этого я не знаю... Вы хотите знать, почему его убили?

Кручинин выразил готовность ее слушать.

И вот что они услышали: ее отец, Видкун Хеккерт, оставался в должности кассира ломбарда и во время пребывания тут немцев. Немцы ему доверяли и платили хорошее жалование. По каким-то соображениям, они не вывезли в Германию наиболее ценные заклады — золото, серебро — и оставили их в сейфе ломбарда. Когда стало ясно, что немцам не удержаться, жители снова потребовали возвращения вещей и тогда-то все услышали, что ценности исчезли: будто бы гитлеровцы увезли их к себе в Германию. Но Видкун Хеккерт не только знал, что ценности остались у них в стране, но знал и место, где они спрятаны. Немцы под страхом смерти приказали Видкуну хранить тайну и обещали явиться за ценностями при любом исходе войны. Недавно Видкун поделился тайной с братом Эдвардом. Он боялся своей тайны. Не знал, как поступить: ждать прихода немцев или считать появление их невозможным и открыть тайну своим властям? Эдвард осудил поведение Видкуна и сказал, что если кассир не сообщит все властям, то он это сделает сам. Рагна знала, что отец еще с кем-то советовался, но с кем именно, сказать не может. Ей кажется,

что об этих разговорах отца с дядей Эдвардом пронюхала оставшаяся в стране гитлеровская агентура и по ее-то приказу и поспешили убить шкипера, прежде чем он выдал тайну брата-кассира. Если бы знать, с кем отец еще советовался? Уж не через того ли человека, с которым он разоткровенничался, фашисты-последыши и проведали тайну?..

— Ах, если бы знать, куда ушел Оле Ансен! Он, наверно, все знает!.. — воскликнула она.

После некоторого размышления Кручинин мягко сказал:

— Я не уверен в том, что именно Оле убил шкипера, но могу вам сообщить: завтра мы будем знать убийцу.

Восклицание радости вырвалось у девушки и заставило Кручинина на мгновение умолкнуть. Затем он продолжал:

— Но мы узнаем его при одном непременно условии: вы никому, решительно никому не скажете о том, что виделись и разговаривали со мной.

— О, если это нужно!..

— Непременно!.. Если вы скажете хотя бы слово, я ни на секунду не поручусь за жизнь вашего отца.

— Да, да, я буду молчать!.. Конечно, я буду молчать... Я так и думала: нас никто не должен видеть вместе. Потому я и пришла сюда... Я с утра слежу за вами.

— Идите. Пусть ваша догадливость и труд не пропадут напрасно из-за того, что кто-нибудь увидит, как мы вместе возвращаемся в город.

— Помогите вам бог, — торопливо проговорила Рагна и пошла прочь. Ее силуэт сразу исчез в темноте. Не было слышно даже шагов, пови-

димому, она была в обуви на каучуковой подошве.

— Предусмотрительная особа, — негромко и, как показалось Грачику, иронически произнес Кручинин и опустился было на придорожный камень, но тут же вскочил так, словно камень был усыпан шипами.

— Сейчас же верни ее! — бросил он торопливым шепотом. — Верни ее!

За две минуты, что прошли с момента ее исчезновения, Рагна не могла уйти далеко, а между тем, пробежав сотню шагов, Грачик не видел ее силуэта. Он ускорил бег, но напрасно, метнулся влево, вправо, — девушки не было нигде. Ни тени, ни шороха. Словно перед ними побывал призрак. Грачик внимательно оглядел обочины, отыскивая тропинку, на которую могла сойти девушка, — нигде никаких поворотов. Измученный волнением, он стоял, как провинившийся школяр, и боялся вернуться к Кручинину, хотя отлично понимал, что каждая потерянная минута может оказаться роковой для исполнения того, зачем ему понадобилась Рагна Хеккерт.

Грачик вернулся к Кручинину с таким чувством, будто был виноват в таинственном исчезновении Рагны.

Тот молча и, как казалось, спокойно выслушал сообщение.

В темноте вспыхнула спичка: он снова закурил.

Его молчание тяготило Грачика.

— Зачем она вам понадобилась? — спросил он.

— Чтобы исправить свою оплошность... На этом случае ты можешь поучиться тому, как важно в нашем деле не поддаваться первому впе-

чатлению и в любых обстоятельствах сохранять выдержку. На работе нужно забывать о чувствах, эмоциях, только рассудок, холодный рассудок, способный к трезвому расчету.

— К чему все это? — нетерпеливо спросил Грачик.

— К тому, что я, как мальчишка, впервые вышедший на операцию, обрадовался неожиданному открытию: убийство совершено для сохранения тайны немецкого клада! А о главном забыл: убедиться в правдивости этой версии и предотвратить исчезновение преступников. То, что они уедут вместе с кладом, я смогу пережить, но документы, документы...

— Вы уверены, что именно там и хранится архив?

— Они не могли организовать тут несколько тайников, я убежден, что архив, на основе которого они надеются возобновить работу, хранится вместе с ценностями, прибереженными для ее оплаты.

— Значит, вы не верите в то, что этот архив сожжен?

— Если они и сожгли, то скорее книги ломбарда, чем эти документы. В этом я убежден... Архив должен быть в этом тайнике!

— Если Рагна скажет вам, где он?

Он ничего не ответил, но по тому, как далеко отлетел алый светляк окурка, Грачик понял, что угадал, и не мог не оценить степени его раздражения.

Почти тотчас, с той стороны, где в темноте исчез огонек окурка, раздался выстрел. В последовавшей за выстрелом тишине Грачик услышал, как глухо ударилось о землю тело упавшего с камня Кручинина, и до него отчетливо донес-

лись тяжелые шаги убежавшего преступника. Гнаться за ним в темноте по незнакомой, заваленной камнями местности было бесполезно. Грачик бросился к раненому или убитому другу.

РАЗВЯЗКА ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Склонившись над Кручининым, Грачик услышал его сдержанный смех.

— На сей раз было, кажется, не привидение, — прошептал Кручинин.

— Вы не ранены? — с беспокойством спросил Грачик.

Вместо ответа Кручинин упругим движением поднялся на ноги. Они вернулись в гостиницу. За ужином никого, кроме них и хозяев отеля, не было. Кручинин путем осторожных расспросов старался выяснить облик Рагны Хеккерт и обстановку ее семейной жизни.

Уверившись в том, что за ними никто не наблюдает, друзья отправились к дому кассира.

Его домик был расположен на окраине городка. На дверце калитки красовалась белая эмалированная дощечка с фамилией владельца и надписью «Вилла Тихая пристань». Все это было отчетливо видно даже в темноте. Вокруг домика был разбит палисадник, обнесенный невысокой оградой из сетки, натянутой на бетонные столбики. К удивлению друзей, калитка была не заперта, и они свободно вошли в садик.

Прежде чем нажать звонок на крыльце, Кручинин обошел вокруг дома, чтобы убедиться в том, что их не ждут какие-нибудь неожиданности. Лишь после этого они поднялись на крыльцо. Отворила им Рагна Хеккерт. Она сразу узнала их и молча отступила в сторону, жестом пригла-

шая поскорее войти. Дверь за ними поспешно захлопнулась.

Пользуясь светом, Грачик хорошо разглядел теперь Рагну. Она была миловидной девушкой лет двадцати. От ее фигуры веяло здоровьем и силой. В чертах ее лица он нашел сходство скорее с дядей Эдвардом, чем с отцом. В них не было угрюмой жестокости, характерной для внешности кассира.

Кручинин ни словом не заикнулся о том, что случилось с ним на шоссе. Его, повидимому, интересовал только клад. Но тут же стало ясно, что ночью (а Кручинин непременно хотел отправиться в путь сейчас же) им не найти уединенное место в горах, где были спрятаны ценности. Рагна предложила быть проводником, хотя и не могла поручиться, что сразу приведет их к цели.

Пока она набрасывала в прихожей пальто, Кручинин внимательно, но так, чтобы не заметила хозяйка, оглядел обстановку. Его взгляд остановился на чем-то в углу, возле вешалки. Посмотрев туда, Грачик обратил внимание на пару грубых ботинок. По размеру они могли принадлежать только кассиру или другому столь же крупному мужчине. Ботинки были еще влажны, на носках отчетливо виднелись следы свежих царапин. В мозгу Грачика пронеслась мысль о том, что, вероятно, именно так должна была выглядеть обувь человека, стрелявшего в Кручинина и бежавшего по склону горы. По едва уловимой усмешке Кручинина он понял, что у того мелькнула та же мысль.

Рагна оделась, и они пошли: она шагов на пять впереди, друзья за ней. Грачик держал в кармане руку с пистолетом. В глубине души у Грачика копошилось сомнение: не является ли

все это ловушкой, подстроенной, чтобы от них отделаться. Мысль о том, что если все же убийца шкипера Ансен, то Рагна — его сообщница, не оставляла Грачика.

Через десять минут они миновали последний дом городка и вышли на дорогу, проложенную в уступе скалы над берегом моря. Волны шумели где-то совсем под ними. Но постепенно дорога удалялась от моря, и его шум затихал.

Навстречу путникам из глубоких расщелин поднималась холодная настороженная тишина.

Много раз бывал Грачик ночью в горах, но никогда, кажется, не встречал там более неприязненного молчания. С завистью глядел он на размеренно шагающего Кручинина, единственной заботой которого, казалось, было не потерять бесшумно скользящую впереди тень женщины. Так они шли час. Рагна остановилась. На этот раз она дождалась, пока они нагнали ее, и лишь тогда свернула в сторону.

Грачик не заметил ни тропинки, ни какого-нибудь характерного камня, которые позволили ей опознать поворот. Но она шла уверенно; так же уверенно двигался за нею Кручинин. За ним шел Грачик, изредка спотыкаясь о торчащие острые камни, покрытые талым снегом. Он вздохнул с облегчением, когда, наконец, проводница остановилась и сказала:

— Здесь.

Однако это «здесь» вовсе не оказалось концом. Нужно было на животе пролезть под огромный камень, висящий так, что, казалось, он вот-вот обрушится от малейшего прикосновения.

Грачик внимательно оглядел камень и тщательно обследовал вокруг него землю. Он из

чил при свете карманного фонаря проход, по которому предстояло лезть.

— Вам не кажется, что подход к такому сокровищу они могли преградить миной? — спросил он Кручинина.

— Они много потеряли бы в моих глазах, ежели бы проход сюда был свободен всякому желающему, — ответил тот.

После тщательного исследования Грачик протянул Кручинину найденный им конец электрического кабеля. Остальное было ясно без объяснений.

— Остается убедиться в том, что они не обезпечили взрыв вторым замыкателем, — сказал Кручинин.

Грачик с той же настойчивостью продолжал поиски, пока не убедился в отсутствии второй проводки. Тогда он быстро и ловко обезвредил мину. Проход был открыт.

Друзья проникли в небольшой естественный грот и убедились в том, что там действительно спрятано несколько крепких деревянных ящиков. Кручинин решил не вскрывать их; прикинув их вес, друзья убедились в том, что они действительно наполнены чем-то очень тяжелым. Это с одинаковым успехом могли быть ценности или бумаги... Скорее всего, то и другое.

Уверенность, с которой действовала дочь кассира, окончательно убедила друзей в том, что она была здесь не в первый раз. Она и не отрицала того, что приходила сюда с отцом, чтобы помочь ему забрать по требованию немцев содержимое одного из ящиков.

— Это были бумаги? — поспешно спросил Кручинин.

— Нет, драгоценности.

На этот раз Грачик имел возможность слышать громкий вздох облегчения, вырвавшийся из груди его друга. Он решил напомнить ему, что не следует громко выражать свои эмоции, в особенности при посторонних.

Убедившись в том, что Рагна давеча вечером сказала им правду, друзья отправились в обратный путь. Как только они дошли до шоссе и могли больше не бояться заблудиться, Кручинин предложил Рагне идти вперед на почтительном расстоянии. Весь обратный путь был проделан значительно скорее.

Поравнявшись с калиткой своего дома, Рагна подождала их и, быстро оглядевшись, прошептала:

— До свидания...

Кручинин приостановился, любезно приподнял шляпу и вдруг быстро спросил:

— Скажите, что это за ботинки стоят у вас в прихожей?

— В прихожей? — спросила она, как бы силясь сообразить, о чем идет речь.

— Этакие большие мужские ботинки, немного грязные и с поцарапанными носами.

— Ах, эти! — сказала она с очевидным облегчением. — Это ботинки отца!

— Куда он ходил в них сегодня?

— Не знаю... Право, не знаю. Если хотите, я спрошу его.

— Нет, нет, не делайте этого, прошу вас.

— Вероятно, он заходил, когда меня не было дома, и оставил их потому, что они промокли... Хотя нет... позвольте... Утром они стояли в кухне. Значит, он зашел, чтобы надеть их, вышел в них

и, промочив, снова снял. Только так. Да, вероятно, так оно и было.

— Благодарю вас за объяснение, фрекен Рагна. Вы... очень умная девушка, с вами приятно иметь дело. Очень прошу вас не беспокоить кассира расспросами об этих несчастных ботинках. Так будет лучше. Обещаете мне?

— Если это нужно...

— Очень нужно.

Хлопнула входная дверь, и друзья остались одни. Кручинин несколько мгновений стоял в раздумье, потом молча пошел прочь, как будто никого, кроме него, тут и не было.

Когда они вернулись в «Гранд отель», его дверь оказалась запертой, но окна кухни были еще ярко освещены.

Грачик отворил дверь своим ключом, и они намеревались прошмыгнуть в свою комнату незамеченными, но это им не удалось. Дверь кухни отворилась, и хозяин приветливо пригласил их войти. Там они застали все ту же компанию: кроме хозяйки, около потухшего камелька сидели кассир и пастор.

Грачик сразу вспомнил о ботинках Видкуна Хеккерта, стоящих там, в его собственном коттедже. Сейчас кассир был обут в те же самые сапоги, в каких был вчера и нынче утром — с самого дня поездки на острова. Грачик даже вспомнил, что эти сапоги старик надел именно перед поездкой на «Анне», взяв их у шкипера. Значит, сегодня ему понадобилось забежать домой, чтобы переобуться. Не потому ли он менял обувь, что в этих тяжелых морских сапожищах было несподручно бегать по горам? А может быть, он

был даже настолько дальновиден, что не хотел оставить на сапогах следы острых камней? Царапины могли привлечь внимание и вызвать расспросы: где он умудрился изрезать сапоги? Расчет был верен. И если бы он был именно таков, то можно было признать самообладание этого старика, умеющего так ловко разыгрывать роль убитого горем человека и обдумывающего столь хладнокровно каждый свой шаг.

Грачик был так поглощен этими размышлениями, что не слышал, о чем говорят окружающие. Его внимание привлек странный знак, дважды повторенный Кручининым кассиру. Повинуясь этому знаку, кассир опасно приблизился к Кручинину. Ни Грачику, ни остальным не было слышно, о чем они шептались. И только один Грачик видел, как Кручинин передал кассиру довольно внушительную пачку банкнот. Кассир поспешно спрятал ее и вернулся к столу.

Вскоре все заметили, что хозяйка с трудом сидит за столом. Пора было расходиться и дать ей покой. Кассир нехотя поднялся со своего места и выжидательно глядел на пастора. Можно было подумать, что он боится идти домой один. Пастор, в течение всего дня не отстававший от него ни на шаг, на этот раз довольно резко сказал:

— Идите, идите, господин Хеккерт, я сейчас вас догоню.

К удивлению Грачика, он не заметил в кассире недовольства таким заявлением. Наоборот, тот даже как будто обрадовался и, поспешно всем поклонившись, ушел.

— Можно подумать, что старик боится ходить один, — сказал Грачик пастору.

— Так оно и есть, — подтвердил тот. — А получив от вашего друга такую пачку денег, — па-

стор выразительно глянул на Кручинина, — он будет трястись, как осиновый лист.

Грачик не заметил ни смущения, ни удивления на лице у Кручинина, когда тот узнал, что пастор видел, как он передавал деньги.

— Согласитесь, старик заслужил эту тысячу крон, — спокойно произнес его друг. — Малая доля того, что он должен получить в награду за открытие клада.

— Тысяча крон?.. Но я не понимаю, о каком кладе вы говорите?! — воскликнул пастор.

— О ценностях ломбарда, спрятанных гитлеровцами.

— А при чем тут наш кассир?

— Теперь я ведь знаю, где они спрятаны. И, должен вам признаться, не понимаю, как вы при вашей проницательности и влиянии на кассира давным-давно не узнали от него эту тайну.

— При моем положении, знаете ли, было бы не совсем удобно соваться в такого рода дела, — степенно заявил пастор.

— Но теперь, когда мы уже знаем, где спрятаны ценности, вы, конечно, сделаете так, чтобы вещи попали в руки владельцев?

— Завтра же поговорю об этом с фогтом, — сказал пастор.

— Значит, позвольте передать это дело в ваши руки? Я здесь совершенно посторонний и случайный человек.

— Как вам будет угодно... Мне остается только узнать, где... их искать.

— Завтра я вам покажу это место в горах, там, в сторонке от Северной дороги.

— Однако мне пора, — спохватился пастор. — А то кассир подумает, что я его покинул на волю

злодеев, которые, по его мнению, только и знают, что охотятся за его особой. Спокойной ночи!

Весело насвистывая, Кручинин направился к себе в комнату, сопровождаемый Грачиком. Не успели они затворить за собой дверь комнаты, как на улице один за другим раздались два выстрела. Через минуту к ним в комнату уже сту-чался хозяин.

— О, господа русские! — лепетал он трясущи-мися губами. — Кассир... пастор... они убиты...

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА

Не успел Грачик опомниться, как Кручинин был уже на улице. Грачик бросился следом.

Несколько человек уже возились около лежащего на земле кассира. Пастор приказал положить Хеккерта на разостланное пальто и внести в комнату. Сам пастор был почти невредим: в его куртке была сквозная дыра от пули, слегка контузившей ему бок.

Не обращая внимания на собственное ранение, с ловкостью, близкой к сноровке медика-профес-сионала, пастор принялся за оказание помощи Хеккерту. У того оказалось пулевое ранение в верхнюю часть правого и в середину левого легкого. Остановив кровь и наложив повязку, па-стор наскоро рассказал, как все произошло: на-гнав медленно бредущего кассира, пастор взял его под руку. Едва они успели сделать несколько шагов, как им в лицо сверкнула вспышка вы-стрела, и пастор почувствовал, как кассир повис на его руке. Тотчас раздался второй выстрел. Пастору показалось, что пуля обожгла ему левый бок. Выстрелы были произведены с такой близкой дистанции, что буквально ослепили и оглушили

пастора. Он не мог разглядеть стрелявшего, который скрылся.

Воцарившаяся в гостинице гнетущая тишина была нарушена появлением Рагны. Узнав о положении отца и о том, что, по мнению пастора, он будет жить, она попросила оставить их наедине. Через несколько минут она вышла из комнаты и сказала, что немедленно уходит, чтобы позвать фогта и аптекаря. Так хочет отец.

Пока пастор и Грачик помогали ей в холле одеваться, Кручинин вернулся в гостиную, где лежал раненый. Но пробыл он там очень недолго. Пастор еще только затворял дверь за Рагной, а Кручинин уже вернулся в холл.

— Я не хотел расстраивать девушку, ваш диагноз не совсем точен, — обратился Кручинин к пастору: — по-моему, кассир плох.

— Вы думаете... он умрет?

— Совершенно уверен, — решительно произнес Кручинин.

— В таком случае мне лучше всего быть возле него, — сказал пастор.

— Да, конечно. Во всяком случае, до тех пор, пока не придет хотя бы аптекарь.

— Господи, сколько горя причиняют люди друг другу! — в отчаянии воскликнул пастор. — Но нет, всевышний не должен отнимать жизнь у этого несчастного...

— Думаю, что вмешательство хорошего врача помогло бы тут больше, — с раздражением проговорил Кручинин.

Пастор взглянул на него с укором:

— Уста ваши грешат помимо вашей воли...

— О, нет! Они находятся в полном согласии. И я, право, полагаю, что вы вашими скромными познаниями в медицине...

— Они более чем скромны...

— И все же сейчас они нужнее молитв.

Пастор покачал головой. Его голос был печален, когда он сказал:

— Господь да простит вас... Однако я пойду к нему, и да поможет мне бог... Во имя отца и сына...

С этими словами он скрылся за дверью гостиной, где оставался раненый кассир.

Жестом приказав Грачику оставаться у двери, Кручинин одним прыжком очутился возле вешалки, где висели пальто кассира и верблюжья куртка пастора, снял их и поспешно унес к себе в комнату. Через несколько минут он выглянул в дверь и, поманив Грачика, сказал:

— Дай мне твою лупу и оставайся тут. Постарайся занять пастора, если он выйдет. Но ни в коем случае не мешай ему говорить с кассиром. Мне кажется, что этот разговор кое-что еще выяснит.

Грачик был чрезмерно утомлен переживаниями этого дня и, повидимому, задремал на несколько минут. Во всяком случае, ему показалось, что он во сне слышит шум подъехавшего автомобиля. Открыв глаза, он успел увидеть, как гаснет за окном яркий свет автомобильных фар. Вероятно, услышал приближение автомобиля и Кручинин; он вбежал в холл и торопливо повесил на место куртку пастора и пальто кассира.

Пастор, сидевший в гостиной, окна которой выходили на другую сторону, ничего не знал. Он вышел в холл лишь тогда, когда там уже раздевались фогт и приехавший с ним врач. Следом за врачом мало-помалу и все остальные очутились возле раненого.

Осмотрев Хеккерта, врач заявил, что опасности для жизни нет. Он сделал предохранительное вспыскивание, переменял повязку и заявил, что утром извлечет застрявшую в левом боку пулю.

Все вздрогнули от молодого радостного смеха, которым огласилась вдруг гостиная. Оказалось, что это смеется пастор.

— Простите, — сказал он, несколько смутившись. — Я не мог сдержать радости. Он будет жить! Это хорошо, это очень хорошо! — Пастор порывисто подошел к врачу и несколько раз сильно потряс ему руку.

Это было сказано и сделано с такой заразной веселостью и простотой, что все невольно улыбнулись.

Как раз в это время вернулась и Рагна. Она привела аптекаря, которому уже нечего было делать около больного.

Грачик все еще не мог понять, почему Кручинин держит фогта в неведении и не расскажет ему, кто истинный убийца шкипера. Когда же, наконец, он намерен навести власти на правильный след и избавить их от поисков ни в чем не повинного Оле?

Фогт, словно угадав эти мысли, вдруг сказал:

— Кстати, нам так и не удалось найти след Оле Ансена. Парень исчез. Боюсь, что он перешел границу.

— Десница всевышнего настигнет грешника везде, — уверенно сказал пастор. — Мне от души жаль этого парня: он заблудился, как и многие другие, слабые волей. Нацисты слишком хорошо знали, в чьих рядах им следует искать союзников. Моральная неустойчивость, чрезмерная тяга

к суетным прелестям жизни... Мне жаль нашего Оле.

— Таких нужно не жалеть, а наказывать. Беспощадно наказывать! — сердито поправил его фогт.

— Позвольте мне с вами поговорить, — неожиданно сказал Кручинин. — Почему-то мне кажется, что таких, как Оле Ансен, наказывать совершенно не за что.

— Вы хотите сказать, что в преступлениях молодежи бываем виноваты и мы, пастыри, не сумевшие воспитать ее? — спросил пастор.

— Вас я тоже не хочу решительно ни в чем обвинять.

— Простите меня, но я совершенно не понимаю, о чем идет речь, — удивился фогт.

— Надеюсь, что очень недалеко минута, когда вы все поймете, — сказал Кручинин.

Он умолк, к чему-то прислушиваясь.

Все невольно замолчали и тоже напрягли слух. В наступившей тишине можно было слышать легкое гудение, потом легкий щелчок — и все смолкло. Кручинин рассмеялся.

— Я едва не забыл об этой игрушке, — сказал он и достал из-под дивана, на котором лежал кассир, ящик магнитофона.

Приезжие с удивлением смотрели на аппарат; с неменьшим изумлением глядел на него и пастор.

— Как он очутился здесь? — спросил он Кручинина.

— О, мы забыли предупредить вас, господин пастор, — виновато пролепетала хозяйка гостиницы. — Мы разрешили русскому гостю записать вашей машинкой несколько песен.

Пастор было сделал шаг к аппарату, но Кручинин преградил ему путь.

— Зачем вы его запустили сейчас? — тихо спросил пастор.

— По оплошности, — сказал Кручинин.

— Прошу вас... Дайте сюда аппарат! — В голосе пастора послышалась необычайная настойчивость.

— Позвольте мне сначала взять мои ленты.

— Нет, позвольте мне взять аппарат! — еще более настойчиво повторил пастор.

По лицу Кручинина Грачик понял, что пастору не удастся овладеть своим аппаратом.

Через две-три секунды после того, как пастор настойчиво высказал свое требование вернуть ему аппарат, он уже, как всегда, заразительно смеялся и, беззаботно махнув рукой, сказал:

— Делайте с этой штукой, что хотите. Я дарю ее вам на память о нашем знакомстве... и, если позволите, в залог дружбы... Вместе со всем, что там записано.

— Вы даже не представляете, какое удовольствие доставляете мне этим поистине королевским подарком! — воскликнул Кручинин.

Он хотел еще что-то сказать, но вместо этого поднял с пола аппарат и переключил с записи на воспроизведение звука. Ко всеобщему удивлению и, вероятно, конфузу Кручинина, аппарат издавал только монотонное шипение. Пастор принялся спокойно набивать трубку. И когда все были уже уверены, что ничего, кроме нелепого шипения, не услышат, совершенно отчетливо раздался два голоса: один принадлежал пастору, другой — кассиру. Между ними происходил диалог:

КАССИР. ...сохраните мне жизнь...

ПАСТОР. Вы были предупреждены: в случае неповиновения...

КАССИР. Клянусь вам...

ПАСТОР. А эти деньги?! Он знает все. Он сам сказал мне.

КАССИР. Я честно служил вам...

ПАСТОР. Пока вы служили, мы платили... а изменников у нас не щадят... Единственное о чем я сожалею: вас нельзя уже повесить на площади в назидание другим дуракам. Никто не будет знать, за что наказан ваш глупый брат и вы сами... Готовьтесь предстать перед всевышним... Во имя отца и сына...

Больше присутствующие ничего не услышали: два удара — по магнитофону и по лампе — слились в один. Прыжком звериной силы пастор достиг двери. Еще мгновение — и он очутился бы на улице. Но он не рассчитал. Кручинин оказался у двери раньше его. Грачик услышал злобное хрипение пастора. Через мгновение луч фонарика помог Грачику прийти на помощь другу. Им удалось скрутить пастору руки. Тот лежал на полу, придавленный коленом Кручинина.

Но преступник не смирился. Он пускал в ход ноги, зубы, голову, боролся, как зверь, не ждущий пощады. Успокоился он лишь тогда, когда ему связали и ноги.

Первое, что Грачик увидел в ярком свете электричества, было лицо кассира. Без кровинки, искаженное судорогой боли, оно было обращено к фогту. Слезы, обильные слезы текли из мутных глаз Хеккерта. Это было так неожиданно, что Грачик застыл от изумления.

— Подойдите ко мне, — обратился кассир к фогту, — я знаю, меня нужно арестовать. Я дол-

жен был раньше сказать вам, что он был оставлен тут гуннами, чтобы следить за нами, следить за мною, чтобы охранять ценности. Он должен был переправить их в Германию, когда гунны прикажут.

— Пастор?! — с удивлением воскликнул фогт.

— Он никогда не был пастором, он... он фашист.

— И вы знали это?

Кассир упал на подушку, не в силах больше вымолвить ни слова.

— Прежде всего, господин фогт, — сказал Кручинин, — вам следует послать своих людей в горы, чтобы они взяли спрятанные там ценности. Рагна Хеккер знает это место.

— Как, и вы?! — воскликнул фогт.

Девушка молча опустила голову.

— Рагна искупила свою вину, — вмешался Кручинин. — Она показала, где спрятаны ценности, награбленные нацистами.

— Она знала это и молчала?! — с упреком воскликнул фогт.

— Вы узнали все на несколько часов позже меня, — сказал Кручинин. — А скажи я вам все раньше, вы сочли бы меня сумасшедшим. Кто поверил бы, что шкипера убил пастор? Кто поверил бы, что в кассира стрелял пастор? Кто, наконец, поверил бы тому, что пастор спрятал ценности? Вот теперь, когда вы знаете, что этот человек никогда не был тем, за кого вы его принимали, я объясню вам, как все это случилось, и тогда вы поймете, почему я молчал.

— Но Оле, где же Оле и что с ним будет? — вырвалось у Рагны.

ОЧЕНЬ КОРОТКО О ТОМ, КАК ВСЕ СЛУЧИЛОСЬ

— С чего же начать? — сказал Кручинин, когда все уселись.

Кручинин поглядел на сидящего рядом с Грачиком связанного по рукам и ногам лжепастора.

— Если я в чем-нибудь ошибусь, можете меня поправить, — начал Кручинин. — Итак, первую, совершенно твердую уверенность в том, что так называемый пастор если и не является непосредственным участником убийства шкипера, то, во всяком случае, имеет основание скрывать истинного виновника, я получил после фразы, произнесенной им еще на борту «Анны» в роковое утро смерти Эдварда Хеккерта. Он сказал мне: «Мой взгляд нечаянно упал в иллюминатор, и я увидел Оле... Я успел только отчетливо увидеть его фигуру, когда он бежал вдоль пристани и скрылся за первыми домами». Преступник, однако, упустил тогда одно: ведь и я мог взглянуть в тот же самый иллюминатор! Это я должен был сделать чисто машинально, даже если бы безусловно доверял «пастору»... К стыду своему, должен признаться, что до того момента я ему верил. Но именно в ту минуту он и утратил мое доверие, и вот почему: иллюминатор, в который «пастор» якобы видел убегающего убийцу, выходил на бревенчатую стену пакгауза. Этот пакгауз загораживал пристань, и при всем желании в иллюминатор нельзя было увидеть того, что происходит на пристани. Кроме того, иллюминатор был еще задернут шторой. Вероятно, поэтому «пастор» и не знал, что именно можно в него увидеть! Я тогда спросил «пастора»: «Не трогали ли вы тело убитого?» И он ответил: «Нет!» А между тем штора была придавлена телом шкипера. Значит, она была за-

дернута до убийства, а не после него. Это было первым зерном сомнения в показаниях «пастора». После этого я вынужден был не доверять ему ни в чем. Именно так, господа, — я обязан был ему не доверять.

Не знаю, что толкнуло «пастора» затеять игру с отпечатками пальцев на хлебном мякише, — продолжал Кручинин. — Может быть, сначала он хотел только проверить, имеем ли мы — я и мой друг — представление о дактилоскопии. «Пастора» снедало сомнение: опознаю ли я его, если мне удастся получить его отпечатки и сличить их со следами на кастете и на клеенке, которую я, кстати говоря, взял при нем со стола в каюте? Увы, тогда я еще не знал точно, с кем имею дело! А на клеенке оставалась вся его левая пятерня, когда он оперся о стол, нанося удар несчастному шкиперу. Может быть, он этого и не заметил, но инстинкт опытного преступника, никогда не забывающего о возможности преследования, заставил его заметить следы. Именно ради этого он «склонился в молитве» и у меня на глазах хотел рукавом стереть свой след с клеенки. И он действительно несколько раз провел рукавом по клеенке, но все мимо следов. Вообще такие вещи редко удаются: уж раз след оставлен, так он оставлен. Поздно его уничтожить... А я еще не видел такого случая, чтобы хоть где-нибудь преступник не оставил следа. Ведь он не дух, а человек. Чтобы действовать среди вещей, он вынужден к ним прикасаться.

— Говорят, — заметил хозяин отеля, — преступники надевают перчатки.

— Да, некоторые думают этим спастись, но, во-первых, и перчатка часто оставляет след, достаточно характерный для опознания. А во-вто-

рых, невозможно в се делать в перчатках. Рано или поздно их сбрасывают, и тогда происходит нечто еще более гибельное для их обладателя. Привыкнув не бояться оставить след, он уже действует не так осторожно и непременно подарит нам целую коллекцию своих отпечатков. И вообще должен вам сказать, что если бы идущие на преступление знали то, что знаем мы, криминалисты, они редко решались бы на подобные поступки...

— А что вы знаете? — с нескрываемым любопытством перебил его фогт.

— Мы знаем, что как бы ни остерегался преступник, какие бы меры предосторожности ни принимал, сколько бы усилий ни потратил на то, чтобы предусмотреть заранее и уничтожить все возможные улики, это никогда не удастся ему.

— Никогда? — снова спросил фогт.

— Никогда, — твердо проговорил Кручинин. — Звериный, атавистический инстинкт толкает преступника на то, чтобы как можно тщательнее запутать свои следы. Обратите внимание: преступник старается запутать следы, замести их. Но в его сознании ни на минуту не исчезает этот термин «следы». Он непрерывно думает: «следы, следы»... И потом, когда уже все сделано, когда он пытается проанализировать случившееся, доминантой его размышлений над содеянным опять-таки является: «следы, следы». Его начинают мучить сомнения в правильности своих действий и, главным образом, в том, не оставил ли он неуничтоженных, незаметенных, недостаточно запутанных следов. И ни на миг в нем не появляется уверенности в том, что следов нет. Только очень неопытные или очень глупые преступники бывают спокойны за то, что они не оставили сле-

дов своего преступления. Поэтому мы нередко наблюдаем, как звериный инстинкт самосохранения, подчас помимо воли и логических рассуждений преступника, толкает его на место преступления. Единственная цель: проверить, хотя бы мысленно, не оставил ли он слишком ясных следов, а если оставил и если есть еще возможность их уничтожить, то постараться сделать это. К числу таких случаев относится и то, что мы видели здесь: пастор явился на «Анну», чтобы проверить, все ли чисто у него за кормой. А когда он увидел, что не все чисто, то и хотел поправить дело, да не успел — помешал наш приход.— Кручинин сделал небольшую паузу, чтобы закурить.

И тут послышался голос фашиста:

— Строите из себя всезнаек, выдаете себя за беспристрастных людей...

— Беспристрастных? — насмешливо спросил Кручинин. — Нет, мы всегда пристрастны: действуем с заранее обдуманым намерением отыскать непосредственного исполнителя преступления, а иногда еще за его спиной — врага-вдохновителя, то есть преступника в квадрате.

— То-то вы вместо поисков убийцы Оле Ансена занялись игрой в хлебные шарики. Вы же не могли не увидеть следов Ансена на кастете. Покажите мне кастет, и я докажу вам, что там следы его рук.

— Мы и сами это знаем.

— И знаете, что шкипер убит этим кастетом?

— Знаем.

— Так какого же черта?..

— Тише, тише! Зачем эти страсти. Они не к лицу такому опытному преступнику, как вы. Сейчас я объясню присутствующим все. Он, —

Кручинин кивком головы указал на лжепастора, — принимает нас за простаков, полагая, что ему удалось убедить нас, будто следы пальцев оставлены на кастете при совершении преступления. А в действительности они оставлены на нем до убийства.

Пленник расхохотался с нарочитой развязностью.

— И вы воображаете, что сумеете убедить какой-нибудь суд, хотя бы самый «пристрастный», будто кастет, побывав у меня или у другого воображаемого убийцы, не будет носить его следов, а сохранит следы Ансена?.. Вы заврались, Кручинин!

— Правда, здесь не суд, и мы могли бы не заниматься подобными разъяснениями, но, вероятно, мой друг Грачик не пожалеет пяти минут, чтобы рассказать присутствующим, как вы попытались убедить нас в том, что кастет носит следы Ансена, а не ваши.

— И на нем действительно были и сейчас имеются следы Оле Ансена, — сказал Грачик, — именно Оле, а не его, — и он обернулся к преступнику. — Ну и что? Ну и что, я вас спрашиваю? Поймал он нас на этом? Не поймал. Близко был к тому, чтобы обмануть, и все-таки не обманул. Хотите знать, как он поступил? Пожалуйста. Преступник покрыл всю поверхность кастета, а вместе с нею и имевшиеся на ней следы пальцев прежнего владельца, Ансена, тончайшим слоем лака. Лак предохранил их от стирания, а свой-то собственные поверх лака сумел хорошо смыть. Но он, так же как вначале и я, не учел одной пустяковой, казалось, детали, известной всякому криминалисту: стоит посыпать отпечаток пальца тонким порошком, хотя бы тальком, и

жир удержит тонкую тальковую пыль, а с остальной поверхности предмета порошок слетит.

— Элементарный разговор, — презрительно проворчал бывший пастор.

— Совершенно справедливо: элементарный, детский разговор. Но это я и говорю не для вас, — усмехнулся Грачик. — И тем удивительнее, что вы — такой опытный негодяй — этого не учли. Вы не подумали: когда я стану изучать отпечатки на поверхности полированного хрома, то тальк не удержится на линиях, покрытых лаком. Он и слетел. Сперва я не придавал этому значения. Вернее, не понял, в чем тут дело. Это была грубая ошибка. Совсем грубая. Я не скрываю. Но я не мог предположить такого хода с вашей стороны. А вот после того, что вы назвали игрой в хлебные шарики, когда вы сделали неудачную попытку внести путаницу в мою работу и подвести под ответ вместо себя еще и кассира, я вернулся к кастету. И скоро, скорее, чем я мог сам предполагать, мне стало ясно все: я понял и происхождение звука, привлечшего мое внимание при входе на «Анну», — вы поспежно отбросили к переборке кастет; и запах ацетона — растворителя нитролака, которым вы делали этот лак настолько жидким, чтобы слой его стал совсем тонким, незаметным для глаза. Таким образом, как видят присутствующие, случившееся с этим преступником только подтверждает сказанное моим другом Кручининым обо всех преступниках: не бывает случая, чтобы они, уничтожая одни свои следы, не оставили других, еще более убедительных. Эти-то следы и приводят их на виселицу. На виселицу, пожалуйста!

— Отлично, отлично, Сурен! — с удовлетворением сказал Кручинин. — Всем ясно теперь, в чем

дело... Итак, о преступниках. Я думаю, что тут стоит еще сказать, что есть, конечно, и другой тип преступников, другая категория преступлений, когда, совершив свое черное дело, человек думает только о том, чтобы как можно скорее и как можно дальше уйти. Вероятно, и наш «пастор» поспешил бы дать тягу, если бы мог. Но куда ему было бежать? В нацистскую Германию? Ее больше нет. Туда, где существует нацистское подполье? В любую другую страну, в другую среду? Но ведь среди честных людей он был бы как пробка на воде: сколько бы усилий он ни прилагал, чтобы скрыться, смешаться с окружающей средой, — она выталкивала бы его на поверхность, как инородное тело. Он боялся бежать. Это не частый, но вполне реальный вариант в преступлениях.

Вернемся, однако, к данному случаю. Я остановился на том, что «пастор», по его собственному выражению, занялся игрой в хлебные шарики и очень ловко сумел подсунуть моему другу (так, что тот ничего не заметил) отпечатки кассира вместо своих и потом, во втором туре игры, — свои вместо отпечатков кассира. «Пастор» немедленно убедился в успехе этого хода: я поделился с ним тем, что узнал убийцу — кассира. «Пастор» почувствовал себя в безопасности и решил, что для успеха порученного ему дела — сохранение ценностей подпольного фашистского фонда — нужно только отделаться от моего досадного присутствия. Но для этого он оказался слишком плохим стрелком в темноте.

При этих словах все присутствующие удивленно переглянулись.

— Должен вам сказать, — продолжал Кручинин, — что, отправляясь на охоту за мной, «па-

стор» совершил третью по счету ошибку, хотя и не очень грубую. Он приходил к кассиру за его ботинками. И в садике кассира на мокром гравии совершенно отчетливо отпечатались характерные следы туристских ботинок «пастора». Таких ботинок нет ни у кассира, ни у кого из нас. Взгляните на его подошву, и вы поймете, что, однажды мельком увидев ее, я уже не мог ни забыть, ни спутать ее след с каким бы то ни было другим. Если бы за своими ботинками приходил сам кассир, он неизбежно наследил бы вот этими морскими сапогами. К тому же ему не нужно было ни топтаться у калитки, ни ходить вокруг дома, чтобы убедиться, что его дочери нет дома: он ее не боялся бы. За ботинками кассира прийти стоило. Этим «пастор» еще крепче смыкал вокруг кассира кольцо улик: следы на клеенке плюс охота на меня. Уже два звена. Но вот следующая оплошность «пастора»: узнав, что кассир получил от меня деньги в благодарность за то, что он якобы сообщил место сокрытия ценностей, «пастор» не внял его уверениям, будто кассир мне ничего не говорил. «Пастор» имел к тому все основания: кассир, обманувший своих соотечественников, с легким сердцем мог обмануть и его. Поэтому «пастор» хотел с ним разделаться. Для этого, конечно, можно было найти иной способ, а не стрелять в него сквозь свою собственную куртку, как это сделали вы, — последние слова Кручинин обратил исключительно к «пастору».

— Я не стрелял в него, — пробормотал фашист.

— Неправда! — резко сказал Кручинин. — Сейчас я точно объясню, как вы стреляли. Кассир взял вас под левый локоть. Правой рукой вы вынули пистолет и, рискуя ранить самого себя,

в двух сантиметрах от собственного сердца произвели выстрел. Пистолет вы держали слишком близко, поэтому ткань вашей куртки опалена, желтые волоски верблюжьей шерсти вместе с пулей вошли в ткань черного пальто кассира. Если вы вооружитесь лупой, то сможете убедиться в этом. Если же вы ко всему этому попытаетесь набросать схему расположения двух входных и одного выходного отверстия, проделанных вашей пулей, то поймете, что...

— На кой черт вы все это рассказываете? — перебил Кручинина лжепастор.

— Неужели вы думаете, что я дал бы себе труд пояснять все это в а м! Я говорю для окружающих, — спокойно возразил Кручинин, — им это интересно, а вы... вы только объект для моих объяснений. Припомните, как в школе разведки вам давали наставления, куда стрелять, куда бить, как скручивать руки, как в «походе» без надлежащего оборудования пытаться людей. Не так ли, Хельмут Эрлих?..

При этом имени немец сделал попытку вскочить. Жилы на его шее налились, глаза вылезли из орбит, но, связанный, он тут же рухнул обратно в кресло. Рухнул и затих.

— Вы забыли, Эрлих, что и у моей страны есть счеты с вами. Вы забыли, как однажды ездили отсюда в «командировку» на фронт; вы забыли, что там делали... Оттуда я и проследил вас. Это было не так-то легко. Добравшись до островов и потеряв там ваш след, я уже решил было, что вам удалось удрать.

Дверь порывисто отворилась, и в комнату вбежала Рагна. Она была так взволнована, что не сразу удалось уловить смысл ее сообщения. Оказалось, что когда она привела к гроту в горах

отряд горожан и они вскрыли ящики, то нашли в них только... камни.

— Ага! — со злорадством воскликнул Эрлих.

— Вы напрасно делаете вид, будто радуетесь, Эрлих, — сказал Кручинин. — Вы никого не обманете. Вы же отлично знаете, за что убили старого шкипера.

— Я всегда знаю, зачем делаю то или другое, — нагло усмехнулся нацист.

— Вот-вот. Вы узнали, что Эдвард проник в вашу тайну, вернее — пока только в тайну вашего клада. Вы испугались того, что он может поделиться ею еще с кем-нибудь, а там за кладом доберутся и до вас. Так?

Пленник пожал плечами.

— Мне остается выяснить только, — заканчивая, сказал Кручинин, — как вы узнали, что он раскрыл тайну клада...

Но фашист перебил его:

— Тут-то уж вы ни при чем: я просто подслушал его разговор с Оле на «Анне».

Старый фогт поднялся со своего места и гневно сказал, обращаясь к немцу:

— Вы дерзкий негодяй, Эрлих! По вине предателя Квислинга наш народ достаточно хорошо узнал, чего стоит фашизм, и никогда не попадет в его сети.

— Не будьте так самонадеянны, фогт, — со смехом ответил немец. — Там, где был один Квислинг, их может найтись еще десять.

Фогт в негодовании потряс кулаком:

— Никогда! Слышите вы, никогда! Мы обнажаем головы перед могилами советских солдат, проливших кровь за избавление нашей страны от

таких, как вы. И если когда-нибудь в этой стране наступит порядок, при котором будет дозволено осквернить прах освободителей, то, поверьте мне, найдутся люди, которые вопреки государственному порядку принесут к этим могилам цветы. Народ, наш простой и мудрый народ, всегда был честен и будет честен. Он всегда был храбр и будет храбр. Он всегда любил свободу и свою отчизну и всегда будет любить. Если ему помешали отстоять свою свободу в черные годы фашизма, из этого не следует, что следующий раз мы не сумеем отстоять ее. Таким, как вы, — конец. Навсегда! Навсегда, говорю вам! — И фогт топнул ногой.

А немец еще раз ответил ему смехом.

— Как жаль, что я не облечен властью тут же вешать таких! — задыхаясь, проговорил фогт.

— Хорошо, что у вас нет такой власти. А то бы вы сгоряча могли совершить этот справедливый, но несвоевременный шаг, — с улыбкой проговорил Кручинин.

— Вы считаете неосмотрительным наказание преступника? — удивился старик.

— Прежде чем мы узнали всех, кто стоит за ним? Разумеется. Ведь он не один. У его хозяев — власть и деньги. Наш и ваш народы, мы все хотим знать их имена, хотим знать их планы, хотим...

Но старик в нетерпении перебил:

— Война окончена. Победа за нами. Его хозяева больше не страшны. Это призраки. У них нет ни власти приказывать, ни средств осуществлять свои планы. С ними покончено. Покончено вашими же руками.

— Я знаю силу наших рук, господин фогт, — спокойно ответил Кручинин. — Знаю силу своего советского народа, знаю силу народов, которые

плечо к плечу с ним шли к победе. Но не закрывайте глаза на опасность появления врагов везде и всюду. Будьте бдительны, фогт, если хотите, чтобы ваш народ сохранил свободу и жизнь. Вот и все, что я хотел сказать.

Фогт подошел к Кручинину с торжественно поднятой рукой.

— Мы ничего не боимся, господа! — При этих словах он протянул вторую руку Грачику. — Наш народ никогда не согласится продать свою свободу ни дешево, ни за все блага мира. Он любит свою свободу, свою страну, свою историю. Прекрасную страну и ее прекрасную седую историю. И позвольте мне сказать так: с тех пор, как мы знаем, а мы это хорошо узнали, что рядом с нами по северной границе живут такие друзья, как вы, — мы ничего не боимся, право ничего!

— Хочется верить. Очень хочется верить тому, что это так, — серьезно проговорил Кручинин. — Смотрите, той рукой вы, сын самой северной страны Европы, держите руку армянина — представителя нации, живущей у самой южной оконечности нашего материка. Но вы же не можете не чувствовать, как горячо пожатие этой руки. Вы не можете не верить, что это рука друга! Дружба с нашей страной обеспечивает вам дружбу трети человечества, господин фогт.

Старый фогт мечтательно зажмурился.

— Знаете, — сказал он с улыбкой, покачав головой, — это так прекрасно, что даже трудно себе представить... Подумать только, что и наш маленький народ может быть таким сильным, если будет крепко держать эти руки... самым сильным в мире...

И фогт снова покачал головой.

ПЛУТ ОЛЕ

Остаток последнего дня в этом маленьком городке друзья провели с тяжелым чувством. Они собирались в обратный путь. Им уже не было надобности совершать его пешком, хотя Грачик с большим удовольствием закинул бы за спину мешок и с палкой в руках снова промерял бы своими шагами склоны гор. Это было бы куда приятнее, нежели ехать в автомобиле, имея между собой и Кручининым закованного в наручники Эрлиха.

Грачик поспешно шел по дороге, чтобы в последний раз перед отъездом взглянуть на город.

Было уже почти совсем темно, и тишина стекала с гор. Она ползла на запад, к едва слышному отсюда шороху моря. Грачик сел на камень и задумался. Ему показалось, что со стороны гор, оттуда, куда убегает светлая полоса шоссе, доносится какой-то странный напев. Он прислушался. Да, это было пение. Сначала один голос, потом целый хор. Когда невидимое шествие приблизилось, Грачик стал различать среди голосов поющих звонкий молодой баритон. Он задорно и мужественно пел о горах, о море, о чудесных девушках с толстыми золотыми косами, живущих в горах, на берегу моря. Песня показалась Грачику знакомой. Он старался вспомнить, где ее слышал. А, вот что! Это же та самая песня, которую певали рыбаки на самом-самом севере этой страны, когда советские солдаты принесли им освобождение от гитлеровской оккупации... Знакомая песня... Чудесная песня чудесных людей. Ее же пел и Оле...

Но вот Грачик увидел и темные силуэты людей на дороге. До них оставалось не больше сотни

шагов, когда Грачик бросился им навстречу: впереди группы шел Оле. Его молодой баритон звучал громче всех голосов.

Грачик никогда не забудет того, что узнал тут от Оле.

В ночь перед убийством шкипера старый Эдвард позвал его и сказал:

— Слушай, мальчик, потерпи еще немного. О тебе многие думают плохо.

— Я это знаю, дядя Эдвард, — спокойно ответил Оле.

— Ну, и я тоже знаю, откуда они идут, эти слухи, и чего они стоят, я тоже знаю. — Лукаво прищурившись, он погрозил пальцем: — Мне все известно, плут ты этакий. И я тебе скажу, мальчик: не прогони советские люди гуннов из нашей страны, — быть бы тебе за колючей проволокой.

Оле беспечно махнул рукой и рассмеялся:

— Нет, дядя Эдвард. Таких, как я, гунны не держали в лагерях.

— Ну да, ты хочешь сказать, что таких гунны отводили в горы и стреляли им в затылок?

— Верно.

— Ну, так я и говорю: я-то знаю тебя, Оле. Слушай внимательно: я знаю, где гунны спрятали ценности наших людей. Те самые, что были в ломбарде. Ты пойдешь в горы, найдешь ценности и перенесешь их в городской банк.

— Откуда вы знаете? — спросил Оле.

— Пока я тебе ничего не скажу. Вернешься — узнаешь. Как только мы спасем ценности, мы сможем взять и последнего из гуннов, который еще топчет нашу землю.

— Вы знаете такого?

— Он от нас не уйдет.

Оле не нужно было дважды повторять предложение. Он созвал людей, с которыми творил уже немало смелых дел, пока здесь были немцы. Тех самых людей, предводительствуя которыми он взрывал мосты и водокачки, топил фашистские суда, выкрадывал у гитлеровцев тол, убивал в горах вражеских офицеров и гестаповцев. Шкипер дал ему точные указания, где найти клад, как обезопасить мину и как предотвратить преждевременную тревогу, заполнив ящики камнями. Оле отправился в путь. Он должен был уйти незаметно. Это ему почти удалось. Единственным человеком, видевшим, как он уходил, была женщина, встретившая его на повороте, у могилы старого Ульсона.

Но вот что самое занятное во всем этом деле: ведь вовсе не все ящики оказались наполненными ценностями. Один из них, самый крепкий, железный, который с трудом удалось вскрыть, содержал не золото и не деньги. Он был набит...

— Ну, как вы думаете, чем? — лукаво спросил Оле у Грачика.

— Откуда мне знать?

— Бумагой! — многозначительно воскликнул Оле. — На что нам бумага? — сказали мне наши люди. — Давай сожжем эту фашистскую грязь. Наверно, тут доносы. В них написана всякая мерзость про наших людей, за которыми следило гестапо». Но я им сказал: «Нет, ребята. Бывает бумага, которая дороже золота и камней. Мы возьмем ее с собой. Я знаю хороших людей, которые нам скажут спасибо за такую находку».

При этих словах Оле хитро подмигнул Грачику:

— Ну что? Разве я ошибся?

Грачик молча положил ему руку на плечо,

а другой рукой крепко сжал широкую ладонь проводника.

— Вот и все... Теперь Оле станет шкипером «Анны» и заменит старого Эдварда, завещавшего шхуну племяннице Рагне.

Оле запел о том, какую будет жизнь рыбака, если ему удастся поговорить с одной смелой голубоглазой девушкой, у которой такие толстые золотые косы.

Песня затихала вдали. Впереди своей рабочей команды широко шагал к городу Оле Ансен. Первым домиком, который он должен был встретить на своем пути, был домик Рагны Хеккерт. В его окошке Грачик увидел уютно светящийся огонек.

ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ НИЛА КРУЧИНИНА

ГДЕ ОН БЫЛ НОЧЬЮ?

Лето выдалось неуютное. Пребывание в городе могло вогнать в полное уныние. Неделя непрерывных дождей сменялась двух- и трехдневными знойными ветрами, подобно самумам, несущим над городом желтые тучи песка, вороха листьев, сбитых с деревьев хлещущими порывами. То зной, как в Африке, то такой холод, что в середине июля нельзя было показаться на улице без пальто.

Трудно сказать, кто был прав: Кручинин, упрямо мерзший на даче, или Грачик, столь же упрямо глотавший городскую пыль. У каждого из них были кое-какие преимущества, но оба испытывали и все недочеты избранной участи. Впрочем, самым ощутительным для них недостатком такого положения было то, что они виделись не каждый день.

В результате долгой совместной работы Грачик настолько уверовал в силу своего собственного анализа, отточенного Кручининым, что в тех редких случаях, когда попавшее к ним в руки дело решалось не так, как они предполагали, Грачик в своем дневнике оставлял его незаконченным. Им всегда владела уверенность, что рано или поздно такое дело будет доведено до конца, что

оно обязательно решится так; как они предсказывали.

Именно над таким случаем он и сидел в одно июльское утро. Он старался решить вопрос: следует ли занести это дело в их летопись как нерешенное или стоит остаться верным себе и отложить его в уверенности, что рано или поздно оно снова всплывет и будет доведено до конца? В решении отложить описание этого случая сыграла некоторую роль погода. Это был первый за две недели настоящий июльский день. Грачик с завистью думал о том, что в это время Кручинин, вероятно, лежит с книгой на берегу реки, выкинув из головы все относящееся к обычной его деятельности.

Грачик захлопнул тетрадь и с особенным удовольствием отметил щелчок замка в футляре пишущей машинки. Решено: он едет на дачу!

Через десять минут он был побрит, через пятнадцать одет и через двадцать поворачивал ручку двери, намереваясь на двадцать первой минуте забыть обо всем, что оставалось у него за спиной. Но именно тут-то над его головой и задрезжал звонок. Он отворил дверь, полагая, что это не кто иной, как запоздавший, по обыкновению, почтальон, но вместо розовощекой девицы в куртке с синими кантами увидел перед собой Анну Саввишну Гордееву — мать одного из лучших друзей Кручинина, инженера Вадима Ивановича Гордеева, и Нину, его невесту. Грачик и прежде видел ее мельком. Но только тут он рассмотрел ее хорошенько. Ее красота показалась ему какой-то особенно спокойной: спокойны были тонкие черты лица, спокоен взгляд больших сероголубых глаз и только тонкие черные брови над ними были как-то особенно удивленно припод-

няты, словно Нина ждала ответа на только что заданный трудный вопрос.

Грачик знал, что был уже назначен день свадьбы Гордеева с Ниной, но почему-то она не состоялась. О том, что расстроило свадьбу, Грачик не имел представления, зная только, что это послужило причиной ссоры Нила с Вадимом.

Посещение женщин удивило Грачика. Сам он очень редко бывал у Гордеевых. Вадим был у него раза два-три и то, кажется, только вместе с Кручининим.

Анна Саввишна была маленькой живой старушкой, чистенькой, седенькой, ласковой, хлопотливой. Увидев Грачика, она поджала губы, стараясь сдержать слезы. Нина ласково взяла ее под руку и поспешно ввела в квартиру. Едва переступив порог передней, Анна Саввишна опустилась на стул и дала волю слезам.

Девушка стояла возле нее молча, положив ей на плечо руку. Повидимому, растерянный вид Грачика заставил Нину, не ожидая, когда успокоится старушка, объяснить причину их появления:

— Мы были у Нила Платоновича. Его нет. Нам сказали, будто вы знаете, где его найти.

— Но что же случилось?

Утерев слезы концом старинной кружевной кофты, старушка прошептала:

— Вадя... арестован.

Жизнь приучила Грачика ничему не удивляться, но тут и он не мог удержаться от возгласа изумления. Он знал Гордеева как очень скромного, трудолюбивого инженера, с головой погруженного в работу в своем научно-исследовательском учреждении. Он всегда производил на Грачика впечатление человека немного сухова-

того, осторожного в суждениях, решениях и поступках. Эта сдержанность и самая его скромность казались несколько рассудочными, строго продуманными. Грачик даже как-то высказал Кручинину мнение о том, что считает эту скромность Гордеева показной и что инженер представляется ему сухим карьеристом, таящим в глубине души большие планы на будущее.

— Побольше бы таких «карьеристов», — ответил тогда Кручинин.

Он любил Гордеева и до самой своей ссоры с ним относился к молодому инженеру как старший заботливый брат.

Известие Анны Саввишны потому так и поразило Грачика, что он никак не мог себе представить, чтобы такой человек, как Гордеев, дал повод для ареста. Но раз таковой произошел, то, значит, причина была и, конечно, достаточно серьезная. Однако ежели арест этот произведен не по делу бытового характера (а трудно себе представить этого человека замешанным в грязное бытовое преступление), то едва ли есть смысл беспокоить Кручинина. Грачик знал принципиальность своего друга в этом вопросе: Кручинин ни за что не нарушит своего правила — ни малейшим намеком не влиять на ход дела. Разве только со стороны, в той мере, в какой это не нарушит никаких процессуальных тонкостей и не может оказать ни малейшего давления на его коллег, ведущих дело, Кручинин станет наблюдать за ним, чтобы иметь возможность для самого себя оценить ход расследования.

Поэтому Грачик, не боясь показаться нескромным, попросил Анну Саввишну рассказать все, что она знает о деле. Увы, она не знала ничего. Именно это и приводило ее в смущение. Не веря

тому, что ее Вадим мог совершить какой бы то ни было проступок, караемый советским законом, она была убеждена в ошибочности ареста.

Успокоив, как мог, старушку, Грачик попытался получить дополнительные сведения у ее молодой спутницы. Но и Нина, по ее словам, решительно ничего не могла добавить.

— И вообще я так мало знала о жизни Вадима последнее время... с тех пор, как мы расстались...

Грачика, естественно, заинтересовало: почему же Нина, несмотря на разрыв с женихом, оказалась теперь здесь? Хотя он пытался задать интересующий его вопрос, как ему казалось, обиняком, Нина сразу поняла, к чему он клонит. Нисколько не смущаясь, она объяснила, что чувства ее к Вадиму остались прежними или почти прежними. Она, конечно, очень обижена и даже подавлена его переменой к ней, но ее не покидает вера в то, что он к ней вернется. Тут Грачик впервые узнал и истинную причину их разрыва: увлечение Гордеева особой по имени Фаня Львовна Ландрес. Нина попросту называла ее Фаншеттой — не то уменьшительным именем, не то просто кличкой, под которой эта особа была известна в своем кругу. Нина не могла уверенно сказать, каково социальное положение Фаншетты. Она знала только, что эта женщина — соломенная вдова, живет одна, довольно широко. Она и увлекла Гордеева настолько, что в последнее время он стал совершенно другим человеком.

Грачик уговорил женщин ехать домой и обещал сегодня же передать все Кручинину. Не приходилось сомневаться в том, что Кручинин не замедлит навестить Анну Саввишну.

После этого Грачик поспешил в прокуратуру,

чтобы навести справки, без которых Кручинин не смог бы решить основной вопрос: вникать ли в суть дела?

То, что Грачик узнал, ошеломило его: на Гордеева падало основное подозрение в покушении на ограбление того института, где он работал. Следователю на первый взгляд дело показалось было совершенно ясным. Но чем дальше он в него вникал, тем больше противоречий вставало перед ним. Одна версия отпадала за другой. По последней из них дело представлялось в следующем виде.

Грабителями был вскрыт один из сейфов. Они не нашли в нем ничего заслуживающего похищения. Здесь не было денег, а чертежи грабителей, видимо, не интересовали. Документы, как и прежде, лежали на месте. Вскрытие стальной двери сейфа было произведено с профессиональной точки зрения очень искусно, по способу, требующему затраты минимума времени и физических усилий, хорошо известному в уголовном розыске, но давно уже не применяемому.

Все говорило о том, что ночные гастролеры были здесь людьми чужими. Они орудовали вскрытием с мастерством опытных грабителей, но, видимо, плохо ориентировались в стенах института: вместо денежного шкафа был вскрыт сейф с чертежами.

У громилы была своя манера работать — «свой почерк». На это указывал не только вырезанный определенным образом замок сейфа, но и некоторые другие, второстепенные признаки — хотя бы то, что он светил себе не ярким электрическим фонарем, а обыкновенной стеариновой свечкой. Свеча — излюбленное средство некоторых старых и опытных «медвежатников». Они избегали поль-

зоваться карманным фонарем, могущим отказать и в самый критический момент оставить грабителя без света.

Итак, ночной гость, посетивший институт, пользовался свечой. На это указывали капли стеарина на полу возле шкафа и на самой дверце. В одном месте капли падали так густо и столько времени, что образовали толстую кляксу. Из-за этого-то стеарина ход мысли следователя неожиданно и повернулся в совершенно новом направлении: у налетчика был сообщник в стенах института, а может быть, даже сам налетчик был только техническим исполнителем плана, начертанного этим сообщником-вдохновителем.

Приходилось пока оставить в стороне явное расхождение между таким допущением и тем обстоятельством, что был вскрыт не тот сейф. Оставалось предположить, что наводчик из числа сотрудников института плохо знал содержимое сейфов. Но и такая мысль тут же была оставлена, как несостоятельная.

Дело в том, что, когда следователь поручил криминалистической лаборатории произвести дактилоскопирование сотрудников института, он был поражен неожиданным открытием: совершенно ясные отпечатки пальцев преступника, оставшиеся на стеариновых пятнах, в точности соответствовали оттискам инженера Гордеева. Это было так неожиданно и так несуразно, что следователь сейчас же заподозрил, что Гордеев дотрагивался до стеариновых пятен, придя на работу, когда вместе с другими сотрудниками осматривал место преступления. Но Гордеев категорически отрицал это: по его словам, он не подходил к шкафу ближе других и, уж безусловно, к нему не прикасался.

Не настаивай на этом Гордеев так упорно, у следователя, конечно, и не возникла бы мысль о его причастности к ночному покушению и он не решился бы арестовать всеми уважаемого инженера. Но это категорическое отрицание в сопоставлении с тем, что Гордеев не хотел объяснить, где провел ночь, в которую было совершено преступление, и, наконец, его следы, обнаруженные на подоконнике окна, через которое бежал преступник, — все это привело следователя к уверенности, что Гордеев причастен к преступлению.

Но если допустить соучастие Гордеева в покушении на ограбление института, то становилось уже совершенно загадочным то обстоятельство, что именно он, Гордеев, давно работающий в институте и хорошо знающий его порядки, мог так жестоко ошибиться шкафом и указать «медвежатнику» не тот, в котором хранились деньги. А к предположению, что Гордеев мог охотиться именно за деньгами, следователя привели дополнительные сведения, добытые о жизни Гордеева. За последний месяц образ жизни инженера резко изменился, и он редко бывал дома. Он почти не давал матери денег на хозяйство, ссылаясь на денежные затруднения, и постоянно нуждался в деньгах.

Следователь не видел ничего удивительного в том, что круг замкнулся именно так. Такого рода натуры, как Гордеев, насильственно сдерживающие свой темперамент потому, что разум полностью владеет их поступками, однажды, когда рассудок им изменяет под давлением каких-либо внешних импульсов, вроде неожиданной страсти, вина и т. п., отпускают вожжи и уже не в состоянии бывают собрать их.

В общем, мнение следователя, по первым шагам, сводилось к тому, что — как это ни прискорбно — в виновности Гордеева сомнений не было. Оставалось узнать его сообщников.

Это происшествие в институте, естественно, заинтересовало не только прокурорский надзор. Органы безопасности не могли пройти мимо того, что в сейф, где хранились секретные документы, заглядывал неизвестный. И хотя все говорило о том, что ночного посетителя интересовали только деньги, — следствие пошло двумя путями.

С добытыми сведениями, с версией следователя и с его согласием на участие в деле Кручинина Грачик поехал на дачу.

Он застал своего друга в ворчливом настроении. Кручинин сетовал на то, что Мякинино — тем и милое еще год назад, что оно не было засижено дачниками, — не по дням, а по часам теряет прелесть уединенности.

— Придется покончить с пригородными дачами, — сказал Кручинин, увидев своего молодого друга. — Завтра же складываю чемоданы и еду, куда глаза глядят. Ты со мною?

Хотя Грачик и старался показать, будто ничего, кроме мелких городских новишечек, он не привез, Кручинин сразу понял, что это не так. Он уселся на пенек и принялся мять папиросу. По всей его повадке Грачик уже знал: он ждет подробного рассказа. Грачику ничего не оставалось, как рассказать все, что он знал о поразившем его деле Гордеева.

Когда он окончил рассказ, Кручинин казался таким же спокойным, как всегда. Папироса долгевала в его пальцах тоненькой струйкой синего

дыма. Можно было подумать, что его больше интересуют прихотливые извивы этой струйки дыма, колеблемого едва уловимым ветерком, нежели рассказ!

— И что же ты обо всем этом думаешь? — спросил он наконец.

Грачик мог только недоуменно пожать плечами.

— Дружба Вадима была мне очень дорога, — сказал Кручинин, — но значит ли это, что я должен вмешиваться? Может быть, именно поэтому мне и следует отойти. Могу ли я с полной уверенностью сказать, что личные мотивы не сыграют никакой роли в моих выводах?

— Друг мой, Нил Платонович, проговорил Грачик, — ни минуты не сомневаюсь: если вы придете к выводу, что он виновен, никакие соображения дружбы, любви и чего угодно еще не смогут повлиять на ваше решение. Не такой вы человек, джан!

— Что же отсюда следует?

— Одно: вы должны принять участие в этом деле. Кто сделает больше вас для выяснения истины?

— Ради возврата дружбы?

— Нет, ради самой истины.

— Благодарю, но... не переоцениваешь ли ты мои силы?.. Знаешь что?..

Грачик ждал, что будет сказано, но так и не дождался. Кручинин решительно зашагал к даче.

Вопросы были излишни. Грачик уже понял: они тотчас отправляются в город. И действительно, через несколько минут маленький автомобиль Грачика мчался по шоссе.

Они уже подъезжали к цели, когда Кручинин спросил:

— Следователь говорит, что Вадим отказывается объяснить, где провел ту ночь?

— Отказывается, совершенно отказывается!

— Ну, я заставлю его говорить! — энергично воскликнул Кручинин.

— И думаете, все разъяснится? — При этих словах Грачик в сомнении покачал головой.

— Думать я буду после того, как что-нибудь узнаю.

В том, чтобы узнать, где был той ночью Гордеев, и получить доказательства его алиби, был существенный шанс для опровержения доводов дактилоскопии. Хотя тут и следует заметить, что наличие следов Гордеева на месте преступления свидетельствовало против него сильнее самых авторитетных свидетелей. Нужны были очень веские, абсолютно неопровержимые доказательства для того, чтобы спорить с дактилоскопией. Впрочем, Грачик понял, что если Кручинину удастся выжать из Гордеева выгодное для него признание о том, где он был ночью, то, вероятно, Нил надеется доказать, что отпечатки на стеарине образовались после совершения преступления. Хотя Грачик не представлял себе, каким путем можно это сделать, коль скоро сам Гордеев это так решительно отрицал. А ведь инженер не мог не понимать, как вредит такое отрицание доказательству его алиби.

Кручинин сошел у прокуратуры, а Грачик поехал к нему домой, где и провел почти три часа в состоянии нетерпения, подогреваемого раздающимися каждый час телефонными звонками Анны Савишны.

Едва Кручинин отворил дверь, Грачик не мог удержать сам собой сорвавшийся вопрос:

— Что сказал Гордеев?

Кручинин мгновение смотрел на него с недоумением, словно он и без того должен был знать все.

— Он сказал, что не виновен, но о том, где пропал той ночью, — ни слова... Он воображает, будто я не узнаю это и без него. Одевайся.

— Послушайте, я голоден. Прошу, пожалуйста, дорогой: давайте пообедаем.

— Обедай. Я поеду один.

Грачик нехотя взял шляпу, и они спустились к автомобилю.

— Куда же ехать? — спросил Грачик, садясь за руль.

— Пока прямо, — рассеянно ответил Кручинин.

ПЕРЧАТКИ НА РОЯЛЕ

Грачик с трудом сдерживал раздражение, повинуюсь лаконическим указаниям Кручинина: «налево», «направо», «прямо». Точно он боялся сказать адрес.

В конце концов они остановились у большого нового дома, в одном из переулков, неподалеку от Бородинского моста. Также в молчании, минуя лифт, поднялись на несколько этажей и позволили.

Им отворила женщина лет тридцати. Первое, а может быть и единственное, что поражало в ней, — невыносимая яркость окрашенных перекисью водорода волос. Гладко прибранные на прямой пробор, они так блестели, что казались какой-то безжизненной лаковой коркой. Резко бросалось в глаза несоответствие этой химической поправки, введенной к краскам, отпущенным даме матерью-природой. Быть может, смуглый цвет ее кожи был бы даже приятен, несмотря на обез-

ображивавшие лицо рябины, если бы его окружала естественная рамка черных волос. А в том, что именно черные волосы и были отпущены ей природой, можно было судить и по цвету ее темно-карих глаз, и по пушке над верхней губой, и по всему ее южному облику. Эти несносные кудри цвета выгоревшей соломы во весь голос химии противоречили здравому смыслу и требованиям элементарного вкуса. Грачик даже подумал: «Неужели Вадим Гордеев, с его хорошим вкусом и здоровым восприятием жизни, мог увлечься подобным очевидным нарушением естественности, являющейся непременным условием красоты?» В фигуре этой женщины бросалась в глаза какая-то особенная угловатость ширококостого скелета, сообщавшая всему ее облику тяжеловесность и даже грубость.

В те короткие мгновения, что Грачик стоял на площадке лестницы, пока Кручинин представлялся химической блондинке, он успел с полной неопровержимостью установить, что никакие положительные качества, какие в будущем могут обнаружиться в этой особе, не сделают их друзьями. Как объект симпатии она была для него потеряна раз и навсегда.

Узнав, кто перед нею, Фаня Львовна — это была она — сначала немного смутилась, потом неподдельно обрадовалась. Оказалось, что она слышала от Вадима о его прежней дружбе с Кручининим и не раз горевала о ее утрате. После ареста Вадима она не решилась обратиться к Кручинину с просьбой о помощи, не будучи с ним знакома и понимая двусмысленность своего положения.

— Но можете ли вы себе представить что-нибудь более двусмысленное, я бы даже ска-

зал — бессмысленное, чем нынешнее положение Вадима? — возразил Кручинин.

Грачик не мог не заметить усилия, сделанного Фаншеттой, чтобы удержать наворачившуюся в уголке глаза слезу.

— Вы правы... — сказала она дрогнувшим голосом. Повидимому, она колебалась, не решаясь задать какой-то вопрос, вертевшийся на языке. Она отвернулась. Потом решительно и глядя прямо в глаза Кручинину спросила: — Что может спасти Вадима?

— Доказательство того, что в ту ночь он не мог быть в институте.

— Только это?

— Да.

Она снова отвернулась, и по ее движению, как ни старалась Фаншетта его скрыть, Грачик понял, что она прижала к губам платок. Когда она опять повернулась к гостям, ее губы слегка вздрагивали.

— Могу ли я быть с вами совершенно откровенна? — негромко спросила она.

— Должны... — сказал Кручинин с той подкупающей мягкостью, которой умел развязывать языки самых неподатливых людей. — Только при этом условии нам и стоит говорить.

— Я не знаю, что делать. Вадим мне очень дорог... да, очень дорог. Сначала это было простое увлечение. Я думала, что это... так, роман. Но теперь я, кажется, должна для самой себя решить вопрос: то или другое?.. Ведь я замужем.

— Да, такие вопросы нужно решать, как подсказывает сердце.

— Если бы я была уверена в том, что тут нет... чего-то нечестного: уйти от мужа...

— Мне кажется, что Вадим попал в это положение... немножко и по вашей вине.

— Да, я сама не закрываю на это глаза.

Ее слова, произнесенные глубоким грудным голосом мягкого, задушевного тембра, произвели даже на Грачика, заранее вооружившегося против нее чувством антипатии, впечатление.

— Если я до сих пор еще колебалась, то теперь готова... да, я скажу мужу все... И как только Вадим будет на свободе...

Кручинин прервал ее:

— Чтобы он был на свободе, повидимому, вам достаточно сказать, что в ночь ограбления института Вадим был здесь, у вас.

Она удивленно вскинула на него взгляд:

— Что вы сказали?

— Это будет алиби, которое поможет бороться с неопровержимостью следов у шкафа, — сказал Кручинин.

— Повидимому, я вас не так поняла, — с оттенком обиды проговорила Фаншетта. — Не хотите же вы, чтобы я сказала, будто он... провел ту ночь у...

— А разве не так и было?

— Как вы смеете!..

— Вы же сами сказали: для вас все решено — вы рвете с мужем.

— Но как же все-таки я могу... солгать!

— В чем? — удивился Кручинин.

— Будто Вадим был здесь, когда он тут не был.

— Что?!

— Впрочем, — быстро сказала она, — если вы считаете, что эта ложь может спасти Вадима, я готова...

Кручинин с негодованием остановил ее движением руки.

Считая, повидимому, вопрос исчерпанным, он перевел разговор на другую тему. Мало-помалу беседа завязалась и скоро приняла тот дружеский оттенок, который умел придать ей, когда хотел, Кручинин.

Глядя на Кручинина и Фаншетту, задушевно беседующих, трудно было поверить тому, что они видятся впервые. Когда ненароком выяснилось, что Кручинин остался без обеда, она, не слушая никаких возражений, отправилась на кухню и принялась за приготовление яичницы и кофе.

Грачик понял, что упоминание Кручинина о голоде было не чем иным, как ходом, имевшим целью удалить хозяйку из комнаты и получить возможность без помехи произвести здесь подробный осмотр.

Кручинин оглядывал каждый уголок, каждый предмет. Его особенное внимание привлекли валяющиеся на рояле светложелтые мужские перчатки довольно несвежего вида. Он даже примерил одну из них, но поспешно отбросил, слышав шаги хозяйки. Через минуту он сидел на низеньком пуфе перед каким-то смешным турецким столиком и с аппетитом поедал глазунью, благоухающую кипящим сливочным маслом. За глазуньей последовала клубника с молоком, за клубникой — кофе. Кручинин ел так, будто голодал неделю. Грачик с завистью глядел на него и прислушивался к урчанию собственного пустого желудка. Ему было неловко напомнить Фаншетте о своем существовании, а она по какой-то странной забывчивости даже не предложила ему присесть к столу. Только поставив на стол кофе с халвой, она вдруг вспомнила и о втором госте.

Несмотря на желание демонстративно отказаться от угощения, Грачик не нашел в себе силы это сделать — он слишком любил халву.

Поев и закурив, Кручинин несколько раз прошелся по комнате. Его взгляд снова остановился на желтых перчатках. Хозяйка тоже взглянула туда и, увидев перчатки, вскрикнула и словно в испуге прикоснулась к виску.

— Это его перчатки? — спросил Кручинин.

— Ну да, конечно его, — обрадованно говорила она. — Он забыл их...

— Когда?

— Не помню... Право, не помню.

— Во всяком случае не в ту ночь?

— О, нет! Его же тогда не было! — с уверенностью воскликнула Фаншетта.

ПОКОЙНИК ПОСЕЩАЕТ ИНСТИТУТ

Друзья молча спустились по лестнице, молча сели в автомобиль. Хотя это была машина Грачика, Кручинин без стеснения завладел рулем. Кое-кому это, может быть, покажется странным, но Грачик хорошо знал, что за руль Кручинин садится именно тогда, когда хочет сосредоточиться. Грачик проверил и на себе: если сидишь рядом с водителем, то гораздо больше внимания обращаешь на то, что происходит вокруг, нежели тогда, когда сам сидишь за рулем. Тут все внимание устремлено лишь на детали, определяющие направление и скорость движения, а руки и ноги совершенно рефлекторно, помимо мыслительного процесса, который может идти своим чередом, совершают движения, необходимые для управления автомобилем. Иными словами, управление автомобилем не позволяет отвлекаться на рассматри-

вание посторонних предметов, но не мешает думать сколько угодно сосредоточенно, ибо самый процесс вождения вполне машинален.

Кручинин обычно ездил осторожнее темпераментного Грачика. Поэтому они без особой спешки продвигались вдоль Речной улицы. Примерно около Государственного банка им предстояло обогнать трамвай. Место здесь узкое, и ежели возле тротуара стоят автомобили, то едва остается полоска, чтобы проехать между ними и идущим трамваем. Когда Кручинин поравнялся с моторным вагоном, Грачик не мог не обратить внимания на то, что происходило на задней площадке этого вагона. У Грачика был достаточно наметанный глаз, чтобы сразу опознать в двух парнях профессиональных карманников. Один из них, разыгрывая неловкого пассажира, прижимал к перегородке хорошо одетого бородача с большим портфелем. Другой с меньшей ловкостью — со стороны это бывает лучше видно — пытался залезть в задний карман «объекта». Но тут кто-то четвертый — коренастый и, повидимому, ловкий крепыш, — заметив покушение воров, не долго думая, размахнулся и наградил карманника сильным ударом в лицо. К сожалению, он не рассчитал силы своего удара. Сбитый им с подножки вор вывалился из вагона, но следом за ним упал на мостовую и сам крепыш — заступник. Еще мгновение, и он очутился под колесами заднего вагона, а вор вскочил и вместе со своим сообщником быстро скрылся.

Трамвай остановили, но было поздно: из-под вагона торчали только ноги несчастного.

При этом Грачик благодаря своей профессиональной наблюдательности заметил, что обладатель ассирийской бороды, которого пытались обо-

красть, постояв одно мгновение над задавленным, поспешил затеряться в толпе и скрылся.

Вероятно, Грачик позабыл бы об этом неприятном происшествии, если бы через день в получаемой Кручининым газете милиции не натолкнулся на заметку, сообщавшую о том, что под колесами трамвая погиб взломщик-рецидивист, ловко ускользавший от преследования уголовного розыска.

В газете в качестве поучительного примера пользы дактилоскопии были приведены точные данные идентификации личности преступника по дактилоскопическим отпечаткам, снятым с трупа.

Грачик показал заметку Кручинину.

Прошло дня три-четыре со времени этой беседы, когда однажды утром на даче друзей разбудил телефонный звонок следователя, ведущего дело Гордеева. Тоном совершенно обескураженного человека он просил их приехать немедленно. То, что они услышали, способно было смутить кого угодно.

Нынче ночью в филиале того же института имело место покушение на ограбление. Преступники пытались проникнуть из подвала в нижний этаж, где расположена институтская столовая, и, повидимому, оттуда намеревались внутренним коридором пройти в служебные помещения института. Но им не удалось вскрыть тяжелую стальную дверь, которой подвал отделен от столовой.

Обстоятельства покушения исключают предположение о неопытности грабителей. Предварительное насверливание отверстий вокруг замка двери произведено по треугольнику, совпадающему с тем, какой был обнаружен в первом взло-

ме сейфа. На краске двери остался даже след наложенного трафарета для сверла. Сомнений быть не может: операция произведена той же рукой, что в прошлый раз. И снова, как в прошлый раз, грабитель светил себе стеариновой свечой. Если бы не усиленная охрана, содержащаяся в институте после прошлого покушения, преступникам, вероятно, удалось бы вскрыть дверь. Но на этот раз они были испугнуты бойцом охраны, спустившимся на подозрительный шум в столовую. Однако преступникам удалось уйти, так как наружная стража оказалась недостаточно поворотливой и не реагировала на сигнал бойца из столовой. Правда, можно найти ей некоторые оправдания, так как три сторожевые собаки, на которых строилось наружное охранение, оказались отравленными.

К удовольствию Кручинина, оказалось, что стеарин, накапанный возле двери, носит следы пальцев преступника.

— На этот раз в картотеке милиции оказалась карта нынешнего визитера, вот она, — сказал следователь и положил перед Кручининым дактилоскопическую карту.

Кручинин бросил взгляд на фамилию ее обладателя и сказал:

— Раз вам точно известна личность визитера, едва ли составит большой труд отыскать его в Москве. Удивительно только, неужели этот одесский Сема Кабанчик не нашел способа сесть в тюрьму там, непременно ему нужно было идти на верную посадку в Москве. Любитель столичных тюрем?

Подумав, Кручинин добавил:

— Идентичность действий дает все основания

предположить, что и в первом случае участвовал в деле этот Сема?

— Я так думаю.

— Сколько людей было, по-вашему, нынче? — спросил Кручинин.

— Пока не знаю... Сначала я думал, что их было двое. Я нашел на пыльном полу у двери еще вот этот след, являющийся, по-моему, отпечатком перчатки, вот... — И следователь положил перед Кручининым увеличенную фотографию.

Кручинин взгляделся в снимок следа.

— Да, перчатка, — сказал он. — Перчатка из свиной кожи. Итак?

— Повидимому, сначала Сема работал в перчатках по рецепту какого-нибудь американского детективного фильма, но потом, не выдержав и махнув рукой на все предосторожности, сбросил перчатки.

— Удивительно невыдержанный народ, — иронически проговорил Кручинин.

— Погодите, — сказал следователь, — сейчас вы удивитесь еще больше. — И он перевернул карту другой стороной. — Поглядите на последнюю строчку биографии этого героя.

Лицо Кручинина выразило изумление. Грачик не удержался от искушения поглядеть через его плечо и... должен был перечесть эту строку дважды: «раздавлен трамваем». Дальше следовала дата, уже известная Грачику по заметке в газете милиции.

— Кажется, я сам видел, что это действительно так, — сказал Грачик.

— Что именно? — удивился следователь.

— Э-э, какая история... — в задумчивости проговорил Грачик и уже уверенно повторил: — я видел, как этот Сема под трамвай летел.

На этот раз лицо следователя отразило почти испуг:

— Вы видели?

— Видел. Сема ударил карманника. Упал с площадки. Попал под колеса... Так и было.

— Да, мы были случайными свидетелями этого происшествия, — подтвердил Кручинин.

— Тогда я ничего не понимаю, — пожал плечами следователь. — До этой минуты во мне жила еще надежда на ошибку в регистрации смерти. Я полагал, что там ошиблись и списали за штат не того, кто попал под трамвай. А выходит... — Он осекся и опасно поглядел на Кручинина и Грачика: — Выходит, что дактилоскопия врет?

Тут пожал плечами Кручинин. Все они отлично понимали: *может произойти все, что угодно, только не нарушение законов дактилоскопии.

— Я даже в детстве плохо верил в чудеса, — сказал Кручинин. — Советую еще разок проверить карту и оттиски героя нынешней ночи. Может быть, в НТО ошиблись?

— Я так и подумал. И просил еще раз проверить, но все оказалось верно. Сомнений нет. Сегодня ночью в институт приходил покойник, — сказал следователь и обернулся к Грачику: — Вы сами видели, как этот парень падал под вагон?

— Конечно, — сказал тот совершенно уверенно. — Под трамвай упал. Под трамваем и остался.

— Есть еще одна надежда... — сказал Кручинин, снимая телефонную трубку.

Когда его соединили с научно-техническим отделом милиции, он спросил:

— Как вы идентифицировали личность Семы Кабанчика, погибшего под трамваем три дня назад?

Его собеседник объяснил, что с пальцев трупа, извлеченного из-под трамвая, были сняты отпечатки, по ним и была установлена личность Семы.

Кручинин с разочарованием бросил трубку:

— Я думал, что может быть, они ограничились документами плюс фотографические карточки, но если были сняты дактилоскопические оттиски — крыть уж нечем. Значит, Сема действительно умер.

— Но также несомненно и то, что он был нынче в институте! — воскликнул следователь.

ДЕСЯТЬ ИЛИ ВОСЕМЬ ПАЛЬЦЕВ НА РУКАХ?

В один из следующих дней Кручинин предстал перед Грачиком с лицом именинника: Гордеев, наконец, признался в том, что был той ночью у Фаншетты. Кручинин был очень доволен. Но зато Фаншетта теперь категорически отрицала показание Гордеева.

И тут выяснилось еще одно странное обстоятельство. Когда Кручинин сказал Гордееву о записке Фаншетты, тот был, повидимому, искренне обижен, даже возмущен. Кручинин предложил ему воспользоваться каким-нибудь доказательством, подтверждающим его присутствие у подруги:

— Взять хотя бы забытые тобою перчатки...

— Какие перчатки? — спросил Вадим.

— Твои перчатки желтой свиной кожи.

Вадим посмотрел на него недоуменно:

— У меня никогда не было таких перчаток.

Друзья долго говорили в ту ночь о Гордееве. И именно во время этой беседы Кручинин вдруг

как-то странно поглядел на Грачика отсутствующим взглядом.

— Что с вами? — испуганно спросил тот. — Нил Платоныч, друг дорогой, вы мне окончательно не нравитесь!

— Что? — спросил он, тряхнув головой, будто отгоняя какое-то видение. — Что ты сказал?

— О чем вы сейчас думаете?

Кручинин провел рукой по лицу.

— Так, пустяки... кое-что вспомнилось... Ничего, ничего, давай-ка лучше займемся делом. Позвони-ка, пусть пришлют мне сейчас обе карты.

— Какие карты? — с удивлением спросил Грачик.

— Дактилоскопические карты этого самого Семы Кабанчика. Обе карты: ту, что хранилась в архиве, и снятую с трупа после катастрофы.

— Но... сейчас ведь третий час ночи.

— Неужели? — Кручинин недоверчиво поглядел на часы. — Да, действительно... Что ж, придется поехать туда самому.

Через час друзья сидели в Уголовном розыске, и перед Кручининим лежали интересующие его две карты. Но на этот раз он бросил только один взгляд на карты и обернулся к Грачику:

— Ты ничего не замечаешь?

— А что я должен заметить?

— Десять и восемь, — наставительно произнес Кручинин, поочередно указывая на лежащие перед ним карты. — На карте, вынутой из регистратуры, — десять оттисков, как и подобает двум лапам всякого обезьяноподобного; на следующей — оттиски пальцев трупа, вынутого из-под трамвая... их только восемь. Почему не сняли оттиски с указательного и среднего пальцев правой руки трупа? И почему на стеарине у вскрытого вторич-

но сейфа следы именно указательного и среднего пальцев?

— Откуда я знаю? — раздраженно сказал Грачик, которого клонило ко сну.

— А я, кажется, знаю... Садись и пиши: «Прошу эксгумировать тело Семы Кабанчика». Все!

К концу следующего дня Грачик приехал к Кручинину.

— Вам очень нужен труп Кабанчика?

— Да, как можно скорей.

— Так вот... труп Кабанчика предан кремации.

— Благодарю покорно!

— Пожалуйста, дорогой, пожалуйста.

ИНВЕНТАРНЫЙ НОМЕР «3561»

— И все-таки он от меня не уйдет! — после некоторого размышления воскликнул Кручинин.

— Кто?.. Кабанчик?

Кручинин посмотрел на Грачика, словно перед ним был человек, задавший вопрос, достойный младенца. Не дав себе труда ответить, он уселся за поданный обед.

Грачик прощал Кручинину много странностей, которые тот допускал в отношении своего младшего друга и ученика. Но приняться за суп вместо того, чтобы объяснить все по-настоящему! Это казалось Грачику просто... просто... Есть же границы и его терпению!

Он уже направился в переднюю и схватился было за шляпу, когда из столовой послышался ласковый окрик Кручинина:

— Эй, Сурен, старина, брось глупости! Завтра на рассвете мы едем за раками. Твоим нервам нужен отдых...

Наутро они уехали за город. Кручинин знал уединенное местечко, отличающееся отсутствием людей, общества которых утомленные друзья стремились избежать.

Все шло чудесно. Они отдыхали: с утра залезали по пояс в воду в поисках раков, которых тут, кстати говоря, почти совершенно не было; варили на костре уху и ели чудесную пшеничную кашу, пахнущую дымом костра.

Вокруг них не было ни души. От ближайшей сторожки их отделяло по крайней мере три километра.

Тишина стояла здесь такая, что за два дня наслаждения ею можно было простить миру половину грехов. Вечером, когда солнцу оставалось пробежать до горизонта каких-нибудь пять градусов, Кручинин взял малокалиберку и отправился к заводу, где водились щуки. Он любил бить их из винтовки.

Прошло довольно много времени. Быстро темнело. Вдруг Грачик услышал глухой удар выстрела. Это не был едва уловимый щелчок малокалиберки, звук которого от заводи сюда и не донесся бы. Грачик явственно слышал глухой выстрел охотничьего ружья, а пора была уже давно не охотничья. Да и кто и во что мог стрелять в такой темноте?

Вскрикнул где-то в камышах чирок. Что его разбудило в этот поздний час? Вот проснулся второй. Плеснула щука. Все было не ко времени и странно. Эти неурочные звуки, начавшись в отдалении, все приближались к тому месту, где была раскинута палатка. Вскоре Грачик понял и причину этих несвоевременных пробуждений во вспугнутой природе: кто-то шел берегом, шел неуверенно, словно плутал по незнакомой дороге.

Временами этот странный путник как будто даже соскальзывал с берега — отчетливо слышалось тяжелое шлепанье по воде.

Грачик вскочил прислушиваясь. Через минуту он разглядел появившуюся из прибрежного ивняка тень. Эта тень двигалась медленно, неуверенно, пошатываясь. В нескольких шагах от пятна света тень остановилась и, покачнувшись, упала. Грачик подбежал и... узнал Кручинина,

Кручинин был ранен. Левая сторона его холщовой куртки была окровавлена.

— Пустяки, — сказал он сквозь зубы. — Вероятно, несколько дробинок в плече... Пустяки...

Но тут силы изменили ему, и он снова почти потерял сознание. Однако, когда Грачик сделал попытку стянуть с него куртку, Нил жадно схватился за нее. Грачик думал, что причинил другу боль, но оказалось, что Кручинин попросту беспокоится о лежащей в грудном кармане куртки записной книжке...

— Осторожно... там пепел... бумага... пыж... Необходимо сохранить.

Объяснять Грачику не нужно было. Он осторожно отложил в сторону записную книжку Кручинина, тщательно обернув ее газетой. Он понял, что речь идет о следе того, кто угостил Кручинина зарядом дроби.

К счастью, рана оказалась несерьезной. Большая часть заряда прошла мимо. Две круглые дробины засели в мякоти плеча.

Из слов Кручинина, чувствовавшего себя слабым, но вполне владевшего собой, следовало, что раздавшийся в сумерках выстрел предназначался ему. Кто стрелял, он не знал, так как в первый момент лишился сознания. А затем, когда пришел в себя, вокруг было уже тихо. Следы, кото-

рые он обнаружил, вели к реке. Они тянулись по прибрежному песку и к тому времени, когда он добрался до берега, были уже почти замыты водой. Единственно реальное, что Кручинину удалось обнаружить, был комочек полусгоревшей бумаги — пыж из заряда, посланного в Кручинина. Он тщательно подобрал этот комочек, так что можно было надеяться в сохранности доставить его в лабораторию.

Грачик быстро собрал вещи, погрузил все в автомобиль и, усадив Кручинина среди рюкзаков и свернутой валиком палатки, поехал в город.

Кручинин настолько владел собою, что, прежде чем ехать домой или в лечебницу, заставил завернуть в криминалистическую лабораторию, чтобы сдать на исследование остатки пыжа.

На следующий день, едва Грачик появился в дверях больничной палаты, куда Кручинина все-таки уложили на несколько дней, тот вместо приветствия крикнул:

— Как дела с пыжом?

— Есть надежда восстановить. Просили завтра заехать. Но уже сейчас с уверенностью можно сказать, что этот комочек бумаги с печатным текстом действительно был употреблен вместо пыжа. Если бы бумага не была такой старой, пыж меньше подвергся бы действию пороховых газов и восстановить его не составило бы труда. К сожалению, вы немного повредили остатки пыжа, когда собирали.

— Попробовал бы ты аккуратно собрать его, когда в тебя только что всадили заряд дроби, — усмехнулся Кручинин.

— Не спорю и не обвиняю, только констатирую.

— Если бы ты знал, как мне хочется знать этот текст! У меня нет, конечно, никаких доказа-

тельств, но что-то говорит мне, что этот выстрел имеет отношение к делу Гордеева.

— Так вы в самом деле уверены: они хотели вас... убрать?

— Почти уверен.

— Значит, и Гордеев... — Грачик не мог выговорить до конца это страшное подозрение и только несколько раз причмокнул языком.

— Не знаю... пока ничего не знаю, — неопределенно пробормотал Кручинин. — Как только лаборатория закончит работу — приезжай.

Назавтра Грачик в точности исполнил этот наказ и, получив фотокопию реставрированного листка, помчался в больницу. По этой фотокопии можно было установить, что листок, использованный для пыжа, вырван из книги форматом в одну шестнадцатую, набранной обыкновенным латинским корпусом. Может быть, в верхней части листка, над текстом, и имелся колонтитул, — намеренно или случайно листок был вырван так, что колонтитул не сохранился. Только в нижнем углу листка остались цифры: с одной стороны 137, с другой — 138. Это были номера страниц. Страниц какой книги?

Вот что можно было разобрать на листке:

«... сильно заинтересованы этим трупом, — как сообщил мне много лет спустя один французский лейтенант в Сиднее . . . . . он прекрасно помнил дело «Пат.: . . . . . это дело удивительно противостояло забывчивости людей и все смывающему вре . . . . . в нем была жуткая жизненная сила, оно не умирало . . . . . Я имел удовольствие сталкиваться с этим делом годы спустя, за тысячи миль от места происшествия . . . . .

. . . . . А ведь я здесь единственный моряк . . . . . 137»

Вот что представлял собой текст на первой страничке. На второй сохранилось следующее:

« . . . . .
... но если двое людей, не знакомых друг с другом, но знающих о . . . . . тне» встретятся случайно в каком-нибудь уголке . . . . .

(Вся середина странички — совершенно неразборчиво.)

— . . . . . — сказал он небрежно и в то же время задумчиво.

Да, я легко мог себе представить, как трудно . . . . . на канонерке никто не говорил по-английски настолько, чтобы разобраться в истории, рассказанной серангом. 138»

На нижнем поле можно было различить слабый отпечаток библиотечного штампа. Увы, единственное слово, которое было в нем разборчиво, — «библиотека». Оно мало что могло сказать. Не больше говорил и инвентарный номер «3561».

Кручинин дважды перечел текст и вернул репродукцию Грачику.

— Наиболее заметно здесь слово «серанг», — сказал Грачик. — Оно свидетельствует о том, что книга переводная, о морях.

Казалось, Кручинин не обратил на эти слова внимания. Он поспешно взял у Грачика репродукцию и, взглядевшись в обе странички, написал на листке из записной книжки «Пат» и «тне».

— Совершенно очевидно: взятые в кавычки слоги представляют собой начало и конец какого-то названия... О чем может писать моряк, о чем может ему рассказывать офицер французской канонерки? Вероятно, о корабле. Судно называлось «Патна».

— Решительно не знаю такого судна, — уныло отозвался Грачик, — никогда о нем не читал.

— Я тоже не могу припомнить, хотя где-то в закоулках памяти, по-моему, такое словечко у меня лежит... Придется сделать вот что...

СНОВА ФАНШЕТТА

Грачик получил точную инструкцию, с кем из литературоведов следует повидаться, чтобы попытаться установить автора книги. Два слова уже достаточно характерны: серанг и «Патна».

С этим поручением он и отправился в путь.

Следует упомянуть еще об одной важной детали, искусно восстановленной лабораторией на листке из неизвестной книги: довольно ясный отпечаток пальца, на котором линии кожного рисунка были перерезаны резким рубцом шрама. Шрам был довольно характерный — полукруглой формы, похожий на полумесяц. Работники лаборатории путем химического анализа установили, что след пальца на листе оставлен не чем иным, как ореховым маслом. Это было очень интересно, но, к сожалению, не могло иметь значения до тех пор, пока не найдена лазейка к владельцу книжки.

В поисках этой лазейки Грачик безрезультатно ездил от одного литературоведа к другому.

В тот же вечер он позвонил Кручинину, чтобы сообщить о неудаче.

— Оставь в покое литературоведов, — сказал тот. — Мне кажется, что решительно ни у кого из иностранцев, кроме Джозефа Конрада, я не встречал слова «серанг». Погляди, пожалуйста, в «Энциклопедии Британика». А я тем временем пороюсь в Конраде.

Грачик прочел в Британской энциклопедии длинную статью о Конраде. Упоминания о «сепанге» не было и в ней.

С этим известием он приехал в лечебницу.

Он застал Кручинина в постели, обложенного книгами.

— Джозеф Конрад, «Прыжок за борт», — безапелляционно произнес он и, развернув томик, показал страницу, где Грачик действительно увидел полный текст того обрывка, что был воспроизведен лабораторией из остатков пыжа. — Это в десять раз лучше, чем если бы он вырвал листок из «Анны Карениной», — сказал Кручинин. — Наверно, Конрад достаточно редок в библиотеках. Не к чести наших издателей будь сказано, они не переиздают прекрасных книг Конрада. Ты должен отыскать библиотеку, где он еще сохранился. Это и составляет твою задачу на ближайший день.

К концу дня совершенно измученный Грачик пришел к выписавшемуся из больницы Кручинину и застал его в состоянии самого неподдельного нетерпения. Он встретил друга возгласом:

— Брось все! Как можно внимательней обследуй библиотеку, которой мог пользоваться Гордеев, и весь круг людей, от которых книга могла попасть к Фаншетте. Остальное неважно.

На этот раз Фаншетта приняла Грачика куда более любезно. Теперь он был центральной фигурой, и кофе с халвой были поданы ему одному. Наслаждаясь любимым лакомством, он мог вволю предаваться наблюдению за хозяйкой и исподволь подводить разговор к интересующей его теме: что эта особа читает и откуда берет

книги? К сожалению, она почти не обращала внимания на реплики собеседника и, трогательно волнуясь, закидывала его вопросами о ходе гордеевского дела.

— Прежде я боялась, что... у Вадима мало средств. Я привыкла не отказывать себе ни в чем. Муж хорошо зарабатывал. Но теперь решила: жизнь без Вадима — полжизни. Если нужно будет, я вернусь на работу, — она кокетливо склонила голову: — ведь у меня есть специальность — я гравер-художник и, говорят, неплохой.

Но вот пришел конец халве и осторожным распросам. Грачик знал все, что нужно: никого, кроме двух-трех поэтов, она не читала; ни в какой библиотеке не абонирована; о Конраде никогда не слыхала.

Первый пункт поручения был выполнен. Грачик перешел ко второму. Для этого нужно было посетить семью Гордеева. Грачик всего один-два раза бывал в этом доме и должен был себе признаться, что сейчас, посидев с Анной Саввишной и пришедшей к ней прямо со службы Ниной, пожалел о том, что так мало знал этот дом. Это была скройная, дружная семья со спокойным укладом жизни. Только теперь, ближе рассмотрев Нину и поговорив с ней, Грачик понял, что в этой девушке было все, что могло сделать ее подлинным другом и чудесной женой для Гордеева. Грачик с удовольствием глядел на эту девушку и от души жалел о расстроившейся женитьбе Вадима.

Незаметно пробежали два часа, проведенные у старушки Гордеевой. Грачик мог ехать прямо в институт, чтобы покончить с предположением Кручинина, будто злополучная книга могла принадлежать Вадиму. Откровенно говоря, Грачик

не ясно представлял себе, что это может дать следствию, даже если книга действительно принадлежала бы Гордееву. Ведь скоро две недели, как он сидит в предварительном заключении, и, конечно, никакого отношения к покушению на Кручинина иметь не может. А впрочем... Не будет ли это значить, что покушавшийся на Кручинина имел раньше связь с Гордеевым? Не будет ли это значить, что сообщник, имя которого так упорно скрывает Вадим, гуляет на свободе, наблюдает за следствием и даже старается отделаться от того, чья проницательность ему опасна? К сожалению, это могло быть именно так.

Как Грачик узнал от Нины, Вадим любил читать и пользовался двумя библиотеками: институтской, где он брал новые технические журналы и специальную литературу, и библиотекой Дома инженеров, где получал художественную литературу. Поэтому Грачик и начал прямо оттуда. Библиотекарша тотчас же сказала ему, что собрание сочинений Джозефа Конрада, действительно, было не так давно куплено библиотекой.

Но издание было другого формата, и содержание страниц 137—138 не сходилось. Другого издания Конрада в библиотеке нет и не было.

Грачик вздохнул с облегчением. Теперь он был почти уверен в том, что злосчастный пыж никакого отношения к Гордееву не имел. Грачик был заранее уверен и в том, что в институтской библиотеке никакого Конрада никогда не было и нет.

С легким сердцем он помчался в институт и, само собой разумеется, никакого Конрада в каталогах не нашел. Он для вида изобразил на лице огорчение и вернул библиотекарше картошку.

— Вы не нашли то, что вам нужно? — спросила она.

— Нет, не нашел.

— Чем же вам помочь? — сказала любезная старушка. — А, простите, что вы искали?

— Джозефа Конрада.

— Ах, беллетристика! — несколько разочарованно воскликнула она. — Так я посоветую вам обратиться в библиотеку нашего месткома. У них кое-что есть.

В этом «кое-что» звучала нотка не слишком обнадеживающего презрения.

Оставалось только поблагодарить и отправиться в другую комнату, хотя Грачик был убежден, что делает это напрасно.

— Конрад? — спросила его уже совершенно иным тоном юная библиотекариша месткома. — У Конрада много вещей. Говорите, что вам нужно?

— «Прыжок за борт».

Девушка сделала глубокомысленное лицо, затем исчезла и через несколько минут заявила:

— Книга утрачена.

— Что значит — утрачена?

— Это значит, что она не возвращена абонентом и вычеркнута из инвентаря. В общем, вам это все равно. Книги нет. Берите что-нибудь другое.

По мнению девушки, вопрос был исчерпан. Грачику пришлось, предъявив удостоверение, потребовать, чтобы ему сообщили имя абонента, не вернувшего книгу. Этим абонентом оказался... инженер Гордеев.

— Инвентарный номер «3561»? — спросил Грачик с последней искрой надежды.

Последовал беспощадный ответ:

— Да.

На следующий день друзья не виделись. Открытие того, что книга действительно принадлежала Гордееву, очень огорчило Кручинина. Он никого не принимал. Только через день Грачик попал к нему и застал его в самом мрачном настроении. На столах, на креслах, возле постели — всюду валялись развернутые книги самого различного жанра и содержания. Это значило, что Кручинин хватается за все в поисках успокоения и не находит его. Он встретил молодого друга не очень ласково.

— Где ты пропадал?

— Зачем пропадать? Нигде не пропадал. Дома сидел.

— Почему ты не пришел вчера?

— Вы же сами, джан, сказали по телефону: не приезжай, Сурен, пожалуйста, не приезжай.

— Я тебе это действительно сказал? — Кручинин пожал плечами, но Грачик знал, что это — игра. Кручинину попросту было совестно за вчерашнее поведение. — Хочешь жалвы? — неожиданно спросил Кручинин.

— Никогда не отказываюсь.

— Так поедем к Фаншетте.

Через двадцать минут они стояли перед дверью Фаншетты и тщетно нажимали кнопку звонка. Повидимому, хозяйки не было дома. Им оставалось только уйти. И они были уже на середине марша, спускающегося к следующему этажу, когда дверь, наконец, приотворилась на длину цепочки и послышался знакомый голос Фаншетты:

— Кто там?

Через пять минут друзья сидели в той же комнате, которую Грачик уже дважды видел.

— Слышу звонок за звонком. Чувствую, кто-то свой, и ничего не могу сделать... сижу в ванне, — кокетливо щебетала Фаншетта своим неприятным фальцетом. — Теперь я должна вас покинуть, чтобы привести себя в порядок. Не могу же я оставаться в таком виде. — С этими словами она приподняла полу измятого халата не первой свежести.

Друзья остались одни. Повидимому, это как нельзя больше устраивало Кручинина. Не теряя времени, он принялся за новый детальный осмотр комнаты. Грачик знал: его друг отлично помнит все, что видел здесь в первый раз. Теперь его глаз тщательно регистрирует изменения, происшедшие с того времени. Тут же в его мозгу происходит аналитическая работа: исследование возможных причин происшедших изменений, отбрасывание неинтересного и фиксация каждой мелочи, могущей дать малейший повод для предположений.

Хозяйка, подобно каждой женщине, уделит туалету достаточно много времени, — Кручинин мог не спешить. Он действовал методически, дюйм за дюймом подвигаясь вдоль стен, оглядывая каждую безделушку, поднимая некоторые из них, как бы примеряя, так ли они стояли прежде. Около маленького столика, на котором стояла мухоловка старинного фасона, Кручинин на несколько мгновений задержался, поманил Грачика и молча указал на этот смешной старомодный прибор. Грачик видел, как мечутся под стеклянным колпаком мухи, как те из них, что не нашли выхода вниз к приманке, завлекшей их в западню, бьются в воде, уже поглотившей изрядное количество жертв.

Кручинин тихонько сказал:

— Забирай эту приманку. Это как раз то, что ты ищешь.

Вместо обычного сахара под мухоловкой действительно лежал кусочек халвы. Грачик быстро спрятал его: ведь халва — это ореховое масло; ореховое масло — след пальца на книге.

Кручинин между тем методически продолжал осмотр. В комнате и во всей квартире царила мертвая тишина. Просто трудно было представить, что женщина, одеваясь, может производить так мало шума.

Кручинин закончил осмотр и остановился над роялем, вглядываясь в черное зеркало его полированной крышки. Его лицо отразило мучительное напряжение мысли. Происходило то, что редко случается с Кручининым, — так редко, что Грачик наперечет мог бы вспомнить подобные случаи, — он торопился найти какое-то решение и не находил его. Его взгляд, еще раз обжевав комнату, задержался на... пудренице Фаншетты. Кручинин взял ее и, слегка потрянув пушок над крышкой рояля, подул на образовавшийся тонкий слой белой пыли. На черном фоне рояля остался характерный рисунок папиллярных линий. Сквозь лупу Кручинин различил резкий шрам в виде полумесяца, пересекающий линии узора, оставленного прикосновением чьего-то пальца.

Кручинин выпрямился и, потирая руки, подошел к раскрытой клавиатуре. Он, видимо, собирался что-то сыграть, но рука его повисла в воздухе и два пальца, приготовившиеся что-то схватить, протянулись к клавишам. Его лицо, вся фигура, каждый палец поднятой руки — все отражало торжество. Указательный и большой пальцы были крепко сжаты, хотя, казалось, в них

решительно ничего не было. Лишь подойдя вплотную к Кручинину и приглядевшись, Грачик различил то, что тот держал с таким торжеством, будто это был славный трофей трудной битвы: короткий волос.

Грачик пригляделся в лупу.

— Седеющий шатен? — сказал он.

— Верно, — подтвердил Кручинин.

Где-то в отдалении хлопнула дверь, и по комнате пронесся порыв сквозняка.

— Не удержали, — насмешливо пробормотал Кручинин.

— Чего, дорогой?

— Дверь черного хода вырвалась у них из рук и затворилась громче, чем они хотели.

— Кто?

— Не знаю.

Кручинин приложил палец к губам и прислушался. В доме царила все такая же тишина. У Грачика мелькнуло подозрение: Кручинин пришел сюда, чтобы поймать Фаншетту на месте преступления, но она разгадала это и... ловко ускользнула. И... в следующее мгновение в комнату вошла Фаншетта, благоухая ароматом крепких духов.

Хозяйка набросилась на Кручинина с расспросами о деле Гордеева. Она повторила ему то, что Грачик слышал от нее прошлый раз, о ее намерениях в отношении Вадима. Глядя на Кручинина, можно было подумать, что это ему давно известно и совсем не так уж интересно. Воспользовавшись первой же паузой, он сказал:

— Нечаянно я стер всю пыль с перил вашей лестницы. Нельзя ли вымыть руки?

— Конечно, — услужливо ответила Фаншетта. — Идемте.

Грачик понял, что Кручинин отправился на обследование квартиры. Раз он выбрал именно такой предлог, как мытье рук, значит, его интересовала ванная комната. Очевидно, нужно было проверить, действительно ли Фаншетта брала ванну, когда друзья звонили, и постараться найти следы обладателя седеющих волос, неосторожно хлопнувшего дверью.

Грачик терпеливо ждал их возвращения.

Первым вернулся Кручинин.

— Сейчас мы получим по чашке чая с клубникой, — сказал он и, помолчав, как бы невзначай, добавил: — Трудно предположить, чтобы за десять минут ванна могла высохнуть так, что не осталось никаких следов купанья, да и температура в ванной комнате совершенно такая же, как везде... Кстати, когда ты был тут прошлый раз, перчаток на рояле уже не было?

Грачик подумал, стараясь припомнить, видел ли их тут в прошлый раз. Но эта деталь прошла мимо его сознания. Похвастаться ему было нечем.

Стоит ли говорить, что в таких обстоятельствах, когда Грачик знал, что Кручинин больше не верит Фаншетте и поймал ее на лжи, предложенный ею чай с клубникой доставил ему сомнительное удовольствие. Кручинин тоже отнесся к чаепитию без особого энтузиазма. При первом удобном случае он сказал:

— Кстати, о перчатках! Они могут сыграть существенную роль в судьбе Вадима, а следовательно, и в вашей собственной.

Выщипанные брови Фаншеты взлетели на лоб.

— Перчатки?.. Какие перчатки? — с искренним удивлением спросила она.

— Желтые перчатки свиной кожи.

Она недоуменно пожала плечами.

Если это удивление не было искренним, то было разыграно с большим искусством.

— Те, что лежали у вас там, — Кручинин показал на рояль.

— Ах, эти! Да, да, помню... но... он взял их. Сидящий в тюрьме Вадим взял перчатки?!

На Кручинина это заявление произвело, повидимому, не меньшее впечатление, чем на Грачика.

— Вадим взял их? — переспросил он.

— Нет, нет, конечно, не Вадим. Это оказались вовсе не его перчатки.

— Не его?.. А чьи же?

— Это были перчатки моего брата.

— Ах, вот как!.. Он был у вас? — спросил Кручинин с таким видом, словно наличие этого брата вовсе не было для него неожиданностью.

— Мы с ним редко видимся, — сказала Фаншетта. — У него работа, из-за которой он очень много ездит.

— А где он служит?

— Не знаю, как называется его учреждение. Как-то чудно. Эти сокращенные названия, знаете ли, не для меня. Я никогда не могу их запомнить.

— Я, кажется, знаю вашего брата, — сказал вдруг Кручинин, пристально глядя ей в глаза. — Даже знаю, что он шатен, что он носит бороду и что борода эта уже седеет...

На этот раз она не могла скрыть удивления:

— Откуда вы... знаете?

— Я вот только не знаю: в Москве ли он сейчас?

— Неделю тому назад он был тут. А теперь, не знаю... Я давно его не видела.

— А, простите за любопытство: когда вы последний раз играли на рояле?

— Я играю почти каждый день.

— И сегодня?

— Да... Но... — она запнулась и сдвинула брови, — мне не нравится этот допрос.

— Допросы вообще мало кому нравятся, — усмехнулся Кручинин.

— Можно подумать, что вы... мне в чем-то не доверяете.

— Что бы вы сказали, если бы я предложил вам проехаться?

Не нужно было быть очень наблюдательным, чтобы заметить, как напряглось всё существо Фаншетты, какого труда ей стоило не выдать своего волнения в ту минуту, которую длилась рассчитанная пауза Кручинина.

— Куда? — спросила она едва слышно.

— К брату. Я хочу, чтобы вы нас познакомили.

— Зачем?

— Мне кажется, он может сказать кое-что очень ценное по делу Вадима.

— Они даже не были знакомы, — поспешно сказала она.

— И тем не менее...

— Если вы так хотите, — сказала она, все еще колеблясь... — Я сейчас узнаю, дома ли он. — Она потянулась к телефону, но ее рука встретилась с лежащей на трубке рукой Кручинина.

— Сделаем ему сюрприз неожиданным появлением, — с улыбкой сказал он.

— У нас с ним... не такие дружеские отношения, чтобы...

— Ничего.

— Я все-таки позвоню.

— Право, не стоит.

— Я не очень твердо помню его адрес. Давайте спросим его хотя бы о номере квартиры, чтобы не плутать по подъездам, — настаивала Фаншетта. — Там огромный дом. Такой большой, масса подъездов... Хотите еще чаю?

— Лучше одевайтесь, чтобы не терять времени.

— Почему вы не позволяете мне позвонить?

— Я — вам? — Кручинин рассмеялся. В искусстве притворяться он мог поспорить со своей противницей.. — Звоните, если вам так хочется.

Произнося это, Кручинин замер на диване, где сидел. Перед тем он проявлял совершенно несвойственную ему суетливость. Его руки двигались за спиной, где он, повидимому, пытался скрыть их от внимания Фаншеты. А тут вдруг совершенно успокоился.

— Что же, звоните, — повторил он с видом полного равнодушия. — Только не думайте, что я вам в чем-то не доверяю.

Фаншетта сняла трубку и набрала номер.

Через ее плечо Грачик следил за ее пальцем, бегавшим по диску, и запомнил набранный номер.

— Макс?.. Это ты, Макс?.. — спросила она в трубку. — Я сейчас приеду. Со мною товарищ Кручинин... Макс... Ты слушаешь?.. Алло, Макс... Не то нас разъединили, не то он бросил трубку, — с досадой произнесла она, вопросительно глядя на Кручинина.

— Наверно, ему не понравилось то, что я увязался за вами, — с улыбкой сказал Кручинин.

— Ну... почему же, — проговорила она, видимо успокоившись.

— Как вы думаете, он меня знает? Вы ведь не объяснили ему, кто такой Кручинин. Может быть,

позвонить ему еще раз, чтобы он нас подождет?

— Нет, не стоит, — сказала она. — Я ведь сказала ему, что мы сейчас приедем... Шляпа мне не нужна. Вы ведь в машине?

— Да.

Волнение, с которым она не могла справиться несколько минут тому назад, сменилось полным спокойствием.

— Так поехали?

ЧЕЛОВЕК СО СТЕКЛЯННЫМИ ГЛАЗАМИ

Дом на Прорезной занимал задворки чуть ли не целого квартала. Виднелось не менее десятка подъездов.

Хотя пятнадцать минут тому назад Фаншетта заявила, что нетвердо помнит адрес брата, но теперь она уверенно шла к подъезду и поднималась по лестнице.

По перехваченному выразительному взгляду Кручинина Грачик понял: уверена, что «братец» улизнул.

«Тем хуже для нас», — подумал Грачик.

Едва Фаншетта дотронулась до кнопки звонка, как дверь распахнулась. За нею был мрачный зев совершенно темной прихожей.

Фаншетта отшатнулась, словно никак не ожидала, что дверь может так быстро отвориться.

Кручинин шагнул в темноту.

По выработанной у друзей системе, Грачик остановился так, чтобы загородить выход, но дверь и без того уже захлопнулась за его спиной. Одновременно в передней вспыхнул свет, и они очутились лицом к лицу с сухощавым мужчиной среднего роста. Его бледное лицо с резкими чер-

тами было обрамлено нерасчесанной короткой бородкой. Лишенные выражения серые глаза неподвижно уставились в лицо Кручинина.

— Вы удивлены? — спокойно спросил Кручинин.

Хозяин ничего не ответил.

— Мы ворвались к вам так неожиданно и непрошенно, — продолжал Кручинин.

Хозяин посмотрел на прижавшуюся спиной к притолоке Фаншетту. В его холодном взгляде попрежнему не было ясно выраженного настроения или мысли, но, право, Грачик не хотел бы быть сейчас на месте этой дамы.

Кручинин повесил шляпу на крючок и непринужденно обратился к незнакомцу:

— Где мы сядем, чтобы поговорить?

Фаншетта все стояла у притолоки с судорожно сцепленными пальцами рук, с опущенным взглядом. Кручинин взял ее под руку и остановился в ожидании, пока пройдет хозяин. Тот, продолжая хранить молчание, толкнул дверь и, не оборачиваясь, вошел в первую комнату. Это было что-то вроде рабочего кабинета, выполнявшего в то же время функции столовой, или, наоборот, столовая, одновременно служившая рабочей комнатой.

Пройдя несколько шагов, хозяин приостановился и через плечо вопросительно глянул на Кручинина.

— Если вы не возражаете... — сказал Кручинин, оглядывая комнату, — мы посидим здесь...

Он придвинул себе стул и жестом пригласил остальных занять места. Фаншетта в бессилии упала на свой стул и закрыла лицо руками. Хозяин продолжал стоять. Он ни на кого не глядел. Его глаза были устремлены куда-то в центр обеденного стола.

Хотя обстоятельства, казалось, были мало подходящими для экскурсов в область психологии, Грачик не мог отделаться от преследовавшего его желания разгадать выражение глаз хозяина. И он почувствовал подлинное облегчение, когда вдруг нужное определение пришло: опустошенность. Если верить старому убеждению, что глаза — зеркало души, то душа стоящего перед ним человека была пуста, как скорлупа гнилого ореха. В ее «зеркале» не отражалось ни любви, ни ненависти, ни страха, ни каких бы то ни было иных чувств — оно было мертво. Перед Грачиком было живое двуногое с мозгом, но без души, с мыслями, но без чувств.

— Ну что же, — произнес Кручинин, — может быть, кто-нибудь из вас заговорит первым? — Он обратился к Фаншетте: — Хотя бы вы.

Не отнимая ладоней от лица, Фаншетта в смятении замотала головой.

— Прежде всего мне нужны... перчатки из свиной кожи, — спокойно сказал Кручинин.

Фаншетта взглянула было на обладателя востановленной бороды, продолжавшего молча, неподвижно стоять, но тотчас, словно спохватившись, отвела взгляд. Однако этого было достаточно — Кручинин уверенно обратился к хозяину:

— Давайте перчатки!..

Тот продолжал стоять все в той же равнодушной позе. Если бы до этого Грачик не убедился в способности бородача слышать, он готов был бы теперь поручиться, что перед ним глухо-немой.

И тут хозяин заговорил:

— Обыск? Вы, очевидно, забыли, что находитесь в Советской стране, где права граждан охраняет закон.

— Это лекция? — иронически спросил Кручинин.

— Может быть, и лекция, хотя, по моим данным, вы юрист.

— Вот как? — Кручинин явно развеселился. — Значит, я для вас не незнакомец и, вероятно, не такой уж неожиданный гость, как думал?

С прежней монотонностью, словно он не слышал слов Кручинина, хозяин продолжал:

— Не только обыск, но и ваше появление здесь должно быть оправдано предъявлением законного ордера. Мне достаточно позвонить в прокуратуру, чтобы...

Кручинин рассмеялся.

— Мы избавим вас от этого труда, — весело проговорил он. — А что касается закона, то я готов нести перед ним ответственность за это вторжение и даже самое суровое наказание за нарушение формальностей, предусмотренных нашим Кодексом. Знакомство с вами стоит такого наказания. Вы не думаете?.. В прихожей я видел телефон, — обернулся Кручинин к Грачику. — Свяжись с прокуратурой и пригласи людей для обыска.

Грачик пошел было к аппарату, но тут же убедился, что провод оборван и телефон не работает.

— Ничего не поделаешь, — сказал Кручинин, — придется совершить еще некоторые процессуальные нарушения. Готов за них ответить. Игра стоит свеч. Можете не бояться вашего «брата», — обратился он к Фаншетте, — покажите моему другу, где лежат перчатки.

Она недоуменно покачала головой:

— Не знаю... я здесь ничего не знаю.

Кручинин быстро подошел к ней и, взяв ее правую руку, поднес ее к самым глазам Фаншетты.

— Это вы видите? И это? — Он по очереди показывал ей пальцы ее собственной руки. — Гравировкой вы занимались не дома? Правда? Здесь, да?.. А теперь понюхайте. — И он бесцеремонно поднес ее руку к ее же носу. — Даже духи не убили запаха каучука, с которым вы работали.

Она сидела, как пораженная громом. Ее глаза, полные слез, были устремлены на Кручинина; губы еще пытались лепетать:

— Я ничего не знаю...

Но Кручинин твердо спросил:

— Где перчатки, в которых он работал? Где принадлежности вашей собственной работы? В ваших интересах сказать это теперь же. Если я найду их сам...

Ее полный ужаса взор обратился к хозяину, но тот оставался все таким же безучастным, холодным, со взглядом, устремленным на скатерть. Только сильные пальцы его больших рук сплелись еще крепче.

Фаншетта нерешительно поднялась и, шатаясь, как пьяная, подошла к стоящему у стены рефрижератору. Но прежде чем она успела дотронуться до его ручки, Грачик был рядом с ней. Кто знает, что скрывалось в этом холодильнике?!

Раньше, чем открыть шкаф, Грачик внимательно осмотрел его. Это был аппарат предвоенного производства Харьковского тракторного завода. Очевидно, перед ним был самый безобидный холодильник. Грачик потянул ручку дверцы.

Фаншетта испуганно вскрикнула и отскочила в сторону, но дверца уже распахнулась, и Грачик остолбенел: из ледника повалил густой, удушливый дым. Из нижнего отделения било пламя. Комната сразу наполнилась запахом паленой резины и характерной вонью горящего целлулоида. Но Грачику некогда было анализировать запахи. Он схватил первое, что попало под руку, и выгреб из шкафа все его содержимое. В ярком пламени он увидел догорающую киноплёнку. На пол со звоном падали мелкие металлические предметы, тлеющие деревянные чурбачки, кусочки линолеума, несколько листов расплавившейся по краям резины — целое оборудование штемпельной мастерской. Из верхнего отделения Грачик извлек набор отмычек и портативный аппарат для резки металла.

Но вот, чадя, догорел последний кусок плёнки, и Грачик обнаружил, что находится в полной темноте. В первый момент у него мелькнула было мысль, что это ему только кажется, что он ослеплен ярким пламенем, полыхавшим внутри окрашенного белой эмалью холодильника. Сейчас эта слепота пройдет... Но через мгновение он понял, что дело не в его слепоте: вокруг действительно царил полная тьма. Откуда-то из других комнат послышался голос Кручина:

— Сурен, поскорее ко мне!

Грачик с досадой обнаружил, что карманного фонаря, который он обычно брал на операцию, на этот раз нет. Пришлось ощупью, натываясь на стены и больно стучаясь об углы мебели, пробираться на голос Кручина. С той стороны слышался некоторое время шум борьбы. Потом этот шум стих, и после небольшого промежутка времени, в который до слуха Грачика долетело

только тяжелое дыхание, он снова услышал голос Кручинина:

— Где же ты, Сурен?..

Еще несколько шагов, и Грачик понял, что стоит над лежащим на полу Кручининим. Он в испуге нагнулся, но Кручинин спокойно проговорил:

— В правом кармане пиджака у меня фонарь.

Грачик ощупью нашел фонарь и в его свете увидел Кручинина, растянувшегося на полу, а под ним хозяина квартиры со скрученными за спину руками.

— Пустим в ход наручники, — сказал Кручинин. — Через несколько минут он придет в себя, и нужно будет снова возиться. Он чертовски силен. И, главное, кусается.

С этими словами Кручинин поднял руку, с кисти которой капала кровь.

Бородач очнулся. Его первым движением было вскочить с пола. Но скованные за спиной руки мешали его движениям. Он неловко поднялся сначала на колени, потом встал, исподлобья оглядывая Кручинина и Грачика.

— Мы побудем здесь, а ты, Сурен, найди Фаншетту, если она не воспользовалась суматохой и не дала тягу. Думаю, что это так, — сказал Кручинин.

Оставив друга в темноте, где огненной точкой тлела только закуренная Кручининим папироса, Грачик отправился на поиски Фаншетты. К своему удивлению, он нашел ее сидящей на полу перед входной дверью прихожей. Содрогаясь от рыданий, Фаншетта не слышала, как подошел Грачик, даже не видела луча света, которым Грачик ощупал дверь.

Присутствие этой женщины, не воспользовав-

шейся возможностью скрыться, было так неожиданно для Грачика, что у него вырвался возглас удивления:

— Вы здесь?

Она подняла голову, и Грачик увидел мокрое от слез лицо с размазанными по щекам потоками туши, которой, очевидно, были подведены ее ресницы.

Фаншетта указала на дверь и, всхлипывая, пояснила:

— Я не могла отворить... у Макса всегда такие секретные запоры...

И новый приступ рыданий потряс ее плечи.

Грачик взглядом нашел на стене доску с предохранителями и, обнаружив сгоревшую пробку, вставил в нее канцелярскую скрепку. На мгновение вспыхнул свет, но тут же вся квартира снова погрузилась во мрак. Однако Грачик заметил яркую вспышку короткого замыкания в той комнате, где оставил Кручинина. Подгоняя перед собою слабо сопротивляющуюся Фаншетту, он вернулся в спальню. Отыскать место короткого замыкания было нетрудно: концы провода, повидимому разорванного бородачом, обуглились, стена под ними потемнела. Грачик соединил концы и, снова ведя перед собою Фаншетту, прошел в прихожую.

— У вас есть булавка? — обратился Грачик к Фаншетте.

Она долго копалась, пока ей удалось трясушимися от страха пальцами освободить булавку от пояса блузки. Грачик вставил эту булавку в предохранитель. На этот раз свет, озарив квартиру, не погас. Но прежде чем Грачик успел соскочить с табурета, он услышал вдали звон разбитого стекла и, бросившись в спальню, увидел,

как Кручинин стаскивает с подоконника отчаянно отбивающегося бородача.

— Повидимому, он предпочел падение с четвертого этажа перспективе разговора с нами, — весело проговорил Кручинин.

Грачик, схватив в охапку брыкающегося преступника, бросил его на постель.

— Но, но! — сказал Кручинин повернувшемуся лицом к стене бородачу. — Нам некогда ждать, пока вы отдохнете в мягкой постели. Вернемся в столовую.

Бородач не шевельнулся.

— Я к вам обращаюсь, — повторил Кручинин. — Вставайте!

Тот продолжал молча лежать.

— Придется ему помочь. — С этими словами Кручинин подошел к пленнику, но прежде чем он успел что-либо сделать, тот одним движением был на ногах и ударом ноги в живот отбросил Кручинина к стене. Если бы Грачик не схватил преступника сзади за скованные руки и снова не бросил на кровать, тот успел бы, вероятно, нанести упавшему Кручинину второй удар.

Кручинин с искривленным гримасой боли лицом поднялся с пола и несколько мгновений стоял с закрытыми глазами. Потом провел рукой по лицу и совершенно спокойно, но таким голосом, что на этот раз у бородача не появилось желания сопротивляться, приказал ему идти в столовую. Там Кручинин молча указал ему на стул напротив себя.

— Теперь дело за перчатками, — сказал он таким тоном, словно в происходящем не было для него ничего неожиданного, и приказал Фаншетте: — Ищите их, да поскорей!

Та подошла к письменному столу и под кон-

тролем Грачика один за другим выдвинула ящики. Перчаток там не было. Грачик и Фаншетта прошли в соседнюю комнату, служившую спальней. Грачик осмотрел платяной шкаф, ночной столик — перчатки исчезли. Он ощупал одежду, висящую в шкафу, и в кармане темносерого пальто из плотной гладкой ткани обнаружил, наконец, то, что так настойчиво искал Кручинин, — желтые перчатки из свиной кожи. На них виднелось несколько капель приставшего стеарина. Грачик положил эти перчатки на стол между Кручининым и сидящим напротив него хозяином квартиры. Тот не пошевелился и тут.

— Кажется, все, — произнес Кручинин поднимаясь.

По приказанию Кручинина Грачик тщательно собрал с пола все, что выгреб из холодильника: принадлежности взлома, все приспособления для гравировки и изготовления каучуковых клише. Для очистки совести он еще раз осмотрел внутренность рефрижератора. И не напрасно: в его верхнем отделении, там, где находится испаритель и царит наиболее низкая и постоянная температура, он увидел... два человеческих пальца. Да, это были самые настоящие пальцы — указательный и средний. Они были отсечены на середине третьей фаланги.

Когда Грачик показал их Кручинину, тот удовлетворенно рассмеялся:

— Выяснено последнее звено. Я подозревал что-либо подобное, но надеяться, что найду когда-нибудь настоящие пальцы Семы Кабанчика, конечно, не мог. — Он обратился к хозяину: — Зачем вы их хранили? Разве не осторожнее было бы выкинуть пальцы, изготовив с них клише, как вы изготовили клише с оттиском тех людей, кото-

рым принадлежали вещи, собираемые вашей «сестрицей»?

Хозяин даже не обернулся. Он глядел в сторону, как будто речь шла не о нем.

— Что же, можем идти, — сказал Кручинин, и вся процессия с Фаншеттой впереди направилась к выходу. Грачик шел вторым. За ним хозяин. Последним — Кручинин с пистолетом в руке.

Тут Кручинин остановился.

— Нет, — сказал он, — пожалуй, неразумно все-таки оставлять дело до последующего обыска. Придется задержаться до тех пор, пока мы не отыщем «Прыжок за борт». Он мне нужен. Ищите.

Фаншетта нехотя принялась помогать Грачику. Они пересмотрели все книги. И лишь совершенно случайно, передвигая кастрюлю, мешавшую ему заглянуть в кухонный шкаф, Грачик увидел, что подставкой служит ей переплет книги. Под слоем сажки, оставленной доньшком кастрюли, не без труда можно было различить заглавие: «Прыжок за борт».

Это были лишь жалкие остатки книги. Никакого штемпеля на переплете не было, ни рукописного номера — решительно ничего, что позволило бы идентифицировать книгу.

— Значит, нужно еще искать, — с упорством сказал Кручинин.

Наконец, в уборной Грачик увидел на крючке пачку листков. Он поспешно перебрасывал их, стараясь понять, являются ли они частью нужной книги. И, о радость! Это, несомненно, была вся вторая половина «Прыжка за борт», начиная со 121-й страницы. Грачик перебирал страницы: 137—138-й не было. Соседние листки были налицо; место обрыва ясно видно. Больше ничего

не интересовало Грачика. Он с торжеством принес книгу в столовую. Напоследок Кручинин не мог отказать себе в удовольствии взглянуть на руки хозяина. Он повернул их ладонями вверх и увидел резкий белый шрам в виде полумесяца на большом пальце правой руки.

— Благодарю вас, — любезно сказал Кручинин, и они двинулись в путь.

ПУТЬ МЕРТВЕЦА К МОГИЛЕ

Что еще рассказать об этом случае? Разве только дать несколько разъяснений тому, как Кручинин и Грачик пришли к квартире бородастого человека?

Начинать нужно с желтых перчаток. Именно они послужили первым поводом к тому, что Кручинин заподозрил участие Фаншетты в преступлении. Зная, что мужа Фаншетты нет в Москве, зная об отношениях этой женщины с Гордеевым и увидев у нее на рояле мужские перчатки, Кручинин вполне логично предположил, что они принадлежат Вадиму, но стоило примерить их на руку, как Кручинин понял, что ошибся, перчатки были велики даже ему, а у Гордеева рука была еще меньше. И сам Гордеев отрицал наличие у него таких перчаток. Фаншетта же в первый раз сказала, что их забыл именно он.

Это показалось подозрительным, и с этого момента Кручинин стал критически относиться ко всему, что говорила Фаншетта. Подозрение перешло в уверенность, что она лжет, когда она категорически опровергла признание Гордеева в том, что он был у нее. Позднее, при исследовании стеариновых следов на месте попытки второго ограбления, помимо отпечатков пальцев вора,

погибшего под трамваем, лаборатория обнаружила едва уловимую, но достаточно характерную сетку, свойственную единственному сорту кожи — свиной. Еще раз внимательно изучив следы, оставленные при первом ограблении, друзья и там обнаружили тот же рисунок, кроме следов пальцев Гордеева... Кручинин не случайно пожелал снова увидеть желтые перчатки: на них должны были остаться следы стеарина. Но при вторичном посещении Фаншетты перчаток уже не оказалось. И тут она сказала, что они принадлежат ее брату. Кручинин пришел к уверенности, что эти перчатки побывали в работе уже после ареста Гордеева.

Однако, еще не решаясь сделать окончательный вывод о соучастии Фаншетты, Кручинин поделился своими соображениями с Грачиком, и тому удалось найти второе совпадение: след пальцев на полях страниц 137—138, восстановленных из пыжа, был оставлен ореховым маслом. Ореховое масло употребляется для приготовления халвы. Халва всякий раз появляется на столе Фаншетты. Значит, можно было предположить, что книга побывала в ее руках или у кого-нибудь из ее гостей. Вывод: Фаншетта знала стрелявшего на реке в Кручинина. Наиболее вероятным было предположить и то, что книга эта попала к стрелявшему именно через Фаншетту. А когда выяснилось, что первоначально книга принадлежала Гордесву, это предположение перешло в уверенность: стрелявший взял книгу у Фаншетты. Почему же она, если похититель книги сделал это без ее ведома, не сказала Кручинину об этом? Да потому, что хотела, чтобы виновным в преступлении был признан Гордеев.

Дальше: при второй попытке грабежа остались

следы мертвого вора. Сначала это обескуражило и Кручина. Но когда он внимательно рассмотрел карты отпечатков пальцев бандита, то установил, что следы эти оставлены указательным и средним пальцами, а на руке трупа Семы Кабанчика не оказалось именно этих пальцев. Естественное предположение о том, что эти пальцы были отрезаны трамваем, быстро отпало: тщательное расследование, произведенное на месте происшествия, опрос дворников, убравших там мостовую,— все убеждало в том, что пальцев там не было. Вместе с тем в протоколе медицинского вскрытия в морге ничего не было сказано о том, что на руке трупа недостает пальцев. Таким образом, вопрос о времени исчезновения пальцев трупа и его причине до поры до времени оставался открытым. Вероятно, его бы и не удалось выяснить, если бы тщательное наблюдение за персоналом морга не помогло установить, что один из его сторожей оказывает «услуги» студентам-медикам, предоставляя им возможность брать у мертвецов все равно уже не нужные им руки и ноги. Сторож даже не брал за это денег, разве что изредка студенты подносили ему стаканчик. И если бы однажды на горизонте этого сторожа не появился потребитель, резко выделявшийся из общей среды тем, что всего за два пальца трупа предложил двадцать пять рублей, благородно отвергнутые добрым сторожем, то, вероятно, история пальцев Семы Кабанчика никогда не стала бы известна. Но борода щедрого «доктора», которому понадобились два пальца, слишком хорошо запомнилась сторожу и послужила первым верным звеном. Ухватившись за него, Грачик добрался и до последнего звена — отпечатков на стеарине.

Наконец, последнее, немаловажное обстоятельство: преступнику не нужны были деньги. И вообще ничего из содержимого сейфа не было взято. Преступнику достаточно было сделать фотографические снимки с лежавших в сейфе интересовавших его документов. Он не был грабителем-уголовником. Это был иностранный разведчик, не в меру интересующийся секретной областью физики, в которой работал данный институт... Случайно ли поэтому, что в его холодильнике, служившем своеобразным сейфом для воровского инвентаря, когда Грачик нечаянно включил «аварийное» приспособление, предназначенное для уничтожения следов преступной деятельности, первыми загорелись именно пленки?

— Не случайно! — воскликнул Грачик, — но как знать, что было на этой пленке? Пленка сгорела.

— Это очень хорошо, что мы видели, как она сгорела, — значит, разведчик не сумел еще отравить ее своим хозяевам. А что на ней могло быть, ты сейчас узнаешь.

Кручинин позвонил по телефону следователю и спросил, удалось ли найти в квартире преступника фотокамеру. Да, ее нашли. Проявив запрошенную в ней ленту, увидели кадр за кадром скопированные документы — отчет о важной работе института.

— А, черт возьми, — воскликнул Грачик, — значит, они производили съемку документов в темноте! Не могли же они запускать там яркий свет. Отсюда вывод: работали на пленке, чувствительной к инфракрасным лучам.

— Остальное тебе теперь ясно?

— Кроме одного, — сказал Грачик, — зачем вы позволили Фаншетте предупредить воображаемого «брата» по телефону о нашем приезде.

— Она и предупредила бы, если бы я не вынул вилку из телефонной розетки за диваном сразу же после слов: «Я еду к тебе». О том, что с нею еду я, он уже не слышал... Да... Преступление этого живого мертвеца, человека со стеклянными глазами, заключалось в том, что он попытался вылезть из могилы, где ему надлежит пребывать и куда мы с тобой его и вернули.

Стоит ли говорить, что результатом этого дела было освобождение Гордеева. Он вернулся к Нине и стал снова спокойным, трудолюбивым работником, каким был до знакомства с Фаншеттой. А Кручинин с Грачиком, собрав чемоданы, отправились в Воронежскую область, на берег небольшой тихой речушки, ловить раков и писать этюды.

Однажды, когда они сидели на тенистом берегу тихой речки, заросшей густым ивняком, Грачик, случайно глянув на Кручинина, заметил у него в глазах выражение грусти, какого никогда раньше не видел.

— Что с вами? — воскликнул Грачик с беспокойством?

Кручинин смотрел на своего молодого друга несколько мгновений так, словно только что очнулся от забытья и не мог сообразить, где находится. Впрочем, это быстро прошло. Через минуту он, как всегда, владел собой и говорил уже обычным снисходительно-ироническим тоном.

Но вечером Грачик снова поймал его на такой же рассеянности. Это было необычно и странно.

Грачику понадобилось несколько дней тщательного наблюдения за Кручининым, чтобы узнать причину его дурного настроения. Грачик понял, что и самая-то поездка в эту глушь понадобилась его другу для того, чтобы кое-что за-

быть: Грачик видел, как Кручинин разорвал и выкинул в камин фотографию Нины. Грачик знал, что на обороте фотографии имелась надпись, сделанная рукою Нины. Эта надпись была обращена к Кручинину. Содержание ее здесь приводить нет надобности. Оно не имеет никакого отношения к рассказанному нами случаю разоблачения «брата Фаншетты». Из этого, правда, не следует, что надпись не имеет отношения к психологической стороне дела — к поведению Кручинина на всем протяжении расследования. Теперь, когда Грачик увидел клочки фотографии в холодной золе камина, старый друг повернулся к нему новой стороной своего существа и своей жизни. Как поздно узнается иногда то, что должно было бы быть ясно с первого взгляда! И как он мог не догадаться, что причиной ссоры Кручинина с Гордеевым было вторжение молодого инженера в отношения Кручинина и Нины, сулившие положить конец одиночеству Нила Платоновича!

На другой день Кручинин спросил Грачика за обедом:

— Что ты глядишь на меня, как на привидение?

Грачик смутился: Кручинин поймал его в тот момент, когда он размышлял об обороте, какой могла бы принять жизнь Нила Платоновича, если бы на его жизненном пути не встал Гордеев. Между тем Кручинин, заметив смущение друга, рассмеялся.

— Я знаю, — сказал он, — ты воображаешь, будто для меня «все в прошлом».

— С чего вы взяли, джан... — растерянно запротестовал Грачик.

— Я же не слепой и вижу: то ли ты сокрушаешься о моем «разбитом счастье», то ли удив-

ляешься тому, что такой старый сыч, как я, мечтал о том, что запоздало лет на двадцать. Так?

Грачик не знал, что отвечать. Он продолжал глядеть на Кручинина, а тот с усмешкой, делавшей его похожим на обиженного и не желавшего показать другим свою обиду ребенка, продолжал:

— Ты, небось, уже вообразил, будто какие-то высшие моральные соображения относительно моих личных отношений, или, точнее говоря, относительно моего соперничества с Гордеевым, заставили меня заняться его делом. Ты думаешь, что я с каким-то особенным старанием добивался доказательств его непричастности к преступлению в институте? Ведь вообразил?

Кручинин насмешливо подмигнул Грачику. Но тот твердо ответил:

— Это не воображение, Нил. Это так и есть. Разве я вас не знаю!

— Ничего-то ты не знаешь... Решительно ничего! — поспешно возразил Кручинин и, отвернувшись, отошел к окну.

Взявшись рукою за переплет рамы, он некоторое время молча смотрел в сад, потом, не оборачиваясь, словно говорил с кем-то, кто был там, за окном, негромко произнес:

— Личные мотивы?.. Собственное счастье?.. Нет, друзья мои. Как бы важно ни было все это для человека, как бы существо его ни тянулось к счастью, есть цели еще более притягательные, еще более важные для счастья человека, чем его собственное счастье... — Он негромко рассмеялся. — Кажется, я заговорил какими-то довольно путанными парадоксами?.. Ну, ничего. Не все в жизни можно распутать. Но в том-то и заключается наше назначение в этом мире, чтобы не-

распутанного осталось как можно меньше. Придет, вероятно, время, когда люди распутают все, что вне их собственного «я». Не останется тайн в прикладных науках, точные науки достигнут таких высот, что самым отвлеченно мыслящим умам уже нечего будет решать. Медики поймут назначение каждого нерва, каждой железки, изучат функции организма так, что смогут не только бороться с их нарушениями, но научатся и сами направлять их деятельность, если ошибется природа. Ботаники станут хозяевами флоры, зоологи смогут скрещивать виды, как им заблагорассудится, заранее зная результаты. Все будет во власти человека. Останется для человека только одна не до конца решенная задача — он сам...

Кручинин отпустил раму, в которую все крепче и крепче впивались его пальцы, и резко повернулся к Грачику:

— Ты смеешься надо мной, Сурен?

При этих словах Грачик протестующе поднял руку:

— Зачем так говорите?! Сурен над хорошим человеком не может смеяться, если этому человеку самому не весело. А для Сурена на свете нет человека лучше вас, друг дорогой, учитель мой хороший. Только вместе с вами я могу смеяться. А если будет плохо, вместе с вами плакать буду. Только вместе, джан!

— Ну что же, — с улыбкой ответил Кручинин, — может, и пришло время поплакать. Есть от чего заплакать. Нил Кручинин спятил на старости лет. Рванулся невесть куда. Старый материалист заговорил языком какого-то допотопного идеалиста. Нет, мой друг. Так оно и есть: такую дьявольски сложную машину, как человек, долго еще нужно изучать, чтобы постигнуть до конца...

Настанет ли при нашей жизни день, когда человек забудет о пороках, не будет знать преступлений, когда он, утопая в счастье, какое только может предоставить самое совершенное общественное устройство, не испытывая нужды ни в чем, перестанет понимать, что разумелось когда-то под словом «правонарушение»? Не знаю. Почему? Да потому, что не знаю своих сил. А ведь в большой степени от них, от сил наших поколений, от их умения и способностей в области борьбы с пороком будет зависеть чистота общества... От наших с тобою сил, Сурен, от твоего, скорее, чем от моего, умения и решимости будет зависеть ответ на вопрос, который я поставил. Вычищая из общественного организма носителей преступности, мы оздоравливаем самый этот организм, уничтожаем почву для инфекции преступности.

— Тем самым, — подхватил Грачик, — мы помогаем обществу справиться с одним из пережитков прошлого, каким является уголовное преступление! Скажите мне, разве самая мысль о возможности прожить преступлением вместо честного труда. — не пережиток?

— Вот верная мысль, — оживился Кручинин. — Самое предположение о возможности преступления рождается эгоистическим стремлением прожить только для себя за счет другого. Таким образом, вместо стремления отдать свой труд обществу и получить от общества за этот труд кто-то хочет взять от общества или от отдельного его члена то, что ему не причитается, и самому не дать обществу ничего. Ты правильно мыслишь, мальчик мой, — ласково проговорил Кручинин, и в его взгляде Грачик прочел одобрение.

— Но вы же сами знаете, — продолжал Грачик, — существование преступника — это вечное

хождение по гнилому канату, над пропастью ожидающей его кары. Он вечно в страхе, он вечно не уверен в завтрашнем дне. Его психика в состоянии вечной травмы. И, наконец, кто уж, как не мы, знает, что никогда преступнику не удастся воспользоваться плодами своего преступления так, чтобы он сказал: игра стоила свеч. Кара настигает его раньше этого.

— В девяноста девяти случаях из ста, — вставил Кручинин.

— Достаточно для того, чтобы это стало типическим явлением, совершенно типическим! А впрочем, — спохватился Грачик, прерывая свою мысль, — вы тут не сбалансировали личного с общественным...

— Да, я действительно не договорил, что, как ясно всякому, язва преступности в наших условиях мешает великому делу самого великого строительства. Отсюда вытекает: поддержание преступности и даже искусственное ее насаждение именно в нашем обществе, в нашей стране является выгодным для наших врагов. Я думаю, что, ежели, не боясь труда и потери времени, разматывать до конца многие из уголовных дел, — мы натолкнемся на их политическую сущность. Конец уголовного клубка, как и в гордеевском деле, нередко уходит за границы нашей страны — из чистой атмосферы социалистического общества в прогнившее болото капитализма. Таков естественный ход вещей. Наша задача, по сравнению с работниками прежнего времени, усложнилась. Нам теперь нужна первопричина преступления. Нам нужна истина в деле, а не только его исполнитель. Мы ищем не только объект кары, а и направление, с которого пришел враг. Да, мы ищем истину!..

— Верно, замечательно верно, Нил! — горячо перебил его Грачик. Он подошел сзади к Кручинину и, взяв его за плечи, повернул к себе лицом. Он смотрел в глаза друга, и они казались ему погрузневшими за эти несколько минут настолько, что Грачику хотелось плакать. — Нил Платонович, вы думали мне сказать что-то о личном, о вашем собственном.

— Я, тебе? — Кручинин пожал плечами. Его губы тронула усмешка: — Это ты хотел вломиться туда, где не всегда хочется видеть третьего.

— Вот что... Прости...

Грачик снял руки с плеч Кручинина. Кручинин распахнул дверь на веранду.

— Сурен, джан Сурен! Поди сюда! Смотри!.. Это же чудно, просто удивительно хорошо! Хорошо жить! И надо, чтобы было еще лучше.

— Это зависит от нас самих, — без особого подъема ответил Грачик.

— Старая истина, дружище. Но тем удивительнее, что у тебя такой похоронный вид.

— А чему радоваться? — не сдаваясь, пробормотал Грачик.

— Прежде всего тому, что вокруг столько счастья.

— Счастья, говорите?

— Да, да, настоящего счастья. — И тут Кручинин протяжно присвистнул. — А ты все о том же: о «личном счастье» старого, неразумного Нила? Так разве тебе не понятно, где оно, мое личное счастье? — Он за плечи повернул Грачика лицом к саду: — Вон там, в гуще жизни, среди людей, там, где они счастливы... Идем туда!

ПОСЛЕДНИЙ МЕДВЕЖАТНИК

Примерно через полгода после того, как увидел свет маленький сборник «Искатели истины», где описывалось несколько эпизодов из следственно-розыскной и криминалистической деятельности Нила Платоновича Кручинина и его молодого друга Сурена Тиграновича Грачьяна, автором этих строк было получено письмо:

«Уважаемый Николай Николаевич!

Прочел «Искатели истины». Не говоря о том, что я очень польщен выбором моей скромной особы в качестве основной фигуры для разговора на такую важную тему, как оздоровление нашего общества путем борьбы с преступлением, — мне нечего возразить по существу Ваших сообщений. Насколько мне не изменяет память, там все на месте: эти частные случаи описаны именно так, как происходили. Однако считаю себя вправе просить Вас о некотором исправлении в общей постановке вопроса. По-моему, необходимо не только в декларациях от автора или от действующих лиц показать читателю всю огромность принципиальной разницы в деле борьбы с преступностью в буржуазном обществе и у нас. Нужно рассказать нашим людям, как обстояло это дело во времена царизма и как обстоит теперь, обнажить разницу в самом существе преступности, в ее распространении и формах существования.

Извините меня, но мне кажется, что из Ваших сообщений не ясно, что в самом нашем обществе больше не существует условий для развития преступных элементов, так сказать, «внутреннего» масштаба. Из Ваших сообщений несведущий читатель может сделать вывод, будто крупные правонарушения всегда являются результатом подстрекательства со стороны политических сил, враждебных нашему народу и социализму, и будто корни всякого уголовного правонарушения уходят за рубеж. Преступность, как наследие прошлого, еще существует, к сожалению, и у нас. Воспитательная работа нашего общества еще далеко не достигла того, чтобы сделать ненужными ни наказание, ни профилактику. Поэтому я позволю себе приложить к сему список нескольких интересных «дел». Они могут быть найдены в соответствующих архивах и помогут осветить советскому читателю этот сложный и болезненный вопрос. В этом списке особняком стоит дело № 14 («Дело Паршина»). На него стоит обратить внимание не только потому, что оно интересно с розыскной точки зрения. На его же примере можно показать широкому кругу наших молодых людей, что было и чего больше не может быть. Думается мне — это важно. Советский читатель хорошо поймет размеры и значение бездны, созданной социальными и политическими условиями времени между нашим обществом и пороком. Преступность пышным букетом расцветала в былые времена потому, что само правосознание буржуазии способствовало этому развитию. Ведь и хищническая деятельность буржуазии — не что иное, как преступление. Вы, конечно, помните мысль Энгельса о том, что если один человек наносит другому физический вред, и такой вред, который

влечет за собою смерть потерпевшего, то мы называем это убийством; если убийца заранее знал, что вред этот будет смертельным, то мы называем его действия умышленным убийством. Если же общество ставит сотни пролетариев в такое положение, что они неизбежно обречены на преждевременную неестественную смерть, на смерть столь же насильственную, как смерть от меча или пули; если общество само знает, что тысячи должны пасть жертвой таких условий, и все же этих условий не устраняет, — то это еще более страшное убийство, чем убийство отдельного лица; это убийство скрытое, коварное, от которого никто оградить себя не может, которое не имеет вида убийства только потому, что не виден убийца.

У некоторых наших авторов существует порочная манера представлять дело так, будто само буржуазное правотворчество, являющееся зеркалом буржуазного правосознания, уже не содержит в себе норм, ограничивающих преступления против небуржуазных классов, против пролетариата в целом и против отдельных его представителей. Послушайте меня, не становитесь на такую точку зрения. Это демагогия искателей легких докторских и кандидатских степеней. Они идут по линии наименьшего сопротивления, они пренебрегают фактами, отбрасывают как якобы не существующее то, что им неудобно в буржуазном праве. Это делается вместо того, чтобы с фактами в руках доказать нечто гораздо худшее: что само же буржуазное общество, в лице своих органов расследования и суда, открыто идет на нарушение, вернее говоря, на обход пленных лицемерных норм существования, не обязательных для самой буржуазии.

В современном капиталистическом государстве происходит почти видимое смыкание слоев, которые американская журналистика именует «респектабельными» гангстерами, с откровенными гангстерами отнюдь не респектабельного толка. Естественно, что поэтому и органы власти уже делают между ними различие лишь тогда, когда нереспектабельный гангстер принадлежит к низам своей гангстерской среды. А для главарей гангстеризма закон о наказуемости грабежа и убийства оказывается в такой же мере обходимым рифом, как для главарей официального монополистического капитала какой-нибудь антитрестовский закон. По грабительской сути своей эти слои общества — родные братья. Потому и различия для них суд не знает.

Такое положение не успело создаться в дореволюционной России. В ней исполнительная власть не успела поставить знак равенства между воротилами банков и главарями крупных грабительских шаяк. Тем не менее питательная среда для широкой деятельности искателей легкой наживы всех планов и масштабов, конечно, существовала. Ее создавали не только сами условия капитализма, но и продажность полицейского аппарата империи. С тех пор утекло много воды. Жизнь профессионального правонарушителя царских времен не стоит даже сравнивать с условиями его существования в СССР. Не только невероятно сузился «круг деятельности» этих рыцарей ночи. Постановка дела борьбы с ними настолько изменилась, что понятие преступления как профессии можно считать умершим. Теперь преступник-«профессионал» является куда более редким представителем своей касты, нежели зубр в Беловежской пуще. А есть преступные «спе-

циальности», и вовсе прекратившие свое существование. Одной из таких специальностей является «медвежатничество», то есть вскрытие несгораемых касс. Грабителя-«кассиста» в наши дни почти не существует. Отмирание этой «специальности» является очень показательным для всего процесса изживания у нас уголовщины как «основного» занятия. Вот почему я и позволил себе обратить Ваше внимание на дело Паршина. Он был последним «профессором» своего дела в нашей стране. Это я говорю с уверенностью.

Из написанного прошу не делать вывода, будто я тешу себя полной победой над преступностью. Это было бы глупо и меньше всего к лицу мне. Но берусь утверждать, что злокачественная опухоль «внутренней преступности», как она понималась в прошлом, выродилась в нечто подобное чесотке. Мелкие воры — домушники и карманники — это уже не персонажи, славившиеся миллионными грабежами, не подделыватели кредитных билетов на сотни тысяч рублей и не организаторы контрабандной торговли наркотиками на всю страну. Мы имеем право гордиться тем, что в СССР осталось выловить из рядов общества преступную плотву и отправить ее куда следует для трудового перевоспитания или изоляции. Это только вопрос времени.

Я знаю, что у нас существуют еще люди, страдающие манией чистоплюйного очковтирательства. Они способны скрывать от народа, от массы наших читателей так же, как рады были бы скрыть от своего руководства, самый факт существования даже упомянутой мною «чесотки». Они с энергией, достойной лучшего применения, пе-

кутся о том, чтобы не касаться истории борьбы с преступлением, они не считают с тем, что раскрытие этой стороны существования предреволюционного общества — одно из направлений разоблачительной работы в отношении реакционного мира в целом. Иногда борьба за «чистоту» идет под предлогом «не давать рецептов» современным людям неустойчивой воли и гибкой совести. Конечно, проще запретить людям ходить через реку, так как мост узкий, а на нем темно, чем поставить на мосту фонари, дающие возможность любому прохожему миновать трудное место без боязни упасть.

«Рецепт преступнику»? Право же, это достойно смеха. Разве если предано огласке, как преступник вскрывал шкаф, то это рецепт только для неустойчивого типа? А не указание ли это и для того работника охраны, розыска и следствия, которым надлежит следить за тем, чтобы такого не случилось? Не достойно ли удивления, что категория людей, борющихся за соблюдение норм закона, почитается почему-то глупее и слабее банды нарушителей? Это же просто оскорбляет нас! А уж когда речь заходит о поучительных примерах истории, то оскорбительно даже оскорбляться. Поэтому, если Вы вздумаете воспользоваться старыми делами, вроде дела Паршина, готов прийти Вам на помощь, чтобы показать все, что Вы сочтете интересным для читателей.

Также прошу Вас располагать мною, ежели Вы сочтете полезным когда-нибудь коснуться из числа политических процессов дела Локкарта-Каламатьяно и дела Тактического Центра, а из дел чисто уголовного порядка так называемого «парафинового дела», сыгравшего в свое время

значительную роль в раскрытии недостатков нашей системы хозяйствования во времена нэпа. К этим делам я имел некоторое отношение и постараюсь вам помочь. Что касается более позднего периода работы, когда в ней участвовал мой друг Грачмян, то Вы лучше всего сделаете, ежели хорошенько его потрясете. Скромность мешает ему самому взяться за перо, но знает он более чем достаточно для наполнения интересной книги Вашего жанра.

Не думаю, чтобы я очень заблуждался, отстаивая точку зрения необходимости показа темных сторон прошлого, ликвидируемых Советской властью и нашей партией. Полагаю, что дельный рассказ о последних зубрах преступности, утративших в наших условиях почву под ногами, так же полезен и интересен нашему читателю, как блестящие рассказы Гиляровского о страшном темном прошлом Москвы или «Бурса» Помяловского. Эта область еще ждет своего художника. Я не решаюсь назвать в качестве великого примера для наших литераторов Ф. М. Достоевского с его «Записками из мертвого дома» или «Преступлением и наказанием», не решаюсь назвать прекрасное имя А. Ф. Кони, но думаю, что замечательный пример их литературно-аналитической работы должен был бы заставить взяться за перо и наших литераторов.

Смею Вас просить исключить мое имя из всего, что будете писать (жаль, что это неловко уже сделать в отношении прежних Ваших отчетов о моей работе). В нашей среде много товарищей, гораздо более талантливых и сведущих, нежели Ваш покорный слуга. Вы легко найдете куда более интересные объекты изучения и описания.

Позвольте пожелать Вам успеха в работе, за которой мои товарищи и я следим с вниманием и интересом.

Примите мой дружеский привет, Ваш

Полковник *Кручинин*»

Автора очень порадовало это письмо. К письму был приложен перечень двадцати дел, представлявшиеся Кручинину достойными внимания читателя. Действительно, первое же ознакомление с некоторыми из них показало, что тот, кто занялся бы их восстановлением и обработкой, не заслужил бы ничего, кроме признательности читателей. Но большинство дел было в дурном — с точки зрения сохранности архивов — состоянии. Несколько лучше других сохранилось дело Паршина. Материал его оказался действительно увлекательным, несмотря на невероятно хаотическое расположение, без всякой системы и даже вне хронологии.

Прежде чем приступить к изложению того, что удалось восстановить по делу Паршина, считаем своим долгом принести благодарность не только Нилу Платоновичу Кручинину, натолкнувшему нас на это дело, а и Сурену Тиграновичу Грачьяну, без которого нам, вероятно, понадобилось бы в десять раз больше времени, чтобы в этом деле разобраться. Сурен Тигранович был нашим гидом по пыльным страницам многотомного старого «дела». Он его хорошо изучил.

Работа над предлагаемым читателю отчетом оказалась трудной еще и потому, что «дело» уходило своими корнями в далекие времена. Показывая работу советских оперативников над этим делом, нельзя было не заглянуть в уголовное подполье Российской империи. Это сломало хро-

нологическую четкость повествования, и автор должен просить у читателей прощения за некоторую архитектурную сложность настоящего отчета по сравнению с прежними рассказами о похождениях Кручинина. Не лишне предупредить читателя и о том, что все подробности быта и преступной деятельности замешанных в этом деле людей выяснены и записаны благодаря огромной работе, проведенной Кручининим и Грачьном при допросах участников и сотни свидетелей. Кажется, не было в Советском Союзе ни одного человека, могущего вложить хоть крупицу в разоблачение подпольной шайки, кого Кручинин оставил бы в покое. Его не смущало ни время, ни расстояние, ни затраченные усилия.

В деле о «Последнем медвежатнике» не осталось ни одной незаполненной строчки, ни одного неосвященного уголка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

1. БЕЗНАДЕЖНОЕ ДЕЛО

Глядя на Кручинина, никто не сказал бы, что он находится в скверном расположении духа. Он весело собирал со стола папки просмотренных дел и даже беззаботно напевал себе под нос:

А наутро она улыбалась
Пред окошком своим, как всегда...

Его свежее добродушное лицо, обрамленное мягкой бородкой, вызывало скорее представление о враче или ученом, а может быть, даже просто об учителе, хорошо закончившем день в классе, нежели о начальнике отдела розыска, ломающем

себе голову над тайной нового звена в цепи дерзких преступлений, совершенных на протяжении года и до сих пор остающихся нераскрытыми. Да, дело обстояло именно так: три папки с описанием трех различных мест преступлений и трех взломанных преступником несгораемых касс до сих пор лежали в левой тумбе письменного стола Кручинина. А он, да и его начальники, не призывали к тому, чтобы передаваемые ему дела закладывались в этой тумбе. Левая тумба была местом хранения неоконченных дел, а Кручинин мог гордиться тем, что за несколько лет его работы в этом учреждении ни на одной папке объемистого архива не имелось его подписи под неприятными словами: «Не раскрыто».

Значительный отрезок сознательной жизни Нила Платоновича прошел в этом доме на Петровке. Он пришел сюда молодым человеком, зажженным идеей борьбы с бандитизмом. Контрреволюционное охвостье было готово использовать все силы в борьбе с ненавистной ему молодой Советской властью и охотно прибегало к услугам уголовного подполья столицы, которому было по пути с контрреволюцией.

С тех пор обстановка коренным образом изменилась. Не только по своим формам, но и по существу борьба с преступлением стала иной. Однако и теперь Кручинин не мог рассматривать ее изолированно от политической жизни страны. Каждый уголовный преступник, всякое правонарушение было язвой на теле советского общества. Лечить эту язву ножом хирурга и были призваны оперативные работники. На смену кожаной куртке, которую когда-то людям ударной группы МУРа не приходилось снимать неделями, пришел добротный синий костюм; тяжелую дере-

вянную кобуру маузера заменил маленький браунинг в заднем кармане; ночные облавы со стрельбой и преследованием сменились кабинетной работой, с короткими выездами на точно разработанную операцию.

С каждым годом, с каждым месяцем понижался процент нераскрытых преступлений, с каждым раскрытым преступлением уменьшалось число профессиональных преступников, изымаемых органами розыска из нор, где они укрывались. Но, увы, еще не наступил тот час, когда высокая мораль советского человека позволила бы вывеску «Уголовный розыск» сдать в его собственный музей в качестве последнего экспоната, а сам этот музей назвать историческим.

Оперативник знает, что партия и государство требуют от него: всякое преступление должно быть раскрыто, преступник должен быть задержан и изобличен. Оперативник никогда не признает себя побежденным самым опытным и хитрым преступником.

Это знает Кручинин. Именно это-то и заставляет его теперь, приходя на работу, вынимать из левой тумбы три тоненькие папки, повествующие о «подвигах» неизвестного медвежатника. Самый вид этих тонких папок раздражал Кручинина. Скоро год, как две из них напоминают о себе подобно больному зубу, третья появилась недавно. И, как часто бывает, окончательно выведя из себя больного, зуб заставляет его принять последнюю меру. Третье дело — дерзкий взлом негосраемого шкафа в одном из институтов столицы — и было каплей, переполнившей чашу терпения Кручинина. Похищено свыше полутора ста тысяч рублей!

Прежде у Кручинина были сомнения в том, что

взломы совершаются одним и тем же лицом. Теперь он мог с уверенностью сказать: во всех случаях действовал один и тот же преступник.

Экспертиза утверждала, что шкафы вскрыты одним и тем же способом. Притом, по всем данным, одним человеком, без помощи сообщника.

В том, что способ действия был один и тот же, Кручинин не сомневался. То, что видимых следов присутствия нескольких людей не оказалось ни на одном месте преступления, он тоже видел и сам. А не было ли таких следов, которых ни он, ни эксперты-криминалисты не обнаружили?

Слишком уж невероятным казалось, чтобы взлом мог быть проделан одним человеком. В двух случаях из трех грабитель проникал в кассовое помещение из соседней комнаты через пролом, проделанный в стене; в двух случаях из четырех преступник отодвигал от стены сейф огромного веса и прорезал его заднюю, более слабую, стенку; во всех случаях грабитель ушел через окно: дважды со второго и один раз с четвертого этажа.

При всей убедительности экспертизы, говорившей, что грабитель работал в одиночку, Кручинин задавал себе вопрос: мог ли один человек, не выдав себя служащим в охране, пронести к месту действия все снаряжение, необходимое для пролома в стене, для вскрытия сейфа и для организации бегства?

Мог ли один человек отодвинуть от стены стальной шкаф, весом более тысячи килограммов?

Мог ли один человек, без смены работать с интенсивностью, необходимой для пропила стены и для вскрытия стального шкафа в короткий срок, бывший в его распоряжении,— в одну ночь.

Во всех трех случаях объекты ограбления были однотипны — институты; налицо имелся единый «почерк», выразившийся в том, что вскрытие шкафа производилось единым способом насверливания и последующего уширения отверстия с окончательной его обработкой раком; налицо одна и та же манера тщательного затирания за собой следов на полу, на стенах, на поверхности сейфа и т. д. Имелось, наконец, и еще одна деталь, пожалуй, наиболее характерная: запирающие двери, ведущих в кассовое помещение, производилось изнутри не отмычками, не ключами, а укреплением полотнища двери к косяку при помощи ввертываемого наискось буравчика.

«Но,— говорил себе Кручинин,— все это могло быть и результатом присущей нескольким преступникам единой манеры работать, последствием одной «школы», и только».

И вот, лежащая поверх остальных, третья папка позволяла, наконец, отбросить в сторону все сомнения: преступления действительно совершены одним и тем же человеком. Папка содержала экспертизу почерка на конверте, в котором «совестливый» преступник прислал обратно в институт похищенные, но бесполезные ему документы не денежного характера. Тут, после третьего взлома, преступник повторил то, что сделал и после первого ограбления: прислал обратно пачку ненужных ему бумаг.

Хотя внешне надписи на конвертах выглядели совсем по-разному, но опытный глаз сразу определил в обоих наличие рисовки, старание изменить почерк писавшего. Графическая экспертиза показала, что адреса на конвертах писаны одной рукой.

Значит, действовал все же один человек. А раз

так... Кручинин раскидал по столу уже собранные было текущие дела и быстро рассортировал их на несколько кучек. Красный карандаш забегал по обложкам папок. После того тонкий палец Кручинина так плотно лег на кнопку звонка, что у Грачика, вбежавшего в комнату на вызов, был даже несколько испуганный вид: Кручинин еще никогда не звонил так пронзительно.

— Раздайте! — кивнул Кручинин на размеченные дела. Словно боясь, как бы Грачик не захватил и четыре тощие папочки, Кручинин прикрыл их ладонью.

Грачик проглядел резолюцию и с удивлением поднял взгляд на Кручинина:

— Но...— нерешительно произнес он, показывая одну из папок.— Ведь это дело уже почти закончено... Осталось поставить точку.

— Да, да...— Кручинин хотел еще что-то сказать, так как понимал, что его молодому помощнику жаль отдавать почти доведенное до конца при его участии красивое дело, но передумал и повторил приказ: — Раздайте, как помечено.

— Слушаюсь...— Стараясь подавить обиду, Грачик повернулся к выходу. Но прежде чем он успел покинуть комнату, Кручинин отрывисто бросил:

— Фадеича ко мне, быстро!

Грачик вышел не оборачиваясь. Он уже успел настолько изучить своего начальника, чтобы по его интонациям понять, что сегодня спорить с ним бесполезно. Грачик еще не знал, что именно, но что-то перевернуло планы Кручинина, захватило его целиком. Разве только потому, что Кручинин требовал к себе «Фадеича» — старейшего работника Уголовного розыска Фадеичева, — можно было догадаться: необходимы какие-то историче-

ские изыскания... Фадеич — теперь уже более, чем пожилой и недостаточно крепкий для активной оперативной работы, — был совершенно незаменим там, где требовалось поднятие архивов. У него была огромная память, на которую, повидимому, не действовал даже не в меру потребляемый алкоголь. Старику не нужно было вчитываться в вороха выцветших дел, чтобы понять, о чем идет речь. По двум-трем деталям первого листа Фадеич восстанавливал имена участников, все обстоятельства дела. В архивах розыска последних тридцати лет едва ли содержалось дело, свидетелем которого не был Фадеич, а в этих делах едва ли имелось имя преступника, незнакомое Фадеичу. Большинство же из них он знал и в лицо.

— Помните дела об институтских сейфах, вот те, что в этом году остались нераскрытыми? — спросил Кручинин вошедшего старика.

— Еще бы не помнить!

— Так вот, несколько дней назад тот же негодяй кассу сработал!

— И чисто? — с нескрываемым интересом спросил Фадеич.

— К сожалению, очень чисто. — усмехнулся Кручинин. — Но теперь шабаш: спуску не дадим, распутаем...

— Это конечно, — в раздумье согласился старик. — Было бы за что ухватиться...

Кручинин подробно описал Фадеичу обстоятельства последнего налета медвежатника.

— Д-да, — Фадеич покачал головой, — видать квалификацию. Не из нынешних.

— Старая школа, — подтвердил Кручинин. — За это говорит все: чистота взлома, тщательность затирания следов и, наконец, терпеливая и хо-

рошо поставленная разведка места преступления: все три взлома совершены точно на следующую ночь по получении из банка крупной суммы. Преступник ни разу не ошибся, не пошел на мелочь.

— Квалификация! — с удовольствием повторил Фадеич. — Такого и взять приятно. Н-да! Выходит, надо перебрать всех, кто еще в живых остался и на такое дело способен.

Кручинин придвинул к себе блокнот и стал набрасывать план действий. Мысли бежали так, что карандаш едва успевал их конспектировать:

- «...1. Произвести выборку медвежатников.
2. Установить судьбу каждого.
3. Отобрать живых.
4. Установить тех, кто работал способом, каким произведены взломы в институтах.
5. На уехавших медвежатников запросить данные периферийных розысков.
6. Запросить Ленинград, там в свое время было совершено несколько похожих взломов.
7. Из медвежатников отобрать тех, кто в сроки ограбления институтов мог быть в Москве.
8. Поднять все дела о соучастниках взломов; о малинах; о наводчиках; о делодателях; об изготовителях инструмента...»

Кручинин в задумчивости покрутил бородку, и его узкий ноготь провел под этим пунктом твердую черту.

— Это — часть архивная, — сказал он Фадеичеву. — Тут вам хватит работы на добрый месяц.

— На что мне месяц? В неделю оформим, — возразил Фадеич. — Только бы дела нашлись.

Фадеич поглядел на часы и сокрушенно покачал головой:

— Эх, досада-то!..

— Что такое? — обеспокоенно спросил Кручинин.

— Да время-то позднее, архивники давно спят.

— Ну, ничего, до завтра-то терпит, идите и вы спать.

— И то дело, — согласился старик.

Кручинин склонился над планом и быстро написал:

«9. Проверить личный состав ограбленных институтов.

10. Сличить почерк на конвертах с возвращенными документами с почерками всех работников этих институтов.

11. Если на конвертах обнаружатся невидимые следы пальцев, секретно продактилоскопировать работников институтов».

Получив от Кручинина этот план, Грачик с интересом прочел его, вдумываясь в каждый пункт. Работа, которую предстояло проделать отделу, отличалась своим «архивным» характером. Это было не по темпераменту Грачика, стремившегося к живой, активной деятельности. Но, поразмыслив, он решил, что и это будет ему полезно. Впрочем, даже если бы он пришел и к прямо противоположному выводу — ему все равно пришлось бы взять на себя роль архивариуса и зарыться в пыльные папки старых дел и регистров. Ведь передавая ему для перепечатки свой план, Кручинин ясно сказал:

— Будете наблюдать за этой работой. Хорошая практика. Узнаете, чем пахнет прошлое.

— Пылью, — попробовал было пошутить Грачик.

— Иногда еще слезами и кровью, — поправил его Кручинин и с присущей ему иронической ухмылкой добавил: — Белоручкам хорошая школа.

Грачик давно ушел, а Кручинин все смотрел на затворившуюся за ним дверь и думал о том, что, кажется, ему посчастливилось встретить молодого человека, которого он сможет от чистого сердца назвать не только своим помощником и даже преемником на работе, но и близким другом за пределами службы. С каждым днем Грачик нравился ему все больше, и, кажется, скоро Кручинин готов будет простить ему даже склонность к франтовству, несколько раздражавшую в начале знакомства. При мысли об этом добрая улыбка сузила голубые глаза Кручинина, на миг осветила лицо и по губам ушла куда-то вниз, в мягкую бородку.

2. ЧЕТЫРЕ КАРТЫ

Дело двигалось не так быстро, как хотелось Кручинину. Оказалось недостаточным поднять архивы советского розыска и дореволюционной сыскальной полиции. Подавляющее большинство медвежатников было выловлено, и дела их перешли в суды, а из судов в Наркомвнудел (тогда последовательно ЧЕКА и ОГПУ). Одни медвежатники сидели в тюрьмах, другие — в лагерях, третьи отбыли свои сроки и растворились в многомиллионной массе населения, четвертые умерли своей смертью, пятые бежали из тюрем или лагерей. И, наконец, шестые, кто не был судим при Советской власти, представляли собой наиболее трудный разряд «непроявленных». Это могли быть единицы, но, судя по последнему делу, они были.

Большинство фигур в каждой из категорий хили, совершали преступления. У некоторых было по пять, а то и по десять фамилий и кличек.

Нужно было самым тщательным образом установить тождество пойманных и осужденных нарушителей с сидящими, с бежавшими, с умершими и с пропавшими без вести. Это была кропотливая, чрезвычайно трудоемкая работа. Она требовала не только знания «в лицо» всех носителей этих имен и кличек, не только идентификации по всем возможным признакам, но и непрерывных сношений с органами розыска всего Советского Союза.

Пока шла эта работа, Кручинин занялся изучением личного состава ограбленных институтов. Это тоже требовало огромного труда и осторожности. Кручинин не хотел выдать кому бы то ни было из непосвященных, что идут поиски. Ни один человек из нескольких сотен сотрудников трех институтов и многих сотен студентов не должен был знать, что Кручинину нужны образцы их почерков для сравнения с адресами на возвращенных конвертах.

Никто не должен был знать, что Кручинину нужны дактилоскопические отпечатки для сличения со следами пальцев, оставленных на конвертах. Следы эти не были видимы простым глазом, но их без труда обнаружили эксперты.

От ясного представления масштабов этой работы могли опуститься руки, но... Кручинин знал, что они не должны опускаться ни у него, ни у его сотрудников. Работа должна была быть проделана во что бы то ни стало: последний медвежатник, кто бы он ни был, — осколок ли прежних времен или новый выученик какого-нибудь ушедшего на покой зубра, — должен быть выловлен и изолирован.

Со всех концов Союза, из больших городов, где работали большие аппараты Уголовного розыска,

из маленьких городков и районов, где весь розыск был представлен одним уполномоченным, из сельских местностей, где вовсе не было уполномоченных и их функции лежали на одиноком сельском милиционере, — отовсюду текли сведения о наличии или отсутствии зарегистрированных уголовников подходящей квалификации. Места заключения — тюрьмы, лагеря, дома предварительного заключения, — все сообщали о содержащихся в них субъектах, хотя бы отдаленно подходящих к установочным данным Кручинина.

Почтовые штемпели от Владивостока до Минска и от Мурманска до Батуми красовались на приходивших пакетах. В большинстве своем пакеты эти приносили краткое сообщение о том, что присутствия подходящих личностей не обнаружено. На весь Советский Союз оказались зарегистрированными всего девяносто два субъекта, причастных когда-то к делам по взлому несгораемых шкафов. Но и тут нужна была существенная поправка: регистрация была значительно растянута — начало ее относилось ко временам дореволюционным.

— Н-да, — бормотал Кручинин, просматривая очередное сообщение.

На девяносто выявленных фигур приходилось около семисот фамилий. Даже при уверенности, что все сведения верны, нелегко было разобраться в такой коллекции. У этого собрания был один существенный изъян: больше половины людей пребывало теперь в неизвестности, о многих даже нельзя было сказать — живы они или нет.

— Изъян, конечно, немаловажный, — поглаживая бороду, произнес Фадеич, — однако же, — он

с почтительной осторожностью придвинул свой стул к столу Кручинина,— поглядим.

Чем больше трудностей вставало на пути расследования, тем больше это дело захватывало Грачика. От прежнего внутреннего сопротивления необходимости заниматься «раскопками» давно ничего не осталось. Он со вниманием и интересом следил за работой Кручинина и привлеченного им на помощь Фадеича.

Старик принялся перебирать карточки. Одни из них он молча откладывал влево, другие — вправо, третьи клал перед собой.

Старик занимался своим делом молча, сосредоточенно. От времени до времени он поправлял съезжавшие на кончик носа очки, завертывал очередную самокрутку из невыносимо крепкого табака. Этот табак ему присылали откуда-то с юга бывшие правонарушители, и он гордился тем, что курит не такой табак, как прочие, а возвращенный руками тех, кого он когда-то «вылавливал».

Надо сказать, что эта своеобразная связь со своими бывшими «подопечными» была характерной черточкой старика. Он любил следить за судьбой своих отбывших срок «питомцев» и бывало даже помогал своим трудовым рублем тем, кто оказывался в трудном положении.

Кручинин работал так же молча, ни о чем не спрашивая Фадеича, и терпеливо наблюдал за стариком, стараясь по именам, оказывающимся в той или иной стопке, угадать его замысел.

— Ну что, Нил Платонович,— сказал, наконец, Фадеич.— Половина дела, глядишь, и сделана.

Грачик вопросительно глядел на Фадеича, ожидая продолжения. Старик же, лукаво подмигнув,

подбородком указал на карточки: «полюбопытствуй, мол». Кручинин в свою очередь с улыбкой наблюдал эту немую сцену. Ему всегда доставляло удовольствие видеть, что Грачик не ограничивается обязанностями, возложенными на него сверху, а, не жалея сил и времени, тянется ко всему, что может расширить его знания и горизонт.

Грачик пересмотрел карточки, но все же характер каждой из трех стопок оставался ему неясен.

— В левой — начисто ненужные, — сказал, наконец, старик.

— Это почему же? — поинтересовался Грачик.

— Вам еще не ясно? — спросил Кручинин Грачика. — Ведь мы уверены, что три институтских шкафа взломаны одним человеком. Вся подготовительная работа, как прорезывание стены и прочее, также сделана одним человеком. Вторых следов ни на одном месте преступления не обнаружено. Так?

— Так, — согласился Грачик.

— Следственно, — не скрывая торжества, подхватил Фадеич, — сей муж не мог быть хлипеньким?

— Да, наверно, сила у него была медвежья, — согласился Грачик.

— Ну и выходит: шушеру эту, — Фадеич пренебрежительно оттолкнул левую стопку карточек, — со счетов долой! Мелкий народ, слабосильный. — Он погладил свою седую бороду и не без самодовольства прибавил: — Всех знаю... Как живые предо мною: хлипкий народец.

Кручинин без колебания сгреб отодвинутые карточки и бросил в ящик стола.

— А эти? — он ткнул в стопку направо.

— Сомнительные, — с оттенком виноватости сказал старик. — Есть и такие, которых я не видывал. Варшавские попадаются. Эти особенно подозрительны. Хотя должен доложить, что хотя поляк в своей специальности человек и тонкий, но корпуленции у него той нет, чтобы кассы в одиночку ворочать. Да кассист-поляк на дело один никогда и не хаживал. Артелью работали, интеллигентно. Следственно: по мне бы, всех поляков из этой пачки вон.

— Выкинуть?

Старик согласно кивнул:

— Выкинуть.

Кручинин задумался было, но потом стал все же перебирать карточки, отделяя всех известных взломщиков варшавской школы. Впрочем, на этот раз в его движениях не было прежней решительности. Можно было подумать, что он сомневается в правильности того, что делает.

На столе осталась последняя пачка. Грачик понял, что в ней теперь все дело: если и тут не окажется подходящих фигур, значит, все розыски были напрасны. Небольшая стопка карточек лежала перед Фадеичем, но ни он, ни Кручинин к ней еще не притрагивались, словно боясь потерять последнюю надежду.

— А вот этих бы под стеклышко, — сказал, наконец, старик, ни к кому не обращаясь, и его желтый, обкуренный ноготь так уперся в верхнюю карточку, что на ней осталась глубокая злая черточка.

Грачик пересчитал отложенные карточки.

— Тридцать шесть, — сказал он негромко.

На лице Кручинина не отразилось особенного удовольствия: все это были опытные медвежат-

ники. Нелегко будет произвести среди них отбор. Он отпустил Фадеича. Проверку «тридцати шести» решил произвести сам. Хотел своими глазами по следственным делам, по обвинительным заключениям, по приговорам установить каждый шаг каждого из тридцати шести.

На время работы Кручинину пришлось выключиться из проверки личного состава ограбленных институтов. Над этой работой сидел почти весь его отдел и эксперты. Но пока проверка не дала положительных результатов: ни один из взятых образцов почерка студентов и сотрудников не сходился с почерками на возвращенных конвертах.

Сутки за сутками, едва показываясь дома, чтобы соснуть несколько часов, Кручинин проводил в пахнущих пылью и лежалой бумагой архивах Наркомвнудела, милиции, судов. Грачику была доверена только подготовительная работа. Папки всех отобранных дел Кручинин просматривал сам. Одна за другой проходили перед ним невеселые биографии «тридцати шести». Десятки фигур, десятки человеческих судеб — таких разных по пройденному пути и таких схожих по финалу. Наиболее поучительные из дел Кручинин передавал Грачику. Он хотел, чтобы молодой человек увидел эту печальную сторону жизни во всей ее неприглядности. Грачик должен был на этих грустных примерах крушения человека понять, к чему вели условия бытия в дореволюционной России, как устойчива тина порока и как гибнет в ней человек, однажды на минуту поддавшийся ее засасывающему действию. Нужно было много человеколюбия и мужества, чтобы не отказаться от разгребания этой выгребной ямы общества.

Кручинин настойчиво продолжал эту работу.

В результате он смог распределить карточки предполагаемых преступников, подходящих под признаки данного дела, по определенным категориям. Грачик производил последующую проверку по рассортированным карточкам.

Одни медвежатники оказывались умершими; другие отыскивались в местах заключения или поселения — такие тоже отпадали;

третьи, покончив с прошлым, мирно трудились и были вне подозрения;

четвертые...

Их оказалось семь.

Они не значились ни умершими, ни сидевшими, ни работающими. Следы их терялись в тумане неизвестности. Впрочем, неизвестность — не совсем точное выражение. Было известно, что пятеро из семи вскоре после революции организовали крупное ограбление; они похитили несколько слитков платины и на очень крупную сумму золота в слитках и исчезли бесследно. Этими пятью были: Медянский, Паршин, Горин, Вершинин и Малышев. Паршин был несколькими годами позже задержан при попытке перейти советскую границу со стороны Польши. Он был судим и очутился в лагере, откуда бежал и снова бесследно исчез. Остальные двое из семи — Грабовский и Аранович, вовсе не фигурировали в делах советского периода. Быть может, они бежали из пределов Советской страны сразу после Октябрьской революции, справедливо решив, что здесь им делать больше нечего, либо умерли в неизвестности, «удалаясь от дел».

Из отобранной семерки с большой долей вероятия выпадал и Медянский как человек слишком преклонного возраста и слабого сложения. Было почти невероятно, чтобы он мог принимать уча-

стие в ограблении институтов, не говоря уже об единоличных взломах.

Кручинин собрал совещание, чтобы посоветоваться. Взвесили решительно все детали, до самых мелких. Круг имен, которые можно было разрабатывать, сузился до четырех: Паршина, Горина, Вершинина и Грабовского. Но данные разработки подтвердили, что Горин и Вершинин после похищения золота и платины исчезли бесследно. И Паршин, как уже сказано, бежал из лагеря и бесследно исчез. Следовательно, почти пять лет, до года совершения трех налетов на институты, Паршин находился в неизвестном отсутствии; имя Грабовского, виднейшего московского афериста, мошенника и вора, исчезло с горизонта Уголовного розыска с первых же дней Октября.

Таким образом, разработка, проведенная под руководством Кручинина, привела отдел к положению, которое можно было характеризовать словом, очень близким к слову «тупик».

Грачик с плохо скрываемым волнением следил за этой работой Кручинина. Он не обладал еще ни опытом, ни достаточной выдержкой. Ему казалось, что все усилия затрачены напрасно, и дело, действительно, зашло в тупик. Кажется, он больше самого Кручинина переживал неприятность создавшегося положения и ясно представлял себе, что должен будет испытать его старший друг, когда все же, вопреки всем стараниям и надеждам, на папке дела о медвежатнике придется написать «не раскрыто» и положить ее в левую тумбу кручининского стола. Со свойственным ему темпераментом южанина, Грачик почти ненавидел эту «левую тумбу». Иногда ему казалось, что, сумея он в нее забраться, он непре-

менно распутал бы все, что там застряло. Но тумба всегда была закрыта. Кручинин его туда не пускал. А когда ему доводилось поймать устремленный на нее взгляд Грачика, Нил Платонович с усмешкой говаривал:

— Не спеши, коза, в лес — все волки твои будут.

На совещании отдела, собранном по делу медвежатника, Фадеич беспомощно развел руками и поднял худые сутулые плечи: можно было подумать, что он не находит слов для характеристики положения.

— Что же будем делать? — тихонько спросил его Грачик. Но в ответ старик снова только пожал плечами.

Кручинин медленно, в раздумье, собрал разложенные на столе четыре карточки, аккуратно собрал их в одну стопку и прижал рукой.

Несколько мгновений он глядел на собственную руку, словно надеялся увидеть под ней неожиданную разгадку тайны, затерявшейся где-то вместе с судьбами четырех преступников. Но когда он поднял взгляд на притихших сотрудников, в его глазах нельзя было прочесть не только безнадежности или отчаяния, но самой легкой тени сомнения. В голубых глазах поблескивали искорки, казалось, беспричинной и даже неуместной сейчас веселости. При виде этой веселости седые брови Фадеича недовольно сошлись над мясистым красным носом. Старик не был педантом, но он не ожидал такого легкомыслия от начальника, хоть и мягкого на вид, но всегда собранного и «крепкого» работника. Старик недовольно хмыкнул и, чтобы скрыть недовольство, принялся за скручивание своей цыгарки. Самокрутка частенько выручала его из затруднений

во время противных его характеру и манере работать совещаний у начальства.

— Кто-то из вас произнес слово «тупик»? — негромко сказал Кручинин и обвел сотрудников взглядом. Но те только переглянулись между собой. Никто не ответил. — Значит, мне это послышалось. — Кручинин рассмеялся. — Тем лучше. Выходит... это слово пришло на ум мне одному?

Взгляды сотрудников выразили удивление.

— Иногда в журналах в отделе «Час досуга» печатаются эдакие замысловатые картинки под названием «Лабиринт», — продолжал Кручинин. — Читателям, которым некуда девать время, предлагается войти в лабиринт и попробовать из него выбраться. Большинство приходит в тупик. Потеряв терпение, игру бросают. Редко кто находит выход... А не попробовать ли нам сыграть?

Кручинин взял в руку четыре карточки, развернул их веером, как игральные карты.

— Картишки, признаться, дрянь, — брезгливо проговорил он.

— А играть в них необходимо! — вырвалось было у Грачика, но тут же он смущенно осекся: ведь он был самым молодым и неопытным. Ему полагалось помалкивать.

— Кабы знать, что у тех на руках, — не в тон этой шутливости, серьезно проворчал Фадеич. — Но знать сие нам не дано...

Да, знать это не было дано никому из присутствующих. Никто из них не мог проникнуть взором в далекое прошлое, где начинался путь преступлений каждого из четырех, чьи имена значились на карточках, которые держал Кручинин. Только одного из четырех этот путь привел в стены четырех советских институтов. Кто же он?

Когда вечером Кручинин и Грачик сидели за стаканом чая, весь вид молодого человека говорил о том, что он ждет, когда Кручинин заговорит о деле. Но тот делал вид, будто вовсе забыл о нем и его больше всего интересует новое издание «Истории искусств», просмотром которого он был поглощен.

— Я думаю,— проговорил он задумчиво,— что когда-нибудь, когда не будет больше в нашей стране ни медвежатников, ни домушников, ни иных всяких подлецов, и мы с вами больше не будем нужны на этом темном фронте, нам скажут: а ну-ка, братцы, займитесь теперь настоящим делом: расследуйте-ка, каким же это образом наш народ оказался изолированным от такого искусства, как французское? Какой это академик-разакадемик, что запер в подвал Ренуара и Ван-Гога, Матисса и Манэ? Кто те подлецы, что распродавали лучшие сокровища наших галерей?.. Вот, дорогой мой, это будет работа!.. На ней мы отведем душу.

Он захлопнул том и встал из-за стола. Грачик смотрел на него умоляюще.

— Что вы? — обеспокоился Кручинин.

— Нил Платонович, — тихо выговорил Грачик, — а как же с медвежатником?

Кручинин нахмурился:

— Вы хотите знать, кто он?

Грачик молча кивнул головой.

— Если вы еще когда-нибудь зададите мне такой вопрос в начале дела, — строго сказал Кручинин, — наши пути пойдут врозь.

Грачик опустил глаза и смутился: зачем он задал вопрос, на который никто не может ответить? Никто... Даже Нил Платонович!.. Глупо, очень глупо!..

1. КУРЬЕРСКИЙ ПЕТЕРБУРГ — МОСКВА

— Ну, Колюшка, пора мне,— сказал Федор Иванович, защелкивая крышку золотых часов и небрежным движением опуская их в жилетный карман.

Слова Федора Ивановича были обращены к сидящему рядом с ним на диване сыну-гимназисту лет пятнадцати, влюбленно-восторженными глазами глядящему на отца.

Федор Иванович поднялся и истово перекрестил сына.

Мальчик взял в обе свои маленькие руки его пухлую, короткопалую руку и звонко поцеловал.

— За хозяина остаешься,— и Федор Иванович неторопливо, как он делал все, обвел вокруг себя, как бы желая обратить внимание сына на все, над чем ему предстояло хозяйствовать на время отъезда отца в Москву.

Через несколько минут извозчик вез Федора Ивановича Вершинина с Восьмой линии Васильевского острова на Николаевский вокзал. В ногах извозчика лежал небольшой чемодан желтой кожи, сам же Федор Иванович, откинувшись на спинку сидения и поставив между ногами трость с большой рукоятью из слоновой кости, поглядывал на панели. Взгляд его особенно внимательно останавливался на женских фигурах.

При этом широкое, по-модному бритое лицо Федора Ивановича сохраняло самое серьезное выражение. Никто не угадал бы игривых мыслей этого солидного сорокалетнего мужчины, в шубе с воротником и отворотами великолепного барашка. На голове Федора Ивановича красовался

новенький котелок, поддерживавший солидность всей его фигуры.

Справа Нева дышала еще холодом невоскрывшегося льда, а копыта лошади месили уже весеннюю хлябь грязного снега. Федор Иванович подставил лицо дувшему с реки колючему ветру. Он ничего не имел против этого пронзительного питерского ветра. Вообще он любил в этом городе все. Москва?.. Москву он не любил и ездил в нее только по необходимости. Там было поле его деятельности. Там дни были наполнены только суетой и страхом. В Москве им неотступно владела боязнь сорваться, сделать ложный шаг. Тогда полетит в тартарары все, что есть у него здесь, в Питере, и там, в недавно купленной тверской усадьбе Скворешники. А эта усадьба была венцом его мечтаний. Но пока еще, даже в этом новом для него гнезде, Федор Иванович не чувствовал покоя. И там он постоянно находился во власти страха и неверия в реальность происходящего. Он твердо решил, что для того мира, в котором он вращался в Москве, Скворешники будут такой же тайной, какой был сын Колюшка.

Пролетка взобралась на крутой подъем разводной части Николаевского моста и, поравнялась со стоящей на ее развилине часовней Николая угодника. Федор Иванович отвел взгляд от реки и, обернувшись к освещенному большому зеркальному стеклу часовенки, левой рукой чуть приподнял котелок, а правой сделал несколько быстрых, мелких крестиков, незаметных со стороны.

Эта многолетняя привычка означала у него как бы прощание с Петербургом. Ежели ему доводилось уезжать, не миновав часовенки, Федор

Иванович чувствовал себя так, словно лишился благословения чудотворца — покровителя странствующих. А Федор Иванович был суеверен. Он не любил начинать дело не перекрестившись. Его наблюдения говорили: всякий раз, когда он покидал родной город, не переглянувшись со святым Николаем, дело у него либо вовсе срывалось, либо кончалось не так, как он того хотел.

На Невском, возле Екатерининского канала, Федор Иванович прикоснулся тростью к спине извозчика и тот послушно остановился.

— Подождешь, — барственно бросил Федор Иванович извозчику и перешел на правую сторону Невского. Там, в маленькой кондитерской, над скромной дверью которой было золотыми буквами выведено по-французски единственное слово «Рабон», Федор Иванович выбрал нарядную коробку и приказал наполнить ее глазированные каштанами. Эти каштаны — специальность французского кондитера — были для Федора Ивановича тоже чем-то вроде благословения Николая угодника. Без них он не любил приезжать в Москву. Такова была многолетняя традиция, установившаяся в его отношениях с живущей в Москве младшей сестрой Катей.

Когда у вокзальной лестницы носильщик, подхватив чемодан, потянулся к пакету с каштанами, Федор Иванович подал ему его с тем же самым наставлением, какое неизменно делал всякий раз у этих ступеней: с пакетом следовало-де обращаться с осторожностью.

Федор Иванович не любил брать билет на городской станции. Сдав вещи носильщику, он всегда сам подходил к кассе. Хотя по курьерскому поезду, с которым ехал Федор Иванович, и по его собственному виду почти с уверен-

ностью можно было сказать, что едет он не иначе как до самой Москвы. Не в Бологое же и не в Клину сойти человеку в эдакой отличной шубе, державшему подмышкой эдакую великолепную трость и так ловко, не скидывая перчатки, вынимавшему из портмоне шестнадцать рублей за билет?!

Всякий раз Федор Иванович наклонялся к самому окошечку кассы и доверительно, так, чтобы его мог слышать только кассир, требовал себе билет первого класса до Москвы, притом непременно с нижней плацкартой.

В вагоне Федор Иванович осваивался быстро. Совершив два-три конца по коридору и перекинувшись несколькими словами с проводником, Федор Иванович уже в точности знал, кто в каком купе едет. В зависимости от этого он и завязывал интересующие его знакомства. Из этих знакомств он решительно никогда не извлекал какой-либо заметной для других пользы: он даже, как правило, не принимал участия в роббере винта, который сам же организовывал. Быстро и умело перезнакомив между собой пассажиров, едущих в двух соседних купе, он с уверенностью железнодорожного завсегдатая растворял разгораживавшую эти купе складную дверь-переборку.

Самое большее, что он себе позволял в разгар роббера — подсесть к кому-либо из игроков и дать несколько безошибочных советов или с видом знатока покритиковать неудачный ход.

— Помилуйте, сударь мой,— солидным баритоном говаривал в таких случаях Федор Иванович,— кто же это при полном ренонсе в пиках да при такой коронке объявляет малый шлем? И себя и партнера подводите. Если уж у меня на руках...

И Федор Иванович обстоятельно объяснял, как бы он поступил на месте игрока. Объяснение бывало дельным и поднимало авторитет Федора Ивановича в глазах игроков.

Располагаясь на этот раз на бархатном диване вагона, Федор Иванович вспомнил, как он уезжал из Питера, ехал в поезде и приезжал в Москву последние разы. Бог даст и теперь первопрестольная встретит его суетой белых передников, сочным свистком толстого обер-а и бесконечной вереницей веселых московских «ванек». Бог даст... Но... мало ли что может случиться за шестнадцать часов пути? Все в руке божьей!.. Пока, правда, все шло преотлично: разведка произведена, знакомства завязаны, выбор сделан и, что греха таить, выбор, кажется, неплохой. Традиционный винт организован, и винтеры до сих пор разыгрывают неподатливый роббер, уже без советов Федора Ивановича. Сам же организатор винта, уединившись в своем купе с приятным попутчиком, ведет неторопливую беседу о том о сем.

Попутчик его, крупный мужчина в несколько старомодном черном сюртуке, шелковые лацканы которого до самого живота покрыты окладистой седой бородой, говорил не спеша, негромким густым баском с хрипотцой. Уже в самом баске этом чувствуется, что человек этот знает цену себе и каждому своему слову.

— Нет уж, государь мой, — мягко перебил его Федор Иванович, ласково прикоснувшись кончиками пальцев к коленке собеседника, — тут вы меня не убедите: никогда московскому воспитанию не достичь петербургского уровня. В Питере, скажу я вам, самый воздух действует, так сказать, воспитующе.

— Однако же, — пробасил старик, — ежели имение ваше, как изволите говорить, в Тверской губернии, то и тяга ваша должна быть к нашей белокаменной.

— Когда мне не в качестве отставного коллежского советника, а как тверскому помещику, — Федор Иванович с особенным удовольствием произнес это слово, — приходится подумывать о брэнной стороне существования, сознаюсь: тоже забываю и дворянство, и чины, и, — Федор Иванович округло взмахнул: — к вам, на Никольскую, на Ильинку...

— А по какой части в Москве дела ведете?

— Да разные, знаете ли. Вот теперь хочу маслобойный завод ставить, а то до сих пор лен-батюшка гнал меня к вашим толстосумам.

— Лен, говорите? — старик погладил бороду. — Как же это вы моих рук-то миновали?

— А, простите, с кем имею честь? — спросил Федор Иванович и несколько наклонился вперед, хотя уже отлично знал фамилию собеседника из предварительных расспросов проводников.

Старик с усмешкой назвал одну из самых известных мануфактурных фамилий России. Выяснилось, что едет он из Пскова, где запродавал партию белого товара. При этом сообщении старик машинально притронулся концами пальцев к груди. Там сюртук его был заметно оттопырен туго набитым бумажником.

Заметив проходящего по коридору проводника, Федор Иванович приказал стелить. Собеседники вышли в коридор, и приятное знакомство закончилось на том, что мануфактурщик положил себе в карман визитную карточку Федора Ивановича.

Проводник вышел из купе:

— Постелька готова-с.

Попутчики распрощались, и мануфактурист важно удалился в свое купе...

Утром, перед Москвой, Федор Иванович вставал обычно одним из первых, чтобы не пропустить пирожки с вязигой, претотменно готовившиеся в клинском буфете.

В Москве, до Боярского двора, Федор Иванович заехал к сестре Кате. Вместе с каштанами он вручил ей для сбережения небольшой пакет, плотно увязанный шпагатом. Что лежит в пакете, он не сказал. Он знал, что, по установившемуся между ними неговоренному уговору, сестра любопытствовать не станет. Мануфактурист же лишь к середине дня, когда выкинул на конторку толстый бумажник и велел сыну сдать артельщику его содержимое, узнал, что этот пухлый бумажник набит плотными пачками чистой бумаги, в которых только верхние листки были настоящими «петрами» и «катышами».

Уже в Боярском дворе, в гостиничной парикмахерской, когда мастер нежно водил по щекам Федора Ивановича бритвой, то и дело заботливо осведомляясь «не тревожит ли?», тому пришло вдруг в голову, что, может быть, именно сейчас вот; в эту самую минуту, обворованный купец раскрывает бумажник и начинает перебирать в уме все подробности своего путешествия; как он думает, трет морщинистый лоб, теребит седую бороду и час за часом, минуту за минутой вспоминает поездку, вспоминает его, «коллежского советника» и помещика Вершинина...

Тут полные щеки Федора Ивановича начали вздрагивать так, что мастер в испуге отвел бритву. Федор Иванович растерянно пробормотал что-то о нервах.

Страх делал его память такой острой, что он

в точности восстанавливал теперь каждый свой шаг в вагоне, каждое слово. Вспомнив, что он вручил мануфактуристу визитную карточку, Федор Иванович почувствовал, как у него холодеют колени. Но тут же он себя успокоил: эта карточка его еще никогда не подводила. Купец допустит все, что угодно, кроме того, что вор мог вручить ему свою карточку с адресом. Такого еще не бывало. Нет, нет, никогда не бывало!

А все-таки, может быть, на будущее время воздержаться от этих «карточек»? Чем черт не шутит?..

Федор Иванович закрыл глаза и откинулся в кресле.

— Кажется, унялось... можно бриться.

Ласковые прикосновения парикмахера мало-помалу привели в порядок расхолодившиеся нервы.

— Позвольте, Тройной, Брокер, Цветочный, Кельнский?

Под укоризненным взглядом клиента мастер смущенно пробормотал:

— Виноват, запомнил-с...

Федор Иванович никогда не употреблял одеколона после бритья. Он слишком любил гладкую розовую кожу на круглых своих щеках, чтобы позволить портить ее одеколоном. Только чистая холодная вода способствует сохранению свежести.

С кресла Федор Иванович поднялся чуть-чуть утомленный воспоминанием об украденных деньгах. Он знал, что это быстро пройдет. Состояние не было для него новым и случалось с ним почти всегда после «дела». Особенно ежели перед тем бывал длительный перерыв в работе.

Федор Иванович велел приснуть на себя духами «Кожа испанки». Он их очень любил, но

пользоваться ими позволял себе только в Москве, на работе. Дав мастеру гривенник на чай, он уже в отличном настроении поднялся в номер.

Номер был невелик и скромн. Федор Иванович не любил попусту бросать деньги. Считал, что уже самого того факта, что он живет на Боярском дворе, как прикрытия, совершенно достаточно. Пускать пыль в глаза ценой номера нет надобности. Ежели же, не дай бог, что-нибудь случится, то не все ли равно в каком номере — в большом или маленьком?

Опустившись в кресло возле телефона, Федор Иванович некоторое время в задумчивости ногтем сбивал зацепившиеся за рукав волоски, ускользнувшие от щетки швейцара парикмахерской. Потом позвонил и приказал подать список городских телефонов.

2. ГУСАР СМЕРТИ

— «Том был мальчик хоть куда и служил он в чайном магазине...»

Роман Романович щелкнул пальцами и, притопывая носком лакированного сапога с кокардой у коленки, грассируя, пропел еще одну строку из запомнившейся новой песенки. Он впервые слышал вчера Изу Кремер. Понравилась.

— «...рра-а-зносил покупки он в корзине...»

Он прервал себя на полутакте и приотворил дверь. Совсем другим, зычным голосом, в котором чувствовалось умение командовать, крикнул:

— Степан, черт тебя подери!

— Бегу-с.

Коридорный вбежал в номер и с хода подал черную венгерку.

— Ни пушинки-с! — угодливо сказал он и, лиз-

нув себе ладонь, провёл ею по спине Романа Романовича.

Венгерка сидела складно, обрисовывая сухую фигуру Романа Романовича. Кабы шнуры на груди были не черными, а серебряными да на плечах были погоны александрийского гусара!.. Не случайно же на визитных карточках Романа Романовича Грабовского мелким шрифтиком внизу было набрано: «Корнет в отставке». И без этого всякий с первого взгляда опознал бы в нем бывшего кавалериста, не имеющего сил расстаться с родной венгеркой.

Впрочем, дело было не только в любви к мундиру. Роману Романовичу давным-давно пришлось снять его из-за некрасивой истории с пропажей денег у товарища по полку. Куда большую роль в его приверженности к подобию военной формы играло то, что это одеяние, сразу изобличавшее в нем бывшего гусара, служило неплохой маской. Она не раз отводила от Романа Романовича руку полиции. А профессия Романа Романовича требовала в этом смысле особой предусмотрительности. Он давно был своим человеком в компании самых отчаянных московских аферистов-кукольников и банковских воров. Немало денег переключало через руки Романа Романовича из портфелей незадачливых купцов и артельщиков в кассы тотализатора и в бездонные карманы цыганок Петровского парка. Все знали там бесшабашного гусара, пропивающего наследство какой-то саратовской бабушки.

Нынче Роман Романович был в отличном расположении духа. Всего два дня, как удалось наколоть¹ отменное дельце: в конторе Волжско-

---

¹ Наколоть — взять, обработать дело (воровской жаргон).

Камского банка судьба подарила ему ни много ни мало — шесть тысяч рубликов. Дело было так: тщательной разведкой было установлено, что одному зарядьинскому канатчику, поставлявшему веревки чуть ли не всем пароходствам, предстояло получить в банке значительную сумму для расплаты с мелкими поставщиками пеньки. Этот канатчик был избран ворами по следующим соображениям. Грабовскому удалось познакомиться с ним на бегах. Туда часто езживал купец. Грабовский сблизился с ним, подав несколько удачных советов по части тотализатора. Дальнейший контакт поддерживался тем, что каждый божий день — надо не надо — Грабовский стал захаживать в трактир Егорова, что в Охотном ряду, и есть там блины и рыбу, которыми славился трактир. Делал это Роман Романович только ради того, чтобы держать под наблюдением канатчика — завсегда этакого трактира. Грабовский установил, что купец ходил в банк один. Это было удобно во всех отношениях. Способ, по которому работал Грабовский со своим помощником, сводился к мгновенному отвлечению внимания получателя денег от его портфеля. Тогда этот портфель подменялся точно таким же, заранее изготовленным и набитым чистой бумагой.

План был разработан во всех деталях. Все привычки и повадки купца учтены. Порядки Волжско-Камского банка давно известны. Оставалось одно: изготовить копию портфеля, с каким канатчик ходит за деньгами. И вот тут-то план мошенника едва не уперся в тупик: оказалось, что ежели денег к получению предстоит немного, купец попросту набивает их в карманы; ежели же сумма велика, то кладет их в ледовский кошель;

сшитый из прочной, чуть ли не подошвенной кожи и по виду смахивающий на переметную сумочку Ильи Муромца. Об эту-то сумочку и споткнулись было намерения Грабовского: где взять ее копию? А копия должна была быть точной, иначе подмена будет сразу обнаружена.

С таким казусом Грабовский столкнулся впервые. До сих пор ему доводилось иметь дело с покупными портфелями. Сколь бы они ни были разнообразны — всегда удавалось найти схожий. В крайнем случае требовалась подгонка цвета.

Так что же — отказаться от плана? Нет, на это Грабовский не пойдет. Слишком много времени было убито на канатчика. Слишком много денег просажено с ним на бегах и проедено на блины с балыками. Начинать новую разведку за новой жертвой не было времени. Грабовский уже сидел без денег. И он решил: пан или пропал! Либо окончательно провалит дело, либо добудет копию сумки. Хотя бы на одну ночь, хоть на несколько часов, но висевшая на гвозде в лабазе канатчика сумка должна оказаться в руках отставного корнета.

Было дано знать на Хиву¹. Один из наиболее квалифицированных рецидивистов-домушников получил задание: вечером перед самым закрытием лабаз сумка должна быть украдена; на утро, едва лабаз будет отперт и прежде чем хозяин успеет заметить отсутствие сумки, она должна быть на месте. Вор-домушник, которому через посредника посулили хорошее вознаграждение, не стал вдаваться в обсуждение странного заказа. Целую ночь сумка находилась в распоря-

---

¹ Хитров рынок — место средоточия мелкого жулья, называвшего Хитровку — Хивой, а себя — хивинцами. «Хитрованец» — считалось кличкой презрительной.

жении шорника, изготовившего с нее точную копию.

Вор даже не знал — на кого работает. Грабовский был спокоен за то, что тут его не могут выдать.

Два дня ушло на то, чтобы затереть новую сумку до состояния сильной подержанности, в каком находился подлинник.

После этого оставалось ждать, когда канатчик пойдет за деньгами.

Когда он явился в банк, получил свои двенадцать тысяч и, уложив их в дедовскую сумку, в последний раз склонился было к окошечку кассы, чтобы проститься с кассиром, за его спиной раздался хорошо знакомый голос отставного гусара:

— Здравия желаю, Ферапонт Николаевич! Обратите внимание, какой-то хам плюнул вам на поддевку.

Купец на мгновение машинально оторвался от стойки, чтобы глянуть на свою полу, — даже не обтереть ее, а только глянуть. Этого мгновения было достаточно: вместо сумки, наполненной деньгами, около его локтя лежал дубликат, набитый чистой бумагой. Это была работа сообщника Грабовского, стоившая корнету ровно половины куша — шесть тысяч рублей. Но и оставшиеся на его долю шесть тысяч были достаточным вознаграждением за игру на скачках да за месяц неумеренного блиноедения.

На следующий день Роман Романович был на обычном месте в трактире Егорова. Он сидел за столиком по соседству с «собственным» столом канатчика и делал вид, будто рассматривает посетителей. Грабовский знал, что до половины второго, когда половой, за минуту до прихода ка-

натчика, в последний раз, для вида, обмахнет салфеткой белоснежную скатерть и сверкающий прибор, оставалось еще по крайней мере пять минут. Но всякая дрянь уже лезла в голову экс-корнета. Черт знает чего только не могло случиться! Что ежели купчине придет в голову поинтересоваться — зачем это он, отставной корнет Грабовский, был в тот день в Волжско-Камском банке? Какие такие были у него там дела? А что ежели (хотя это и маловероятно) купец заметит, что сумка-то не та, не дедовская? Хотя нет, этого не может быть, — Роман Романович лично проверил наличие в ней деталей той старой, вплоть до непарных пряжек на застежке, толстой драгвяной починки на углах...

Ну, а ежели все же?

Пойдет розыск: откуда взялась да кем скопирована?..

Впрочем, и это не страшно: ищи теперь ветра в поле...

К тому времени, когда канатчик, наконец, оказался в зале, Грабовский успел успокоиться. Но тут, при виде внимательных сердитых глаз купца, скользкий страх снова заполз в корнетскую душу. Понадобилось напряжение всей воли, чтобы быть таким же, как всегда — беззаботным любителем блинов, лошадей и цыганок.

Кажется, все обошлось.

Но даже на следующий день Грабовский успокоился лишь тогда, когда канатчик сам предложил после обеда поехать на бега, чтобы «заиграть обиду».

Нынче, на третий день после кражи, Роман Романович впервые позволил себе уйти от Егорова прежде, чем закончил обед канатчик. Нынче он не желал наедаться блинами. Хотелось снова.

как прежде, «разговеться» у Оливье, пустить первую «канатную кату» в обмен на все то, что может дать «порядочному человеку» французская кухня.

Роман Романович взбежал к себе в номер «Мадрида» и, полежав с часок, принялся одеваться. Он стоял уже перед зеркалом, надевая черную фуражку с белыми кантами и с кокардой, а за ним, в нескольких шагах, умильно склонив голову, держа николаевскую шинель в седых бобрах, стоял Степан. Но тут-то Роман Романовича и позвали к телефону.

Разговор был недолгим, но разрушившим планы Грабовского.

— Отставить! — крикнул он Степану и с досадой швырнул на подзеркальник фуражку.— Штатскую тройку.

Пока Степан готовил платье, Грабовский сбрасывал венгерку и шелковую рубашку, неотрывно глядя в зеркало. Вдруг он остановился и подошел к своему отражению так, что чуть не прикоснулся к его носу своим собственным. Он глядел так, что можно было подумать, будто видит себя впервые или по крайней мере после долгой разлуки. Сощурившись, он потрогал пальцем щеку и даже притронулся к мешку под глазом. Кожа была дряблой, нездоровой. Волосы, взъерошившиеся, когда он снимал рубашку, оказались жидкими, липкими от брильянтина. Упавший в зеркало из-за спины Грабовского луч солнца с ненужной ясностью подчеркнул, что цвет лица у Романа Романовича желтый и черты лица не только некрасивые, а даже неприятные: нос слишком длинный, красный, губы тонкие, злые и противного синеватого цвета. А глаза... Дойдя до оценки своих мутных, подернутых слезой глаз

пьяницы и развратника, Грабовский отвернулся и злобно сплюнул. Он себе не понравился. Знал, что больше всего изматывает страх, отвратительный липкий страх, неотступно преследующий его в первые дни после каждого «дела». От этого и рожа делается желтее лимона, и глаза слезятся, и волосы лезут, как у «отбракованного мерина», — подумал Грабовский.

3. ДОМ В БУТЫРКАХ

Бутырские дворники хорошо знали сумрачную фигуру Петра Петровича Горина. Хотя власть его не распространялась за пределы принадлежавшего ему столь же мрачного, как он сам, четырехэтажного дома, все дворники при его появлении исправно ломали шапки и городовые отдавали честь. Горин славился на Бутырках не только крутостью нрава, но необыкновенной скарденностью и умением за грош выжимать из своих служащих такое, чего другой не возьмет и за целковый. Он не желал знать ни плотников, ни водопроводчиков, ни маляров. Все ремонтные дела по дому должны были справлять дворники. А так как дворников в доме было только двое и весь день у них уходил на разноску дров по квартирам, уборку двора и улицы, то на иные работы оставалась только ночь. И вот в то время как один из них отсыпался на дежурстве под воротами, второй вместо отдыха возился со всякого рода починками. От этого в доме стоял по ночам шум, досаждавший жильцам и возбуждавший их недовольство. Иные квартиранты, прожив уговоренный год, а то и не дожив его, съезжали. В доме всегда пустовало несколько квартир.

В этот день Петр Петрович, как и всегда,

обойдя двор, вышел за ворота. Там он стоял несколько минут, хмуро оглядывая улицу. Приняв поклоны соседних дворников с таким видом, словно это были его люди, и сплюнув сквозь зубы, он побрел домой. Под тяжестью его большого тела прогибались две толстые доски, проложенные поперек двора, поверх слякотной каши талого снега. Двор был узкий, темный, солнце не проникало в него никогда, и в углах снег держался до июня. Хозяин не разрешал тратить дрова на снеготаялку, пока околоточный не начинал клясться, что дольше терпеть не может и готов отказаться от очередной месячной трешки, лишь бы не нажить неприятностей.

По двору Петр Петрович бродил в глубоких «поповских» ботинках, чтобы иметь возможность сойти с досок и заглянуть во все углы своего владения. Поверх заношенного пиджака, а иногда и просто на исподнюю рубаху, у него бывало надето рыжее от времени драповое пальто; на голове — барашковая шапка, в которой серело уже немало плешей и молеедин. Лицо у него всегда было сумрачное, недовольное; маленькие светлые глазки глядели злобно из-под клочковатых бровей. Бороду Петр Петрович брил. Но так как сам он бриться не любил, а цирюльник стоил пятак, то щеки его почти всегда были покрыты неопрятной рыжей щетиной. В сочетании с растрепанными рыжими же усами щеткой эта щетина придавала его лицу совершенно разбойничий вид.

Постояв под воротами, пройдясь по двору и отругав дворников, Горин сбросил у черного подъезда ботинки и, отдуваясь, поднялся по загаженной котами темной лестнице во второй этаж, где была расположена его хозяйская квартира. Квартира была велика, но производила впечат-

ление донельзя тесной, так как была сплошь заставлена мебелью. Мебель была всякая: дрянная сухаревской работы — собственная и более добротная, оставшаяся от согнанных за неплатеж жильцов. На буфетах, на столах, шкафах и этажерках было много никчемных, таких же дешевых и дрянных, как сама мебель, безделушек. Петр Петрович принадлежал к числу тех воскресных завсегдатаев Сухаревки, что хаживали покупать «на грош пятаков», воображая, будто им действительно удастся счастливо приобретать редкости. В предметах искусства он ничего не смыслил, но покупать их любил страстно. Он полагал, что покупает за полтинник то, что стоит красненькую, не подозревая, что даже его полтинник — цена непомерно высокая для завали, которую он приносил домой.

Квартиру свою Петр Петрович называл «музеем». Он так искренне верил в ценность своих сокровищ, что никого посторонних в этот «музей» не пускал: как бы не обокрали.

Чем дальше, тем в квартире становилось тесней и душней от все нараставших груд ненужных вещей. А Горин все нес их и нес. Дворники говорили, что он и по ночам возился с разборкой и перестановкой этой дряни.

Вся семья Петра Петровича состояла из жены — оплывшей жиром и одуревшей от безделья бабы, лет на десять старше мужа.

Никто — ни всезнающие домовые кумушки, ни востроглазые татары-дворники — не знал, что эта игра в любовь к мусору у Петра Петровича — не больше как притворство. Он только ловко прикрывал ею занятие, которому отдавался по ночам в каморке, хорошо замаскированной шкафом и обоями и не имевшей видимого входа.

В тайну ночных занятий Горина не был посвящен никто. О самом существовании потайной каморки знал один единственный человек — его жена. Разве только те немногие контрагенты Горина, с которыми он имел деловые сношения вне дома, если бы они знали обстановку в его доме, могли бы догадаться о тайне чулана. Но Горин вел свои дела так, что эти контрагенты не знали не только его адреса, но и настоящего имени. Раз в неделю, на свиданиях в окраинных трактирах, он вручал порознь четверем личностям по двести рублей двадцатипятирублевыми бумажками своего изготовления и получал в обмен по сто рублей. Размер купюр, какими он получал эту сотню, Петра Петровича не интересовал. Он проверял в них только одно — подлинность.

Но этот промысел Петр Петрович считал для себя побочным, или, как называл его мысленно, «приватным». Душа его была в том основном, что составляло цель его жизни, — в домовладении.

Тысяча рублей в месяц квартирной платы жильцов составляли основу основ его психологического равновесия. Целью вожделенной и уже не такой далекой был для Петра Петровича момент, когда он приколотит доску со своим именем на облюбованном в центре города большом доме с тремя подъездами на улицу и с двумя дворами. Что тогда будет с его чуланом? На этот вопрос Петр Петрович не мог дать ясного ответа даже себе самому. Стоило его мечтам дойти до пункта о «приватном» промысле, как он начинал вилять перед самим собой. Один голос, громкий, басистый и уверенный, призывая в свидетели господ бога, заверял, что тогда — всему конец: «пожгу

все». Но другой, не столь громкий, вьедливый, быстрым шепотком успевал привести тысячу контрпроводов. Вопрос так и оставался нерешенным...

Закончив обход владений, Петр Петрович поднялся к себе и уселся за чай, собранный дворничихой. Петр Петрович не предъявлял никаких требований к сервировке, но чай пить любил долго, истово, пока не остывал самовар. При этом он съедал почти неправдоподобное количество бубликов. Бублики подавались горячие — прямо из булочной наискосок. Пеклись они по особому заказу. К определенному часу с корзинкой, обернутой мешком, за ними прибегала дворничиха. Бублики были большие, румяные, из желтого пахучего теста, плотные, как просфора.

Но сегодня чаепитие Петра Петровича было нарушено мальчишкой из бакалейной лавки, прибежавшим звать Горина к телефону.

То ли из экономии, то ли из других каких соображений, но Горин решительно отказывался пустить к себе в дом телефонный аппарат. Черное ухо трубки казалось ему подозрительным, словно было способно подслушивать. В случае надобности он пользовался телефоном соседней лавки.

Разговор по телефону был непродолжительным и со стороны Горина сводился к неясным междометиям. Но содержание его, повидимому, не понравилось Петру Петровичу. Он помрачнел и, вернувшись к себе, даже не допил чая. Посидев некоторое время в раздумье, побрился и стал одеваться не в обычный свой заношенный сюртук прошлого века, а в новую пиджачную тройку.

4. ЛЕСНАЯ БИРЖА «ИВАН ПАРШИН»

Иван Петрович Паршин — владелец небольшой лесной биржи на Сретенке — повесил телефонную трубку на рычаг аппарата и несколько мгновений стоял и глядел на нее, мысленно проверяя: все ли сделано? Потом с удовлетворением потер друг о друга большие сильные руки и, солидно откашлявшись, медленно пошел прочь. Все его движения были неторопливы, солидны — под стать его большому, крепкому телу и спокойному выражению большого благообразного лица.

Иван Петрович медленно прошелся по комнатам небольшой, добротной, без особой нарядности обставленной квартиры. Его взгляд с удовольствием останавливался на деталях обстановки: на мебели, на серебре, украшающем небольшую горку.

Когда Иван Петрович вошел в столовую, то почти с тем же выражением спокойного любования, с каким он оглядывал вещи в других комнатах, он остановил взгляд и на красивом лице женщины, сидевшей во главе стола. Она была крупная, белотела, но полна не более, чем следует женщине, желающей сохранить фигуру. Пышные светлые волосы были уложены в модную прическу, с большим валиком над высоким крутым лбом.

При виде Паршина ясные голубые глаза Фелицы вспыхнули и вся она, одним движением сильного тела, потянулась к нему. С поднятыми руками она ждала его приближения. Как только он подошел и спокойно нагнулся, чтобы поцеловать ее, полные белые руки крепко обвились вокруг его могучей шеи.

Он же отстранил ее руки и спокойно-ласково,

немного покровительственно похлопал ее по спине.

— Садись же, — сказала она Паршину, — все стынет.

— Есть не стану и кататься нынче не придется, — ответил он закуривая. — У меня деловое свидание.

— Значит, до ночи?

— Может статься.

— Пить станете?

— ...Ты меня знаешь.

В этом замечании было столько уверенности в себе, что она засмеялась. Она действительно хорошо знала, что нет силы, которая вывела бы его из равновесия. На людях он был тот же, что дома: всегда ровный, немногословный, владеющий собою.

При помощи Фелицы Паршин не спеша, тщательно оделся. Она сама завязала ему галстук острым большим треугольником, как учили в дорогом магазине, где всегда покупала ему белье.

Паршин хотел было надеть демисезонное пальто, но передумал. Не потому, что боялся холода, — он и в мороз мог бы пройти в рубашке, — но нынче нужны были бобры.

Подъезд маленького особнячка, в котором жил Паршин, выходил на просторный двор, занятый лесной биржей. Была в доме и другая маленькая дверь — в переулок. Но она стояла заколоченной. Никто, кроме Паршина и Фелицы, не знал, что закрывающие вход доски приколочены только к полотну самой двери, а над косяками одни шляпки ложных гвоздей в досках. Это был выход «на всякий случай».

Выйдя во двор, Паршин обошел штабеля желто-розовых досок, остропахнувших подогретой

солнцем смолой, остановился у одного из них и, прищурившись, словно оценивая, пригляделся. В глазах у него было то же выражение любования, что и давеча в гостиной у горки и в столовой, над красавицей Фелицей.

Заметив хозяина, из бревенчатой сторожки вышел приказчик и приблизился, сняв шапку.

— Ну как? — спросил Паршин.

— Тихо-с, — ответил приказчик таким тоном, будто был виноват в отсутствии покупателей.

— Ничего, — спокойно сказал Паршин, — сезон идет, покупатель будет.

Он и сам знал, что дела биржи идут неважно и не слишком надеялся на их улучшение, так как местоположение его двора было неудачно. Но это его не беспокоило. Держал он биржу исключительно для маскировки своей основной профессии — взломщика-кассиста. Вот придет время — наворует он миллион, и лучшие московские места, самые солидные биржи и дворы украсятся вывеской Паршина. Вот тогда он станет настоящим лесопромышленником. Сколько народу будет толочься вокруг него: техники и архитекторы, разорившиеся помещики и ловкие перекупщики, и само именитое московское купечество. И все будут глядеть ему в руки, а он будет решать. Одно движение его пальца будет значить больше, чем весь их гомон и суета. А из-под каждого топора лесоруба, из-под брызжущих опилками визгливых циркулярок в его карман, как щепки, будут лететь рубли. Эх, кабы не Фелицина жадность! Все отговаривает она его начинать: берет после каждого удачного дела деньги и прячет куда-то. И ему не говорит куда. Что на жизнь истратит, либо на наряд, только это и утекает, а все остальное — в кубышку. Сколько у нее там

уже собрано? Должно быть, много. Пусть бы все в оборот, можно бы и успокоиться. Эх, Фелица, Фелица, ненасытный твой рот! В миллионщицы смотришь!

Он усмехнулся и вышел за ворота. На углу Пушкарева нанял извозчика и весело бросил:

— На Никольскую... Славянский базар, двугривенный.

Это прозвучало так уверенно, что извозчик даже не пробовал торговаться: барин цену знал.

5. СЛАВЯНСКИЙ БАЗАР

В полутемном «кабинетском» коридоре Славянского базара царила тишина. Толстая плюшевая дорожка скрадывала и без того мягкие шаги половых, ходивших в штиблетах на мягких подошвах без каблучков. Да к тому же и время завтраков — наиболее оживленное в «Славянском базаре» — прошло. Зал почти опустел, кабинеты освобождались один за другим.

Но, не в пример прочим, в одном из больших кабинетов, обставленном алой атласной мебелью с золотом и обильно увешанном зеркалами, лакеи только еще заканчивали сервировку. Их движения были ловки и точны. На скатерти, до того белой и до того наутюженной, что в нее можно было глядеться, как в зеркало, ломался свет люстры. Лучи его ударяли в хрусталь и дробились на тысячу тонких стрел, словно отброшенных глыбой девственного льда.

В сторонке, подрагивая коленками и глядя на лаковые носки своих щегольских ботинок на пуговках, расхаживал Грабовский. В его обязанность, как младшего, входило являться первым и заказывать кабинет для встречи шайки. Вер-

шинин и Горин пришли следом, почти одновременно. Не было только Паршина.

— Пожалуй, можно и заказывать, — сказал Грабовский, но Горин сердито махнул на него:

— Ну, ну, знаем мы тебя. Без порток уйдем. Пускай уже Федор Иванович, у него это дешевле выходит.

Действительно, Вершинин умел с блеском заказать обед, не вгоняя его в несусветную цену. Он поудобней уселся в кресло, движением пальца подозвал старого пологого и сложил руки на животе, предвкушая обильный и вкусный обед. Он не любил только деньги тратить, а поесть любил.

— Хвастайся, господин министр, — приказал он.

Половой — старик с подусниками, делавшими его похожим на Горемыкина, принялся степенно докладывать.

Вершинин слушал, переспрашивал и не спеша составлял меню.

Пальцы Горина, по мере того как он слушал, все крепче впивались друг в дружку. Наконец, он не выдержал и недовольно прогнусавил:

— Может, хватит? И так в трубу пустите.

Вершинин не успел ответить. Дверь кабинета отворилась, и на пороге показался Паршин. Он окинул всех внимательным взглядом:

— Честной компании...

Грабовский громко шелкнул каблуками и пробурчал: «Здравия желаю». Вершинин сделал ручкой, Горин же, глядя исподлобья, молча и отрывисто кивнул головой.

Заказы были закончены, блюда появились на столе. Сообщники уселись.

Разговор велся с виду самый незначительный. Только изредка, когда заговаривал Паршин, все становилось внимательны. Но и слова Паршина

не содержали ничего такого, за что сыскная полиция сказала бы спасибо прислушивающимся половым.

Секрет конспирации был прост: единственное, что между другими разговорами узнал у каждого из сообщников Паршин: готовы ли они принять участие в крупной сделке с Шуйской мануфактурой? Дело шло о «поставке» на несколько десятков, а может быть, и на всю сотню тысяч. Подробности дела, общий план и распределение обязанностей каждого участника должны были быть обсуждены Паршиным с каждым в отдельности на обычном месте свиданий — в сквере, у храма Христа Спасителя.

Члены шайки любили это место. Оно было достаточно уединенным в ранние часы дня. Благодаря высокому расположению из сквера были видны все подходы к храму. Это исключало возможность слежки. Хотя все были уверены в чистоте своего «кильватера», но... осторожность не мешает.

Вместе все четверо сходились редко и не иначе, как в дорогих ресторанах, вроде Славянского базара или трактира Тестова; реже в ресторане гостиницы «Метрополь» и никогда не собирались в ресторанах или трактирах средней руки, где любило бывать купечество. Мозолить глаза тем, кто в большинстве случаев становился их жертвами, было опасно.

В этот день у двух членов шайки имелись причины быть в хорошем настроении — у Грабовского и Вершинина. Может быть, в силу этого хорошего настроения нынешний обед несколько и затянулся против обыкновения. Наконец Паршин поднялся. Друзья разошлись поодиночке. Грабовский поехал в Петровский парк к цыганам,

Вершинин — к сестре за спрятанной пачкой кредиток. Горин поскорее шмыгнул прочь от подъезда, чтобы швейцар не видел, как он пошел пешком. Паршин поехал домой. Он не любил ни театров, ни женщин легкого поведения. Свободные вечера он просиживал дома. В особенности сегодня никуда не тянуло: ведь до утра нужно было обдумать детали сложного дела и распределить обязанности между участниками. Это было первое дело такого масштаба. Предстояло взять кассу правления одной из крупнейших мануфактур в Ветошном ряду. Паршин решил взять ее без подвода, то есть без участия кого-либо из служащих правления. Обычно их привлекали для осведомления о царящих в конторе порядках, времени прихода и ухода служащих, артельщиков, о способе хранения денег, системе охраны, системе несгораемых шкафов и т. д. Подвод значительно ускорял и упрощал дело, но стоил дорого. Однако в решении Паршина обойтись без подводчиков играло роль не желание сэкономить десять процентов добычи. Паршин никогда не экономил на организационных расходах. Но на этот раз он считал, что дело слишком крупное, мануфактура большая, со связями, ограбление поднимет шум, будет поставлена на ноги вся сыскная полиция. Начнут трясти всех и вся: подводчик может не выдержать и выдаст. А если и не завалит сразу, то позже, когда пустит в ход полученные от грабителей деньги, может попасться. В таком деле лучше было обойтись без риска, своими силами, хотя бы это и потребовало большего времени для подготовки.

Начать дело нужно было с очень тщательной разведки в недрах правления. Вершинину следовало выяснить платежные планы правления: ка-

кие предстоят поступления, платежи, когда можно ждать наличия больших денег? Вершинину с его обходительностью и способностью пускать пыль в глаза воображаемыми делами — это легче всех.

Грабовский пойдет по своей линии: займется молодым поколением правленцев и сынками тузов. Эти день и ночь таскаются по «Ярам» и «Стрельнам». «Корнет» начнет знакомство бегами, кончит цыганами и выведает у купчиков все, что требуется, о распорядках правления...

Горин будет обрабатывать артельщиков: каков порядок хранения денег в кассе, их сдачи в банк, приема от клиентов. А самому Паршину предстоит высмотреть, в какой комнате какой шкаф стоит, в каком из них деньги, системы шкафов, размер, фирму. Все это имеет значение для выбора способа взлома и инструмента. Правда, для Паршина эта часть была заранее почти predetermined. Способ, когда пускают в ход пламя кислородного аппарата и выжигают кусок стенки шкафа, в России почти не употреблялся. Шайка поляков привозила как-то американский аппарат, да никто из русских кассистов аппаратом не заинтересовался. Возни с ним не оберешься.

Излюбленным инструментом Паршина были дрель и гусиная лапа. Бог его силенкой не обидел и, ежели только приделать к гусиной лапе хороший рычаг, Паршин, почитай, всякий шкаф вскроет, как консервную банку.

Главное — не обмишуриться шкафом и убедиться в том, что гусиная лапа его возьмет, а тогда...

Паршин оторвался от своих мыслей и, оглянувшись, увидел, что подъезжает к Сретенским воротам.

— А ну-ка, поворачивай на Трубу, — сказал он извозчику.

С Трубной велел повернуть к Самотеке, поднялся по Садовой к Епархиальному училищу и дальше переулками доехал до Оружейного. Там он отпустил извозчика и пошел пешком.

6. ОБА КУРКИНСКИЕ!

В одной из Тверских-Ямских, в темном дворе, он уверенно отыскал низкую дверь полуподвала и постучал. Тут жил слесарь Ивашкин — старый поставщик инструмента для взломов, обслуживавший Паршина. Паршин знал, что с инструментом Ивашкина он уверенно может идти на любое дело — не подведет, не сломается в критический момент. За свое искусство Ивашкин и получал твердую долю со всех дел, где Паршин работал его инструментом — пять процентов.

Заказав Ивашкину необходимый инструмент, Паршин поехал домой. «Ванька» ему попался плохонький — еле тащился. Паршин машинально прислушивался к столь же тщетному, сколь непрерывному извозчичьему «ну-ну», на которое жалкая клячонка не обращала никакого внимания. Выведенный из себя возница привстал на козлах и, привалившись животом к передку пролетки, принялся стегать лошадь. С неожиданным интересом Паршин следил за взмахами извозчичьей руки и прислушивался к хлестким, полосующим ударам кнута.

— Будет, ну тебя, — с досадой сказал Паршин.

— Да как же, ваше степенство, кабы я не понимал, кого везу, а то видишь... У, тварь! — и извозчик снова размахнулся. — Ее кормишь, кормишь, а она...

— Врешь ведь, — проговорил Паршин. — Небось и забыл, когда последний раз овес давал.

— Овес?! Мы на сечке. С брюха смотрит, как жеребая, а силы-то и нету...

— Так бы и говорил: сечка. А то «кормим»... — Паршин поглядел на заплатанный, выцветший кафтанишко возницы, на нескладные большие рукавицы, перевел взгляд на испитое лицо с обвислыми, словно выдерганными усами и редкой бороденкой.

— В отхожем, что ли?

— А то как же. В отхожем.

— Так тебе бы давно уже в деревню пора.

— А то как же — пора...

— Чего же ты тут маешься?

— Маюсь, а то как же? — Извозчик сел совсем боком и принялся рассказывать Паршину длинную историю о том, как он всю зиму мается в Москве, как невозможно стало свести концы с концами, так как он один мужик на весь двор, а тут еще сноха-солдатка погорела, так и вовсе хоть плачь. Заработал полтора ста за зиму — все в деревню отправил. Теперь вот нечем хозяину извозного двора за солому платить...

— А ты из каких?

— Кукринские мы.

— Михайловской волости? — подавшись всем телом вперед, быстро спросил Паршин.

— Михайловской, а то как же!.. Да вы нешто знаете?

Паршин внезапно умолк. Извозчик, привыкший ко всяким седам, попробовал было еще говорить, но увидев, что седок уткнулся носом в шубу, снова повернулся к своей клячонке и принялся чмокать.

А Паршин исподлобья глядел на его выгнутую

кренделем спину и думал. Думал о родном Куркине, из которого ушел молодым парнем, о том, что, наверно, в Куркине и сейчас много таких вот мужиков, готовых целую зиму промаяться на морозе, без сна, впроголодь, чтобы отдать погоревшей снохе полторы сотни, собранных по двугривенным, по четвертакам, выстеганных из костлявой спины клячки. И сколько такой мужик переживает за свою долгую жизнь, что ездит извозчиком?! Сколько добра и зла пройдет перед его глазами! Сколько воров, громил и убийц перевозит он; каких разговоров наслушается по чайным! И частенько он подивится легкой жизни господ и разных лихих любителей чужого добра. И ни разу не шевельнется у него мысль, что-де можно бы и самому попробовать этой легкой жизни. Что ему стоило бы темной ночью скинуть где-нибудь в переулке пьяного седока или ограбить старушку, что попросила его подождать с вещами у дверей? А ведь вот не соблазнился же он этой жизнью, не пошел ни на кражу, ни на убийство. А почему же он, Паршин?..

Паршин еще глубже уткнул лицо в бобыры и ниже надвинул шапку. Словно боялся, что мысли его звучат на всю улицу. Не впервой приходило ему в голову это «почему». Почему все-таки большинство людей не соглашается свернуть на ту дорогу, которой пошел он, Паршин? Бояться? Нет, он знает среди честных людей вовсе не трусов. Недостаточно умны? Ерунда! Среди честных людей гораздо больше умных, чем среди воров. Слишком умны? Тоже неверно. Свет полон честных дураков. Ага, вероятно, дело в условиях, смолоду определивших путь того или иного человека. Скажем, Вершинин привык к чистой, сытой жизни, занимал хорошее положение.

Легко ли сказать: правитель дел железной дороги! И всего-то одна маленькая слабость была у него — картишки. Любил метнуть банк в клубе. И дометался. Проиграл казенные деньги, пробовал отыграться — пустил в ход приданое жены. Не зря, видать, говорят: «Не за то отец сына бил, что играл, а за то, что отыгрывался». Просадил Вершинин и приданое. Занял, где мог, — тоже проиграл. Отдавать нечем. Тут и подвернулся первый, плохо лежащий чужой бумажник. Соблазнился и... пошло.

Вершинин думает, будто Паршин не знает, что у «барина» в душе делается, воображает будто подработает еще малую толику и заживет как порядочный. Нет, брат, шалишь! Ступивший на этот путь, редко с него сходит. Возьми он на удачном деле хоть миллион — теперь уж не останешься. Горин — пример. Что ему нужно? Живет сурком, жует свои баранки. Неужто ж для этого мало дохода с дома? Жить бы да жить. Нет, черт его задави! Служить — не так голова, говорит, устроена. Открой торговлишку — процент, видишь, мал. Играй на бирже — рискованно! Зачем самому торговать, когда другие торгуют. Зачем рисковать, ежели другие за тебя рискуют. Вот Горину и полюбилось чужое. Запустил лапу в чужую кассу — и вся недолга. Да мало ему еще чужой кассы, он, подлец, думает, что Паршин не знает про его делишки с фальшивыми кредитками. Нет, брат, Паршин все знает! Ты, верно, рассчитываешь, да не совсем. За паршинские-то дела много-много — тюрьма, а казна обижать себя не дает. За одну фальшивую «сашеньку»¹ — полпрически долой и притом без

¹ «Сашенька» — двадцатипятирублевая кредитка (с изображением Александра III).

срока. И во имя чего? Ну, пусть втрое, впятеро, вдесятеро больше денег будет — толк-то какой? Опять те же опорки на босу ногу, баранки к чаю и старая баба на пуху... А взять хоть бы этого стрекулиста Грабовского. Пришлось похерить свое графство. Не со стыда, конечно, — от неудобства. Граф — на виду, заметно. Эдак, в старой венгерке-то легче. Украл деньги товарища, опозорил полк, офицерское свое звание. Перевернулись твои деды-графы в гробах? Пуля в лоб — и дело с концом. Так нет, жить захотел. И не как-нибудь, не с согнутой спиной, а все так же: возле лошадок, хоть бы и чужих, возле цыганок, хоть и не первого сорта. А ежели встретит где бывшего товарища — офицера, отвернется, не велика беда. В морду бросят «прохвоста» — утрется...

Паршин из-под края шапки поглядел на сутулую извозчичью спину... Куркинский! Вот и Паршин куркинский. У извозчика за зиму — полтора-ста рублей, а у Паршина тысяч пятнадцать перебивало. А что толку? Извозчик на своей дрянной клячонке вот-вот в Куркино вернется, там у него хоть изба — своя да двух сыновей-солдат. А от Паршина с его тысячами? Даже памяти в родном селе не осталось. А хорошо бы плюнуть на все и — домой. Скинуть бы эти бобры, засучить рукава да обратно в сельскую кузницу; веселый звон наковальни и жар горна: подковы, рессоры, ободья, шкворни да тяжи. А к вечеру истома во всем теле, дыхание размокшей земли и лопающейся почки. А первые девичьи песни по весне? Когда девкам еще в поле делать нечего, а весна пришла и спать не хочется. А он-то, кузнец, свое отзвонил и свободен: забот никаких... Да-а! А главное — нет вот этого сосушего страха: как бы не сделать неверного шага! В деревне — все шаги

верные. Не то, что здесь: ни на «деле», ни просто на улице, ни дома, ни вот сейчас на извозчике — нет уверенности, что не следят за тобой зоркие глаза напавших на твой след, отмечающих каждый твой шаг, выжидающих только одного: поймав с поличным. Паршин отлично понимает: неизбежное — неизбежно. В тот первый день, когда сошел с прямого пути, он подписал себе и верный приговор. От этого приговора не уйдешь никуда. Рано или поздно, на большом деле или на пустяках, но все они непременно засыплются. Сегодня замели следы, завтра откупились от шпика, послезавтра еще как-нибудь, ну, а там... там решетка и серый халат. А Фелица? Вот Фелица-то главная заковыка и есть. Кабы не Фелица, он бы сегодня же, сейчас вот повернул извозчика к вокзалу, взял билет и долой с московской дорожки. Пока не поздно, пока голова да случай сберегли от каторжного клейма. А то дорога известная: тюрьма, каторга, Сибирь. Побег — и в опорках, в тряпье — Хива. Тогда уж наверняка та самая Хива, о которую он теперь и сапог марать не станет. Тогда уж не миновать Сухого Оврага.

Право, уйти бы пока не поздно... А Фелица? Сколько ей нужно? Пятьдесят, сто, миллион? Зачем они ей? Ну, он о лесе мечтает, о первоклассных московских биржах, о таком товаре, чтобы имя Паршина гремело на всю Москву, а она о чем?.. Э, да все это пустое: и лес, и биржи. Одно прикрытие. И Фелица — тоже только для тумана. Чтобы было за кого укрыться от собственной жадности. Не уйти ему, никуда уже не уйти! Всю жизнь ходить ему со смертным страхом каторги, от которого нет спасения нигде: ни в Славянском базаре, ни в сквере Христа Спаси-

теля, ни даже в горячей постели Фелицы. Только, когда голова занята другим, нет в ней мысли, ставшей такой же обычной, постоянной, неотступной, как самое дыхание, как биение сердца: когда возьмут?

— Приехали, ваше степенство, Сретенка... Куда дальше-то? — спросил возница и от усердия задергал вожжами.

7. ДЕЛО С «ПРОТИРКОЙ»

Много времени ушло на разведку. Наконец, все обстоятельства, интересовавшие грабителей, были выяснены. Кассовая комната — во втором этаже. В ней — два больших меллеровских шкафа. В каждом пудов по восемьдесят. Один старенький, другой последней системы, с умным замком. Двое артельщиков-стариков из лучшей в Москве артели весь день находятся в комнате. В четыре часа, когда кончаются занятия в конторе правления, артельщики запирают комнату на два внутренних замка — простой и сложный американский — и вешают пломбу.

Первоначальный план пройти в комнату во время занятий и остаться в ней на ночь отпал. Можно было бы спрятаться в какой-нибудь другой комнате и ночью с отмычкой проникнуть в кассу, замкнуться в ней и работать. Но, как выяснилось, в коридор выходила курьерская, где на ночь оставался сторож. Возня с отмычками гла привлечь его внимание, а это означало провал. На «мокрое» дело ни Паршин, ни кто-то иной из участников шайки не шел. Все они строго придерживались правила медвежатников: я на дело, не брать с собой не только огнестрельного оружия, но даже ножа, чтобы ограб-

ление нельзя было в случае провала подвести под статью «вооруженного». Да и соблазна чтобы не было, под горячую руку пырнуть сторожа.

Проникнуть в кассовую комнату сквозь окно, выходящее на Ильинку, нечего было и думать: окно было забрано толстой решеткой и — улица неподходящая.

Паршин остановился на одном из двух: лучше всего остаться с вечера в комнате, соседней с кассой, либо, если спрятаться там не удастся, скрыться в кабинете вице-директора, помещающемся в том же этаже. Кабинет — просторная комната с большим количеством громоздкой мебели. Можно найти в ней укромный уголок, чтобы переждать, пока уйдут все служащие. Проникнуть в кабинет тоже можно: вице-директор в два часа уезжает завтракать и больше не возвращается. Паршин был уверен, что сумеет проскользнуть в кабинет.

Однако вариант с кабинетом представлялся менее выгодным. Вечером пришлось бы переходить из кабинета в комнату счетоводов, что рядом с кассой. Значит — дефилировать по коридору? А ну как тут выглянет сторож из курьерской?..

«Кабинетный» вариант Паршин решил сохранить как резервный.

Комнату счетоводов в качестве исходного пункта он выбрал потому, что между нею и кассой была простая перегородка, оштукатуренная с двух сторон, а по другую сторону кассы — капитальная стена. Перегородку можно прорезать. Это Паршину не впервой.

Выйти незамеченным из правления утром, когда начнут собираться служащие, Паршин не надеялся. Особенно трудно это сделать человеку, нагруженному большим количеством денег (а раз-

ведка говорила, что на этот раз удастся взять большую сумму).

Поэтому было решено: Паршин, как всегда, проникнет в кассу один. Работать будет в одиночку. Утром за ним должны прийти сообщники и выпустить его из комнаты счетоводов через окно, выходящее в Ветошный ряд. Для этого Вершинин, Грабовский и Горин незадолго до рассвета, в старых тужурках и картузах, пойдут к Центральной бане, где в проходе чистильщики окон складывают свою снасть: лестницы и ведерки. Запасшись этими принадлежностями, они явятся в Ветошный ряд. Не приближаясь к окнам кассы, чтобы не возбудить подозрений, они приставят свои лестницы и займутся протиркой других стекол: Вершинин со стороны Ильинки — на стреме, Горин в середине Ветошного ряда — тоже на стреме. Грабовский приставит лестницу прямо к окошку комнаты счетоводов, и Паршин спустится по этой лестнице.

План был утвержден шайкой. Доли в дележе определены в обычном размере: слесарю за инструмент — пять процентов; Паршину — тридцать пять; остальные трем — по двадцати. По расчетам Горина, сведшего знакомство с артельщиками, это должно было составить примерно по тысяче рублей на каждый процент.

Тридцать пять тысяч!.. Даже у Паршина с его холодной головой занимался дух, когда он думал об этом деле. Можно бы, конечно, и иначе: взять все сто: сообщникам — кукиш, и был таков. Начать новую жизнь, Фелицу бросить — пусть пропадает с ней и кубышка. Ста тысяч хватит на любое дело. Эх, была не была!..

Но тут же трезвый рассудок подсказывал, что соблазн нужно отбросить. Дело было в незапят-

нанной воровской репутации Паршина и не в со-
вести — она бы не стала беспокоить Паршина.
Беда в другом: свои же и завалят. Не дадут
уйти, поймают и выдадут полиции. Значит: три-
дцать пять. А остальные шестьдесят пять до дру-
гого случая.

И вдруг все дело встало под угрозу: покупа-
тели из Саратова приехали к вечеру четверга.
Если они быстро завершат сделку и уплатят
деньги правлению в пятницу утром, артельщики
успеют сдать деньги в банк, и дело сорвется.
Встала новая, непредвиденная и трудная задача:
помешать приезжим купцам произвести расчет
в пятницу утром.

В сквере у храма Христа Спасителя состоялось
экстренное совещание. Было решено: призвать
все силы «министерства иностранных дел», то
есть Вершинина и Грабовского. Сообщники по-
ручили им познакомиться с приезжими и нынче
же вечером, не щадя ни денег, ни своих голов,
организовать такой кутеж, чтобы саратовские
купцы и думать не могли встать спозаранку.

Было установлено наблюдение за купцами,
остановившимися в Лоскутной. Вершинин и Гра-
бовский начали с трактира, где саратовцы собра-
лись поужинать. Кончилось дело «Стрельней».
К утру только половина гостей очутилась в своих
постелях. Остальные собрались в Лоскутную лишь
к полудню и еще не меньше часу пили огуречный
рассол и содовую воду. Дело было сделано. По-
купатели явились в правление только к концу
дня, когда выбитый из привычной колеи вице-
директор уже с нетерпением поглядывал на часы,
торопясь к завтраку. Такое усердие сообщников
едва не сорвало плана Паршина. Ему пришлось
пережить несколько минут уверенности в том,

что из-за задержки директора не удастся укрыться в кабинете. Но Паршин не любил отступать: когда последний служащий покинул правление — в кабинете вице-директора за большим кожаным диваном лежал Паршин. Он боялся шевельнуться, чтобы не звякнули рассыпанные под пиджаком и в брюках орудия взлома. Лежать пришлось до темноты. Все тело ныло, но он лежал, переупрямливая время. Лишь после того, как сумерки окутали большой кабинет, Паршин сел. Дав телу отойти, вылез из-под дивана. Царила тишина. Мерным позваниванием огромные часы отмечали удары маятника. Чтобы они не мешали прислушиваться, Паршин их остановил. Прошло без малого пять часов, как он был в кабинете.

Для спокойствия он подошел к двери и повернул в ней ключ. Теперь он чувствовал себя как дома. Даже не понадобилось снимать ботинки: толстый ковер совершенно заглушал шаги. Паршин расположился было за большим письменным столом и стал распаковывать ужин, но передумал: он не любил неаккуратности и зряшного озорства. Перенес ужин на боковой круглый столик с сигарами. Поужинал, закурил директорскую сигару. Дал отойти затекшим ногам и рукам, проверил инструмент, свечу, с которой всегда работал, и направился к двери. Долго стоял возле нее и прислушивался. Наконец нажал ручку... Дверь отворилась бесшумно. Паршин вышел в коридор. Теперь его ботинки были в карманах, в руках он нес директорский графин с водой. Несколько широких, скользящих шагов — и Паршин был у двери счетоводства. Он вошел и движением отмычки заперся изнутри.

Когда Паршин закончил возню с прорезанием

переборки и присел отдохнуть, в соседней комнате часы пробили десять. Времени терять было нельзя. Он пролез в кассу и зажег свечу. У стены высились два огромных темнозеленых стальных шкафа. Паршин выгрузил инструмент, опустился на колени и внимательно осмотрел ролики под шкафами, чтобы убедиться в том, что они ни за что не заденут при отодвигании шкафа. Отодвигать нужно было самый большой новый шкаф, в нем были деньги.

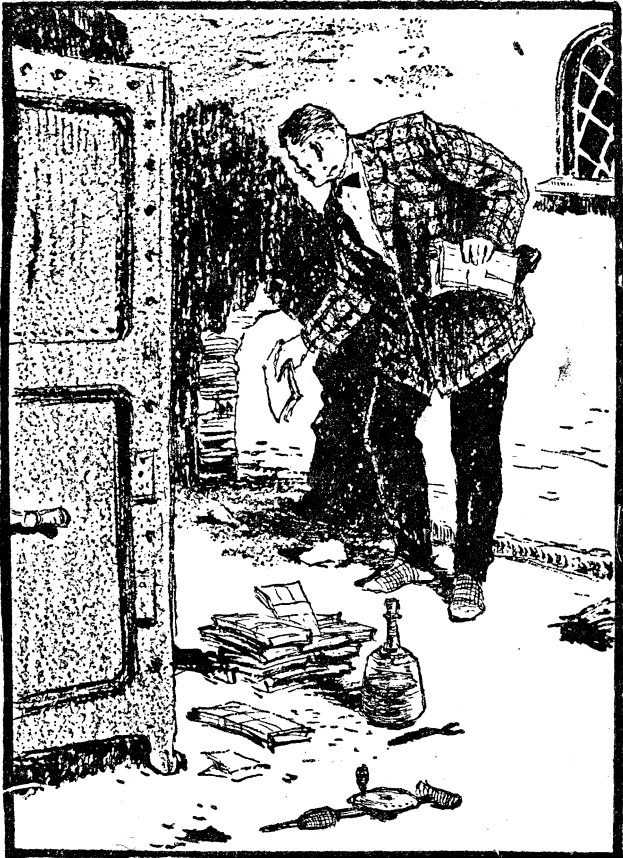
Паршин размялся, поплевал на руки и взялся за шкаф. Если бы кто-нибудь при этом присутствовал, то, наверно, прозакладывал бы все, что есть за душой: одному человеку эдакий шкафище и с места не стронуть. Но он проиграл бы: через четверть часа между шкафом и стеной уже было достаточно места, чтобы работать.

Только медвежья сила Паршина могла выдержать работу, которую ему пришлось проделать, чтобы к двум часам ночи вставить в высверленное райбуром отверстие клешню рака. Металл даже на стенке шкафа оказался чертовски прочным — это была настоящая сталь, а не мягкое железо, как на старых шкафах.

Паршин утер катившийся с лица пот и присел закусить. Второй ужин со второй полубутылкой смирновки был закончен в десять минут. С новыми силами Паршин принялся за работу большой гусиной лапой, на рукоять которой насадил трубу, чтобы создать рычаг.

К пяти часам утра отверстие было готово, но и время было позднее. Наверно, сообщники уже разбирают лестницы у Центральных бань. Скоро они явятся для «протирки окон». Нужно спешить, если Паршин не хочет, чтобы его застали являющиеся с петухами правленские курьеры.

Через полчаса деньги были изъяты из сейфа и выкинуты сквозь пропиленные стены в соседнюю комнату.

Паршин сорвал с окошка штору, намочил ее водой из директорского графина и тщательно вымыл пол, стенки шкафа, столы, стулья, стену за шкафом — решительно все, к чему только мог прикоснуться во время работы. Нигде не должно было оставаться следа его пальцев.

Предвидя, что он не сможет захватить инструмент, Паршин и его тщательно обтер и засунул подальше под шкаф, придвинутый снова к стене. В последний раз оглядев комнату, он прошел обратно в счетоводство. Там он принялся раскладывать деньги по карманам. Вскоре все было полно кредиток. Ими были набиты карманы брюк, подкладка пиджака и пальто. Девать их было решительно некуда. Паршин связал остатки в штору. Поглядел на улицу: протирщиков окон не было видно. Сверился с часами, и легкий озноб пробежал у него по спине: времени оставалось меньше малого. Кто-то снаружи потрогал ручку двери счетоводства. Убедившись в том, что дверь, которая обычно не запиралась, заперта, человек подергал ее, постоял и отошел к соседней двери кассы. Постоял там, прислушался, несколько раз дернул и ее, словно проверяя. Шаги удалились. Паршин понял: нужно уходить. Либо начали собираться курьеры, либо какой-нибудь его нечаянный шум привлек внимание сторожа. А Грабовского с лестницей все не было. Паршин решил, что нельзя ждать, пока поднимется тревога и его найдут в комнате. Не попробовать ли уйти тем же путем, каким он пришел — через кабинет директора? Значит, прежде всего нужно прошмыгнуть туда. Паршин не был уверен, что это ему

удастся. Нужно было отпереть отмычкой дверь. Сунул было руку в карман, но увидел, что он, как и все остальные, набит деньгами и никакой отвертки в нем нет. Паршин вспомнил, что вместе с инструментами закинул отмычку под несгораемый шкаф. Чтобы достать эту отмычку, нужно выкинуть из карманов все деньги — толстые бока не дали бы пролезть в прорезь переборки. После этого пришлось бы доставать из-под шкафа инструмент, отыскать в нем отмычку. Потом, вылезши обратно в эту же комнату, нужно будет снова тщательно уложить деньги в карман и под подкладку — идти с большим узлом невысказано. На все это нужно больше времени, чем есть в его распоряжении. А без отмычки он не может выйти из комнаты...

Такая незадача произошла с Паршиным впервые. Он был в ловушке. Единственный выход: бросить деньги, позаботиться только об отмычке и уходить в директорский кабинет. Оставалось думать только о себе... Он ощупал раздувшиеся от денег бока: бросить сто тысяч? Ни за что! Он подошел к двери и, упершись плечом в косяк, потянул створку. Дверь была прочная, язычок замка сидел плотно. Выдавить дверь Паршин, конечно, сможет, но шуму будет!..

Прислушался. В коридоре снова слышались шаги. Они приблизились к той двери, у которой стоял Паршин. Человек по ту сторону притих, словно чуял неладное. Паршин тоже зажал дыхание, боясь шевельнуться. Мысли неслись быстро в поисках выхода. Через минуту выход был найден: как только человек за дверью отойдет, сорвать с окна шторы, связать, спустить из окошка. Погони в таких условиях не миновать, но...

Паршин вздрогнул от странного шума у окна. Испуганно оглянулся и, в просветлевшем на фоне зари стекле увидел голову. Кто-то заглядывал в комнату. Паршин прижался к притолоке. Отойти от светлого квадрата двери он не мог, так как чувствовал за ней присутствие сторожа. Скрыться было некуда. Паршин втянул голову в плечи, съежился, прижался к притолоке, словно от этого его огромная фигура могла стать меньше, остаться незамеченной.

Голова за окном прижалась к стеклу, показались плечи. Рука, вооруженная тряпкой, принялась тереть стекло. Это был «корнет» — граф Грабовский.

8. ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕУЛОК

«Дело с протиркой» наделало много хлопот сыскальной полиции. Усилия отыскать преступников остались безуспешными. Взлом был сделан чисто. Остальные «общники» вели себя, как всегда, тихо. Наиболее экспансивный Грабовский, устав от кутежей на предыдущую добычу, переживал полосу оскомины и тяги к лирическим переживаниям. С этой целью он на месяц съездил в Крым. Вершинин побывал в Петербурге. Тем временем дело было заслонено еще более громким: кладовая Симбирского банка была ограблена на два миллиона рублей. Сыскальная полиция сбилась с ног, но тоже ничего поделать не могла. Похитителей и след простыл. То была работа варшавской шайки, сразу после грабежа уехавшей в Западную Европу. В мире воров Симбирское дело долго служило предметом обсуждения. Кладовая была очищена при помощи подкопа, проведенного из булочной с противоположной стороны улицы. Работы велись с размахом. Были вложены

большие средства в техническое оборудование. Вскрытие денежных шкафов производилось кислородными аппаратами. Паршин во всех подробностях знал это дело. О том, что оно состоится, он тоже знал, так как поляки по приезде в Россию связались с ним и предложили участвовать в этом деле. Посредницей была Фелица, двоюродный брат которой, Юзеф Бенц, оказался в числе приехавших громил. После некоторого колебания Паршин отказался. Он не любил больших компаний и не верил в успех такого громоздкого предприятия. Раскаиваться в своем отказе он не стал, а, собрав свою шайку, предложил ей одно за другим несколько крупных дел. Все они были осуществлены: ограбление Варваринского подворья, где были вскрыты два денежных шкафа; дело с опиумом, когда по подложному дубликату удалось вывезти со склада шесть подвод опиума и продать их одному ближневосточному посольству; дело с вывозом из магазина Арановича двухсот тюков шелка, приобретенных тем же посольством.

Зато неудача, постигшая шайку в конторе водочника Смирнова, долго служила предметом подтрунивания в воровской среде. Дело было так: проникнув в контору Смирнова, Паршин без труда взломал огромный, во всю стену сейф. Но порадовавшийся легкому успеху, Паршин тут же разочаровался: в шкафу оказались только такие ценные бумаги, которые нельзя было реализовать. А по точным данным разведки, в конторе должны были быть деньги.

«Не хранят же эти дураки деньги в таком сундучишке», — подумал Паршин, глядя на маленький железный ящик, стоявший в углу конторы. Но на всякий случай он решил заглянуть

в сундук. Попробовал открыть его — замок не поддавался, хотел взломать крышку — не тут-то было. Сундучок вертелся на полу, но не открывался. Громоздкие приспособления Паршина не годились для такого дела... Тогда Паршин сигналами вызвал дежуривших на улице Грабовского и Вершинина и спустил им сундучок. Втроем они тут же отправились на двор, где была расположена водопроводная мастерская, отперли ее отмычкой, заперлись там и принялись за сундучок. В напрасных трудах провели они время до утра: сундучок остался запертым и целым. Так его и бросили.

А именно в нем-то, как потом выяснилось, смирновский артельщик и хранил в ту ночь большую сумму.

Следующим крупным делом, организованным по предложению Горина, было ограбление Сухаревского ломбарда: шайка вынесла несколько пудов ценностей из золотой кладовой. Но тут начались трудности. Сбыть всю партию золота и камней скупщикам краденого за наличные было невозможно потому, что даже самые крупные из этих «дельцов» не располагали такой наличностью. Можно было сдать им всю добычу для реализации, но в таком случае, в погоне за скорейшей продажей, они не удержались бы от выпуска на рынок больших партий драгоценностей и почти наверняка привлекли бы внимание насторожившейся и ищущей украденные вещи полиции.

Шайке пришлось разделить между собою добычу и до поры до времени воздержаться от обращения ее в деньги. Больше всех сетовал Горин, которому не терпелось заключить купчую на облюбованный четырехподъездный домино.

Но и он понимал, что с продажей ломбардных ценностей нужно подождать.

Вершинин намеренно не поддерживал в Петербурге никаких преступных связей. Следовательно, он не имел и возможности сбыть там добычу. Он решил оставить все на хранение у сестры Кати.

Паршин отдал вещи Фелице, с просьбой найти для них надежный тайник. Меньше всех хлопотал Грабовский. Он был доволен тем, что наступила пауза в делах и решил, что может как следует развлечься.

На следующий же вечер он закатился к цыганам, где пела в хоре его любимица Ксюша. «Закат» оказался довольно солидным: Грабовский не выходил от цыган двое суток. На третьи он съездил домой за деньгами и заодно прихватил подарок Ксюше: первую попавшуюся безделку из ломбардной добычи.

Так начался провал Грабовского.

Вещица, привезенная Ксюше, оказалась частью старинного бирюзового гарнитура. Через несколько дней обновка Ксюши была взята на заметку сыскальной полицией. Вещь была негласно предъявлена владельцу и опознана. Ксюша оказалась под наблюдением. Попал под наблюдение и Грабовский. Пока еще без определенного подозрения, а лишь как человек, который мог случайно купить краденую вещь. Слишком плохо ассоциировалась фигура отставного корнета и графа с ограблением ломбардной кладовой. Но чем дальше, тем определеннее становилось предположение, что появление вещицы у Грабовского не случайно. Его выдал почти недельный «закат» к цыганам, во время которого он тратил

большие деньги. Установление личности Грабовского, выяснение его прошлого и того, что уже несколько лет он живет без определенных занятий, перевело случайные предположения полиции в прямое подозрение. Однако полиция не хотела его спугивать, предполагая, что к нему могут слететься и сообщники. За ним следили до конца кутежа и пришли по его следам в «Мадрид». Едва он завалился отсыпаться, как к нему явились с приказом об обыске по подозрению в хранении нелегальной литературы. Разумеется, литературы никакой не нашли, но зато обнаружили в тайничке много денег и в столе еще одну вещь из похищенных в ломбарде. Как и было им приказано, агенты сыскной полиции сделали вид, что не обратили на деньги и на драгоценность никакого внимания. Но с этого момента следили уже за каждым шагом Грабовского в надежде выявить его связи. Действительно, не дав себе даже труда выспаться, обеспокоенный обыском, в котором чуял неладное, он по телефону назначил свидание Паршину. Встреча должна была состояться в сквере против Ильинских ворот, на скамье у памятника.

Не распознав следовавших за ним филеров, Грабовский отправился на свидание. Но напрасно просидел он на скамье целый час — Паршин не явился.

В действительности Паршин был в сквере и пришел туда раньше Грабовского, но более осторожный, он без труда обнаружил спутников Грабовского — агентов сыскной полиции.

В тот же день Паршин по телефону сообщил об этом Грабовскому и велел прекратить всякие сношения с кем бы то ни было из членов шайки.

Грабовский понял, что его песенка спета. Не заходя домой, он уехал из Москвы.

Понаблюдав за ним еще дня два и убедившись в том, что все его связи оборваны отъездом, сыскная полиция арестовала Грабовского.

Паршин понимал, что от расплаты за «легкую жизнь» не уйти и ему. Самое лучшее — бросить все и, переменив паспорт, а может быть, запасшись двумя-тремя паспортами, немедленно налегке, только с наличными деньгами, уехать из Москвы. Только так он мог обеспечить себе свободу. Но... на это не пойдет Фелица. Она не захочет терять все, что собрано в их квартире, не захочет расстаться с последней партией драгоценностей. А брать их с собой нельзя. Именно они и представляли наибольшую опасность. Значит? Значит, оставался второй выход: поскорее ликвидировать все ценности, Фелицу подмышку и...

Нет, выход один: бросить все и уезжать. Фелицу придется на время оставить. Она не пропадет. Ее не тронут. Она — не участница в деле.

К тому времени, когда Паршин подходил к дому, решение созрело. Он ничего не скажет Фелице. Позвонит ей с вокзала, когда билет будет уже в кармане. Только так!

Фелицы не было дома. Паршин наскоро собрал маленький чемодан с самым необходимым, но подумал, бросил и его. Достал из тайничка запасный паспорт на имя Ивана Павловича Жук. Еще раз внимательно просмотрел его данные, чтобы запомнить, сколько ему теперь лет, откуда он родом, каково отношение к воинской повинности. Машинально перекинул листки старого паспорта на имя Ивана Петровича Паршина. Это был чистый и удачный паспорт. Слу-

жил ему самую фартовую полосу жизни. Фарт... Фелица... Бросил паспорт под плиту, облил денатуратом и поджег. Размешал пепел, чтобы не осталось следа.

Переоделся в самую хорошую тройку. Ехать придется в первом классе, чтобы полиции не пришло в голову приглядываться. Когда рассовал по карманам деньги, раздался телефонный звонок. Машинально шагнул к аппарату, но остановился и подумал, что не стоит снимать трубку. Однако пришло в голову, что может звонить Фелица. Снял трубку. Незнакомый мужской голос вкрадчиво спросил:

— Иван Петрович?

Хотел было сказать «нет», но уже само вылетело:

— Я.

— Очень прошу вас, Иван Петрович, в ваших же интересах, выйти на минутку. Буду ждать вас на углу Последнего.

— Кто говорит?

— Сами увидите, Иван Петрович, — незнакомец на том конце провода рассмеялся, — сами увидите: старый знакомый. Имею сообщение наипервейшей важности. Минуток с пяток вам достаточно, чтобы накинуть пальтишон-с? Жду-с. — Это было сказано так, что можно было подумать, будто говоривший непременно сделал при этом «ручкой».

Паршин несколько мгновений стоял с трубкой в руке. Ему казалось, что скажи тот человек еще хоть несколько слов — и Паршин непременно его узнает, вспомнит этот вкрадчивый голос. Он был уверен, что когда-то слышал его. Но когда и где?

Идти или не идти? Зачем идти? Ежели уж

он решил бросать все... А что он, собственно говоря, потеряет, если пойдет? Ведь не кончается же его жизнь. Мало ли что он может узнать? «В ваших интересах»...

— Пойду,— вслух произнес Паршин и оглядел квартиру.— Уже стоя у отворенной двери, достал из жилетного кармана английский ключ от квартиры и положил на подзеркальник. Он ему больше не понадобится...

Подходя к Последнему переулку, Паршин перешел на другую сторону Сретенки. Он не хотел играть вслепую: желая знать, кто его ждет. Пригляделся к перекрестку: никого. Решил подождать, пока не появится фигура ожидающего. Первым Паршин не выйдет на угол. Он достал портсигар и увидел, что забыл его наполнить — там лежали две последние папиросы. Обернулся, ища глазами табачную лавочку. И тут глаза его встретились с устремленным на него внимательным взглядом крупного немолодого мужчины с круглым бритым лицом. На мужчине было черное демисезонное пальто с бархатным воротником, на голове — котелок. Когда мужчина молча приподнял котелок, Паршин понял, что только из-за головного убора, сильно изменившего внешность человека, он и не узнал его. Это был Ключкин, известный всей преступной Москве агент сыскной полиции Дормидонт Ключкин — человек, славившийся феноменальной памятью на лица. Когда в идентификации преступника происходила заминка и не могла помочь дактилоскопия, призывали Ключкина. Ежели Ключкин «признавал» — личность считалась установленной так же неопровержимо, как если бы это было доказано всеми научными средствами экспертизы.

Портсигар в руке Паршина захлопнулся сам собой, но Паршин забыл опустить его в карман. Так и держал в руке. Взгляд сыщика приковывал к себе, как магнит. Паршин понял: это последние минуты, которые он проводит на свободе. Он отлично знал, что его физической силы достаточно, чтобы справиться даже с большим, массивным Ключкиным, и с двумя Ключкиными, но... какой смысл? Отсрочка на несколько часов?..

Руки Паршина опустились, признавая поражение.

— Курите, Иван Петрович, что же вы? — насмешливо-ласково произнес сыщик, переходя улицу.

Паршин вспомнил про портсигар и протянул его сыщику. Взяли по папиросе. Ключкин дал огня.

— Ну-с? — произнес он, пуская дым.

Паршин пожал плечами.

— Имеется какое-либо желание? — вежливо осведомился сыщик. — Может, купить что-либо требуется?

— Папирос нельзя ли? — сказал Паршин.

— Отчего же-с...

Паршин сделал несколько шагов и вдруг приблизил губы к уху Ключкина:

— Окончательно?

Сыщик сделал только движение пальцами, но по этому сдержанному жесту Паршин понял, что все кончено — посадка будет прочной. И тут вдруг вспомнил, что о Ключкине ходил слух, будто ежели очень в секрете, то этот человек за деньги может все. О таких вещах не любили рассказывать даже своим, но слухи все же просачивались. Блеснула надежда.

— Позвольте сказать слово, Дормидонт Савельевич? — тихонько произнес Паршин.

— Отчего же-с... Только не здесь. Удобней будет в переулочке-с.

Идя рядом, как двое знакомых, они свернули в переулок. Зашли в подворотню. Паршин заговорил смелее:

— При мне деньги, Дормидонт Савельевич.

Сыщик неопределенно крикнул.

— Тысяч до пяти наберется, — продолжал Паршин. — Так я бы не отказался пожертвовать их... на благотворительные цели.

— Что же, благое дело, благое, — неопределенно проговорил Ключкин и раздавил волосатыми пальцами окурки.

Паршин испытующе глядел на Ключкина.

— Мне бы только на дорогу рублей двести, а остальное...

Сыщик глянул на него исподлобья:

— Благое дело, но... поверьте слову, Иван Петрович, не могу-с...

— Ежели мало, Дормидонт Савельевич, зайдем ко мне, столько же еще наберем и вещи кое-какие...

— Про вещи знаю, про все знаю-с, да верьте слову: не в моей воле. Кабы денек назад — другое бы дело. А теперь — обязан вас представить по начальству-с...

Паршин напряженно думал. Если Ключкин знает о вещах, значит, приведет полицию и к нему домой, значит, Фелица лишится всего.

— Вот что, Дормидонт Савельевич, я пред вами отслужу, а вы помогите.

— Чем могу-с...

— Признали вы меня в точности?

Сыщик усмехнулся:

— Мы с вами, Иван Петрович, единожды уже встречались.

— Вот именно: единожды,— подтвердил Паршин.— Но карточки моей в сыском нету. Это я наверняка знаю.

— И что же-с?

— От вас зависит: признать меня за Паршина или... за кого иного.

— Это верно-с,— подумав, сказал Ключкин.— А за кого бы, к примеру? — Он прищурился на Паршина, словно действительно пытался узнать его.

Паршин молча протянул ему паспорт на имя Жука. Сыщик заглянул в него.

— Такой не проходил... Так-с... Значит, желательно по первой судимости?

— И еще хотел бы я, чтобы одна женщина не пострадала невинно.

— Это Фелица Станиславовна невинно страдает? — усмехнулся Ключкин.— Умный вы человек, Иван Петрович, а, видать, за порядком в доме следить не можете. Ежели* угодно знать: Фелица Станиславовна без вашего ведома с варшавскими мастерами немало дел провела. Есть у нее один такой фактик...

Лицо Паршина так налилось кровью, что Ключкин поспешно протянул руку: уж не хватил бы удар. Но Паршин только прислонился спиной к дому и несколько времени стоял, уперев невидящий взгляд в дом на противоположной стороне переулка.

— Не может быть...— через силу, словно ему сдавили горло, прохрипел он.

— Верьте-с. Нам доподлинно известно-с. Кстати говоря, и фактик тот вам хорошо известный

— Кто?..

Это было сказано так, что будь на месте Ключкина человек послабее — наверно бы, струсил. Но старый сыщик только усмехнулся:

— Всему свое время-с,— сказал он.

— Только и прошу: скажите кто? — повторил Паршин.

— Разве для вас только-с? — делая вид, будто колеблется, протянул Ключкин. Тогда Паршин сунул руку в карман, где лежали деньги.— На благотворительность говорите? — спросил Ключкин и доверительным тоном, понизив голос: — Только уж под слово-с, — служебная тайна-с: с Грабовским она... того-с.

— Так чего ж не берете? — попрежнему начиная хрипеть, зло спросил Паршин.

— Имеются причины-с, значит... — лукаво произнес Ключкин. — Она дама стоящая, а у нас, небось, тоже люди-с... не чурбаны бесчувственные-с...

Паршин снял шапку и отер вспотевший лоб. Потом решительным движением достал из кармана пачку кредиток и протянул сыщику.

— А меня не можете?

— Верьте слову: не в моей власти-с,— сказал Ключкин, пряча деньги.— А насчет Жука постараюсь.

— Так зайдём за папиросами? — спросил Паршин, желая показать, что с этим делом покончено.

Они купили папирос, зашли к Бландову, где Паршин взял масло, сыру, чайной колбасы.

— Вот булок бы... — произнес он нерешительно.

— Сторожа спосылаем,— деловито ответил сы-

щик.— Берите извозчика и поехали.— И, оправдываясь, добавил: — У меня насчет мелочи — того-с...

Придя домой, Фелица сразу заметила оставленный Паршиным чемоданчик и забеспокоилась. Стала искать записку — Иван не мог уехать, не написав, даже если его вызвало какое-нибудь очень экстренное дело.

О том, что Иван исчез навсегда, не мелькнуло и мысли.

Очень удивил оставленный ключ, но потом решила, что Иван его просто забыл. А может быть, отправился на «дело»? В таких случаях он с собой не брал ничего, кроме строго необходимого.

Мало-помалу успокоилась и принялась готовить завтрак. Постепенно повседневные мысли заслонили нахлынувшее было беспокойство. В голове сидела забота: правильно ли она сегодня поступила? Следовало ли нести к ювелиру драгоценности?

Дело в том, что среди ценностей, принесенных последний раз Иваном, ей приглянулись две безделки из старинного бирюзового гарнитура. Она несколько раз прикидывала их на себя перед зеркалом. Чем больше глядела на свое отражение, украшенное большими голубыми камнями, тем неотразимее влекли ее к себе камни. Она сама удивилась тому, что именно эти камни ей так понравились. Через руки прошло немало подлинных драгоценностей, а ведь эту бирюзу нельзя было даже назвать большой ценностью. Фелица понимала, что надеть эти безделушки нельзя — вещи старинной, заметной работы. Нужно было сперва переделать оправу. Дело было за малым, и она отправилась к ювелиру.

Сразу по ее уходе ювелир дал знать полиции о поступившей к нему бирюзе. Список вещей, похищенных в ломбарде, давно уже был роздан всем ювелирам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава третья

1. НЕОПРАВДАНЫЕ НАДЕЖДЫ

Это может показаться невероятным, но свержение монархии в России и приход февральской революции не заставили приунуть уголовников, населявших царские тюрьмы, а многие из них даже воспрянули духом. Буржуазное Временное правительство, декларировав открытие тюремных дверей для политических заключенных, под горячую руку выпустило на свободу и представителей уголовного дна, не имевших никакого отношения к политике. Кроме того, некоторые провинциальные сатрапы царя выпустили на улицы уголовную «шпану», рассчитывая на ее помощь в подавлении революции. Так действовали некоторые губернаторы в 1905 году, организуя еврейские погромы и сопротивление восставшим массам рабочих. Но на этот раз надежды царских слуг не оправдались: покинув тюремные камеры, уголовники не стали рисковать собой в уличных боях с народом. Они попросту разбежались. Попытался попасть в число выпущенных и Паршин, но это ему не удалось. У буржуазии были с ним свои счета. Он был слишком крупным грабителем, опасным для банков и коммерсантов, еще надеявшихся на победу реакции. Только в 1919 году ему удалось по амнистии выйти из тюрьмы.

В первое время после февральской революции преступный мир приглядывался к происходящему. Отсутствие твердой власти способствовало активизации уголовного подполья. Когда на смену Временному правительству пришла власть рабочих и крестьян, разогнавшая старый полицейский аппарат царизма, уголовники решили, что настал их золотой век. Не рабочим же без всякого опыта в борьбе с преступностью тягаться с бывалыми уголовниками! Воры и грабители всех масштабов и оттенков потирали руки.

Буржуазные юристы пытались бороться с «самоуправством» власти. Они искали для своих подзащитных оправдания в отброшенных советским судом старых законах или в том, что никаких законов вообще больше нет. Но молодой советский суд в те горячие дни сам являлся творцом нового права. Законом становилась воля революционного народа и судебный прецедент. Не только в приговорах судов того времени, но и в том, как предъявлялось обвинение всем и всяким врагам революции и нарушителям революционной законности, отражался смысл новой карательной политики. По духу своему революционный суд не был склонен миловать ни больших, ни малых нарушителей порядка. Но в то время главными видимыми врагами революции являлись ее политические противники — контрреволюционеры, потому и основные усилия карательных органов были направлены на борьбу с ними. Кроме того, в то время целью зарождающейся советской юридической науки и работы судов была охрана народной, государственной собственности. Охране личного достоинства трудящихся уделялось мало внимания. Обе эти

причины приводили к тому, что чисто уголовный элемент, в особенности его мелкие представители, вредившие только отдельным гражданам и главным образом в имущественном плане, оставались как бы на втором плане. Молодая советская милиция, набранная из рабочих, плохо представляла себе основы своеобразной и нелегкой полицейской службы.

Все это, вместе взятое, давало преступным элементам, в особенности мелкой «шпане», промышлявшей карманничеством, домашними кражами и рысканьем по покинутым сейфам разных контор, надежды на безнаказанность.

Но праздник преступников оказался недолгим. Так же, как Чека вела беспощадную войну с отечественной и «импортной» контрреволюцией, вербовавшей исполнителей своих темных планов среди преступного мира, так и Боевые отряды Уголовных розысков вступили в борьбу с нарушителями законности и порядка. Борьба была сложной и подчас требовала подлинной самоотверженности. Кожаная куртка и маузер — это было еще далеко не все, что требовалось для борьбы с преступниками. Нужно было знать их мир, их притоны, повадки, способы действия, хорошо законспирированных наводчиков и сообщников, склады краденого, места и способы сбыта. К тому же «дно» сопротивлялось, и подчас весьма активно. Операции и облавы превращались в сложные предприятия. Редкая ночь обходилась без стрельбы с обеих сторон. Были жертвы среди работников розыска и милиции. Но борьба велась упорно, настойчиво, с сознанием ее высоких партийных и государственных целей. В этой борьбе закалялись кадры, приобретался опыт.

«Золотой век» преступности оказался неосуществившимся миражем.

Выйдя из тюрьмы в 1919 году, Паршин не застал даже его блеска. Не решаясь появиться в Москве, Паршин рыскал по ее дачным окрестностям. Он искал Фелицу. И наконец он ее нашел ...с Грабовским. Паршин готов был забыть старую обиду, он хотел, чтобы она вернулась к нему, но она наотрез отказалась расстаться с Грабовским и согласилась только изредка встречаться с бывшим мужем. Паршин согласился и на то, чтобы только изредка видеться с нею. Он даже не затаил злобы на удачливого соперника, давно бежавшего из тюрьмы.

От Грабовского он узнал о судьбе Горина. После их ареста Горин целиком ушел в деятельность фальшивомонетчика, торопясь сколотить капитал, необходимый на приобретение дома. Говорят, будто он стал еще скупее, чем прежде, опустился до того, что ходил в опорках и обносках, прятал каждую добытую темными делами копейку. Воспользовавшись паникой, наступившей в деловых кругах в первые дни войны, он купил вождеденный дом о четырех подъездах. Но этого ему показалось мало. Им овладела идея приобретения еще одного дома. Горин вошел в новую шайку московского медвежатника Красавчика и участвовал с ней в нескольких ограблениях.

Пришла февральская революция. Под шум революционных событий уголовный мир поднял голову. Грабежи шайки Красавчика делались все более дерзкими. Капитал Горина рос. Он уже видел себя владельцем еще одного дома. И действительно, стал им. После первых же дней Октябрьского переворота домовладельцы по-

няли, что им не удержать своих владений. Горин задешево купил огромный дом, за ним еще один. Но тут понял, наконец, и он, что домовладельцем ему все-таки не стать. Была объявлена национализация крупных домовладений. Горин не мог пережить того, что все награбленное им, все заработанное на фальшивых деньгах, превращенное в недвижимость, превратилось в ничто. Если бы его дома сгорели, развалились, но оставалась на месте старая власть, он понял бы, что нужно приняться сызнова грабить, делать фальшивые кредитки, снова копить деньги. И тогда можно было бы опять купить дома. Но смириться с тем, что больше нет смысла грабить и копить, что капитал не нужен и не будет никогда нужен, его ум не мог. Долго Горин, говорят, сидел, запершись в своей новой, вдвое большей, чем бутырская, но заваленной таким же хламом, квартире. Сидел, сидел, да и повесился. Долго висел он в наглухо запертой новой «секретной» каморке для выделки фальшивых денег. Каморку вскрыли только тогда, когда смрад от того, что было прежде Гориным, распространился по всему дому. В ней нашли труп Горина и много пачек уже никому не нужных «романовских» кредиток. Никого даже больше не интересовало, какие из них настоящие, а какие изготовлены самим Гориным.

Второй член шайки — Вершинин, испуганный арестом Паршина, спрятался в своей тверской усадьбе. Он решил, что все сложилось в общем хорошо: имение есть, положение его в Петрограде прочно и чисто, его Колюшка уже студент. Стремления Вершинина сосредоточились теперь на том, чтобы обеспечить себе и Колюшке твердую жизненную базу в виде благоустроенного и

доходного имения. Но и Вершинина, подобно Горину, постигло разочарование: революция свела на нет все плоды его преступной деятельности: тверскую усадьбу национализировали. После некоторых колебаний (он смертельно боялся «Чеки») Федор Иванович вернулся на скользкую стезю преступлений. Дела он делал маленькие, тихие. Вообще воровать деньги стало бессмысленно. Их ценность падала с катастрофической быстротой. Украденный вчера миллион завтра становился копеечкой. Награбленные миллиарды через неделю-две обеспечивали фунт масла. А воровать вещи было трудно, хлопотно. Реализовать их становилось все трудней. «Банд-группы» ЧК и Угрозыска не давали житья.

Федор Иванович переехал в Москву, оставив Колюшку в Петрограде. Так надеялся он вернее сохранить от сына секрет своей профессии и оберечь его в случае своего провала.

Полегчало после объявления нэпа. Рубль становился устойчивым. Появился смысл воровать червонцы.

Третий член шайки — Грабовский, выйдя на свободу раньше Паршина, работал по мелочи, со случайными сообщниками. Он все больше опускался, пил.

Почти целый год Паршин жил, присматриваясь к новой, непонятной ему жизни, к новым отношениям людей. Тюрьма выпустила его в новый, незнакомый мир. Здесь все было не так, как прежде. Паршин ничего не делал. О работе не думал. Жил, занимая по мелочам то у Грабовского, то у Вершинина. Все искал случая, которым стоило бы заняться. Не хотел рисковать из-за пустяков. А крупных дел больше не было. Советские магазины и учреждения денег у себя

не держали. Банки не были его специальностью, да и охрана их становилась все серьезней. Крупных частных фирм не стало. Нэпманы были такой мелкотой, что не стоило марать об них руки.

И вдруг на этом безотрадном фоне вспыхнул луч надежды. Появился он случайно в разговоре со старинным знакомым — бывшим охотнорядским торговцем-рыбником Кукиным. Этот Кукин теперь заведовал рыбным отделом в магазине, принадлежавшем раньше братьям Елисеевым, что на Тверской, у Страстного. По словам Кукина, в елисеевских подвалах сохранились огромные стальные шкафы, используемые не то городским банком, не то сберегательными кассами для хранения денег. Касса, через которую деньги сдаются в эти сейфы, находится в боковом отделении магазина — там, где прежде торговали мясом. Со слов Кукина выходило, что денег к вечеру в сейфы свозится много, притом червонцами, то есть устойчивой монетой. Обо всем этом стоило подумать.

Паршин поделился сведениями с бывшими сообщниками. Начали разведку. Вскоре все было установлено: когда привозят деньги, куда складывают, когда берут. Кукин провел Паршина в подвал, чтобы осмотреть, где расположены нестораемые шкафы, какой они системы.

При этом выяснилось, что стальные шкафы огромного размера стоят в том же помещении, где расположен склад продуктов. Никакой охраны у шкафов нет, так как днем деньги из шкафов вынимаются, а на ночь подвал наглухо запирается снаружи.

Стало ясно, что единственным днем, когда можно заняться взломом, было воскресенье: подвал запирается с вечера субботы и остается за-

пертым все воскресенье. Кукин брался провести Паршина и его сообщника в подвал. Сделать это можно утром, когда прибывают на склад продукты. С тюками товара на спинах грабители вместе с Кукиным пройдут в подвал. Там они спрячутся. Шкафы стояли не вплотную к стене, а на расстоянии примерно четверти метра. Паршин считал, что может втиснуться в этот узкий промежуток. Так как шкафы стояли в самом холодном, отсыревшем углу подвала, то туда никто не заглядывал. Тем более никто не лазил за шкафы. Взломщики смогут просидеть там субботу, никем не замеченные.

Так и сделали. С тушами осетров на спинах грабители спустились за Кукиным в хранилище и спрятались за шкафами. Теперь задача заключалась в том, чтобы выдержать в течение дня холод и неудобное положение в щели. Жажда легкой и большой добычи заставила их выдержать это испытание. После закрытия подвала в их распоряжении была вся ночь на воскресенье, воскресный день и ночь с воскресенья на понедельник — время совершенно достаточное Паршину, чтобы справиться с любыми шкафами, тем более, что на этот раз у него был помощник.

Утром грабители с первыми покупателями выскользнули из магазина.

Это было первое дело такого масштаба в практике советского Уголовного розыска. Первые его работники столкнулись со следами, говорившими о появлении на горизонте опытного медвежатника старой школы. В рядах советской милиции того времени было достаточно смелых людей, начинали появляться и «молодые таланты», обещавшие со временем стать хорошими

розыскниками, но у них еще не было опыта, не существовало и научно-технического аппарата, который мог бы изучить и расшифровать следы, оставленные преступниками. Не было и систематизированного опыта, который позволил бы по «почерку» громил понять, с кем приходится иметь дело. Материалы очутились в архиве. Преступление осталось нераскрытым.

Успех окрылил грабителей, и пропало желание «баловаться мелочами». Тот же Кукин сыграл роль подводчика и в следующем деле. Он сообщил шайке, что комиссия по реквизиции предметов искусства для государственных фондов организовала свой склад в помещении бывшего Английского клуба на Тверской. Там оказались собранными полотна знаменитейших мастеров. Это были сокровища баснословной ценности. О них существовала целая литература. О них не смели мечтать американские миллиардеры.

Кукин свел грабителей и с возможными покупателями. Для переговоров был отправлен Вершинин. Ради этого свидания ему пришлось трянуть стариной: ему раздобыли визитку и полосатые брюки, нашли воротничок с отогнутыми уголками. Вершинину был даже сделан маникюр. Представитель шайки должен был иметь «классный» вид — дело предстояло иметь с иностранными дипломатами. У них загорелись глаза и жадно шевелились пальцы при одном упоминании имен фабрикантов, сановников, помещиков, чьи коллекции лежали в комнатах Английского клуба. Возник существенный вопрос: сумеют ли грабители, ничего не понимающие в живописи, отобрать наиболее ценные полотна? Иностранные дипломаты произвели собственную разведку, пытаясь выяснить, что именно хранится

на базе. Кое-что стало известно, но далеко не все и не очень точно. Дипломаты боялись навлечь на себя подозрения властей слишком настойчивым интересом. Ограничились тем, что сотрудники нескольких посольств (их собралась целая группа, спорившая и перебивавшая друг друга не хуже рыночных маклаков) провели подробный инструктаж Вершинина, пользуясь альбомами, монографиями, открытками. Мелькали имена светил русской и иностранной живописи. Были обусловлены цены картин. Вершинин понимал, что называвшиеся суммы — гроши по сравнению с тем, что стоят сокровища, но даже и от этих цифр у него закружилась голова. У него не шевельнулось и мысли о том, что он наносит непоправимый вред сокровищнице своего народа. Прежде его не волновало то, что он залезал в карманы купцов; его не трогало то, что после ограбления золотой кладовой несколько дней у ломбардов стояли хвосты ошеломленных закладчиков и закладчиц, многие из которых лишились последнего; его совесть оставалась спокойной после того, как он запустил лапу в советскую государственную кассу, — так могло ли в нем проснуться сознание того, что теперь он собирается обобрать самое дорогое, что есть у народа, — его душу? Было ли что-нибудь особенное в том, чтобы отдать сокровища русского государства иностранцам? Что особенного — раз за это платят. Деньги нужны ему. Деньги нужны его Колюшке.

Отягощенный новыми знаниями в области искусства, Вершинин вернулся к сообщникам. Ночью грабители проникли на место преступления. Они были снабжены длинными чехлами из лучшей заграничной клеенки. Туда предстояло

вложить вырезанные из рам и свернутые трубками картины. Карманы грабителей оттопыривались от заграничных консервов и бутылок, долженствовавших придать им силы во время работы.

Все залы клуба были заставлены полотнами, бюстами, статуями, группами. Тут были бронза, мрамор, дерево, воск — все, что угодно. Две комнаты оказались запертыми на ключ и опечатанными. Грабители поняли, что там-то и находятся самые ценные вещи. Они без труда вскрыли обе комнаты. В числе нагроможденных полотен Вершинин одно за другим узнавал и откладывал произведения, о которых шла речь в посольстве. Паршин приготовил бритву и чехлы. Грабовский стоял на стреме. Все шло быстро и хорошо, как вдруг... В лицо Грабовскому ударил свет карманного фонаря, и он увидел направленное в лицо дуло револьвера. Он не решился поднять тревогу. Это могло стоить жизни. Появление работников «Бандгруппы» МУРа во главе с молодым худощавым человеком, по имени Кручинин, было подобно грому среди ясного дня. Паршин с Вершининым также покорно, как Грабовский, подняли руки.

Через месяц все трое отправились к месту отбывания наказания. Фелице везло. Она и на этот раз осталась в стороне. И Паршин и Грабовский оберегали ее так, что имя ее ни разу не появилось в делах дознания.

2. НЕГОСТЕПРИИМНЫЕ ЗАДВОРКИ ЕВРОПЫ

Еще три с половиной года проведены в тюрьме и в лагере. Наказание отбыто. Паршин, Грабовский и Вершинин выходят на свободу, лишённые

гражданских прав, с запрещением жить в шести крупнейших городах Советской страны. В ответ на предложение Паршина нелегально отправиться в Москву Вершинин отвечает решительным отказом: с него довольно! Он считает, что очень счастливо отделался тремя с половиной годами только потому, что все его прежние темные дела остались тайной для суда. Он решает покончить с преступной деятельностью и навсегда остаться в провинции. Чем он будет жить? Хотя бы той специальностью, которую приобрел в лагере — парикмахерским делом. Колюшка уже на своих ногах. А ему, старику, хватит того, что он заработает ножницами и бритвой.

Вершинин проводил на вокзал друзей, отправившихся на поиски Фелицы, и пожелал им никогда не возвращаться туда, откуда все они только что вышли. С тех пор он окончательно исчез с их горизонта. Чтобы отрезать им всякую возможность связаться с ним в будущем, так же как и для того, чтобы уйти из-под надзора милиции, Вершинин раздобыл себе новый паспорт и несколько раз переменял место жительства. Так исчез, навсегда ушел в небытие грабитель Вершинин.

Паршин и Грабовский приехали в Москву. Нашли Фелицу. Но вместо прежней белотелой красавицы перед ними была истрепанная жизнью, вином и развратом мегера. Она еще пыталась неумеренным применением косметических средств удержать былую привлекательность, но это плохо удавалось. Однако Паршин и Грабовский и сами были уже не те, какими расстались с нею. Они давно превратились в обыкновенных «жиганов», утративших всякий

лоск. В Грабовском даже самый тонкий физиономист не признал бы графа и «гусара». Импортантность Паршина слезла, как позолота с медной ручки. В затасканном френчике, обтрепанных штанах и штиблетах на босу ногу он имел вид самого заурядного бродяги. Фелица не без брезгливости пускала его к себе. Жили приятели тоже главным образом подаванием Фелицы, сохранившей тайный притончик, где загулявшие воры получали водку и понюшку кокаина. Фелица кляла жизнь и Советскую власть, лишившую преступный мир всяких перспектив.

Неизвестно чем кончилась бы эта новая встреча троицы, если бы не произошло знаменательного для них события. В Москве проездом очутился «знатный иностранец», польский взломщик-кассист Юзеф Бенц. Он возвращался в Польшу после удачных «гастролей» в Китае. Некогда он побывал и в дореволюционной России — друзья знали его по Симбирскому делу. Заведение Фелицы «пан Юзеф» посетил в поисках «марафета». Узнав о жизни Фелицы, Юзик пожурил друзей за жизненные ошибки: после революции нужно было немедленно уезжать из этой страны. Взломщику здесь делать нечего. Истинным раем для кассиста обещает стать развивающаяся своя спекулятивную жизнь панская Варшава. Что может быть прекраснее красавицы Варшавы? Что может быть заманчивей, чем деятельность на ниве варшавской коммерции под покровительством продажной полиции?

Знатный гость убедил друзей в том, что Фелица, как полька, будет с распростертыми объятиями встречена Варшавой воров и проституток. Что же касается Грабовского, то граф, хотя бы и сидевший в тюрьме, остается графом. Если

он захватит с собой бумаги, удостоверяющие его графское достоинство, то этого будет достаточно, чтобы сделать блестящую карьеру салонного вора. При желании и удаче легко перейти с пути уголовного взломщика к более элегантной деятельности политического белоэмигранта. Это в свою очередь может очень и очень пригодиться в качестве ширмы ему и сообщникам. Ну, а Паршин? Опытный кассист в Варшаве не пропадет.

Взбудораженные рассказами поляка, друзья утратили сон. Больше всех волновалась Фелица. Призрак Европы окончательно выбил ее из колеи. Рисовались розовые перспективы. Только бы вырваться из пределов Союза, только бы попасть в Польшу.

И вот все трое — на вожделенных задворках Европы. Они тотчас связались с Юзиком Бенцем и под его руководством начали свою деятельность. Успешность этого начала превзошла все их ожидания. Был взломан главный сейф в золотой кладовой польского казначейства: похищено золото в слитках и в монете русской царской чеканки. Однако после блестящего начала друзей постигло столь же горькое разочарование: польские сообщники расценили работу своих русских «коллег» лишь как экзамен. Им была выделена нищенская доля при дележе добычи. К тому же воровская среда Варшавы, возмущенная вторжением на поле ее деятельности удачливых иностранцев, решительно заявила, что «Польша для поляков» и русским лучше убираться подобру-поздорову. Паршину и Грабовскому деваться было некуда. Они начали «работу» на свой риск. Но польские воры в первом же деле, ставшем им известным, выдали русских полиции. После короткого суда и дли-

тельных побоев взломщики очутились в Моко-товской тюрьме. Только благодаря вмешательству Фелицы, подкупившей надзирателя, грабителям удалось бежать. Но оставаться в Польше было бессмысленно. Они переехали в Латвию. В Риге им сначала повезло так же, как и в Варшаве: была очищена касса американского консульства. Грабителям достались 7200 долларов. Но и закончилось дело так же плачевно, как и в Варшаве: вору-латыши выдали их своей полиции. Оказалось, что и у уголовников Риги царит лозунг «Латвия для латышей». Паршин и Грабовский очутились в рижской тюрьме. Порядки здесь оказались для русских воров еще более суровыми, чем в Польше. Но тут им не удалось отделаться взяткой. Не было ни Фелицы, ни денег. Друзья отсидели данные им латвийским судом три года. Когда они вышли на волю, рижские вору ясно дали им понять, что при следующем «удачном деле» гости снова очутятся в тюрьме. Из принципа «латвийское поле преступлений для латышских воров» не было сделано исключения даже для такого «профессора», как Паршин. В возникшей между ворами драке Грабовский был тяжело ранен, и через два дня умер в каком-то заброшенном рижском подвале.

Паршин ушел из Риги. Он шел от мызы к мызе. Он глядел на них с интересом и завистью. Но только так, как зритель в театре глядит на спектакль. Ему ни разу не пришло в голову предложить хозяину мызы свой труд в обмен на кусок хлеба. Понятие труда было уже столь органически чуждо ему, что он не мог бы себе представить Ивана Паршина получающим деньги или пищу за то, что могли сделать его большие сильные, несмотря на шестьдесят лет,

руки. Он мог клянчить, мог украсть, но предложить свой труд? Нет, такая мысль не приходила ему в голову.

Он, как в тумане, дошел до польской границы. С одних задворков Европы он переходил на другие. На смену сытым, чистеньким кулацким мызам пришли покосившиеся избы панской Польши. В поле уныло бродили ребрастые коровенки, похожие на околевающих от безкормицы телят. Все стало беднее и еще не приветливей. Одиравший, обросший серой щетинной и лохмами спутанных волос, бродяга-иноземец и тут не был желанным гостем. Паршина били и тут. Он отлеживался в канаве или в стоге соломы и шел дальше. Куда он шел? Конечно, в Варшаву. Куда же еще было идти? Ведь там Фелица. Он нес ей весть о смерти своего счастливого соперника и друга. Теперь, когда не стало Грабовского, он снова рассчитывал на ее запоздалую благосклонность, на угол в притоне и на объедки ее гостей.

Он уже перестал испытывать чувство голода, усталость стала привычной, грязь собственного тела давно перестала беспокоить. Кожа сама, независимо от воли, совершала странные мелкие движения, перегоняя с места на место пасущихся в складках отощавшего тела паразитов.

Иногда Паршин останавливался посреди дороги и с удивлением удостоверился в том, что еще живет, что ноги двигаются, глаза воспринимают окружающее. Он никогда не думал, что человек мог столько времени двигаться без регулярной пищи, без мыла, без общения с себе подобными. Его поддерживал только сон. Чем дальше, тем больше он спал: в канавах, под мо-

стами, в придорожных кустах, просто возле дороги, где заставала его накатившаяся дурнота.

Иногда его тошнило. Сначала он думал, что заболел. Но потом понял, что это просто голод. Чем дальше, тем страшнее становились спазмы пустого желудка. Чтобы не испытывать этих болезненных позывов, Паршин стал есть молодые листья, но желудок тут же отдавал их обратно. Паршин падал у дороги, сдавливая руками судорожно сжимающийся живот, и забывался сном.

Но вот и Прага, вот мосты, вот красавица Варшава! Несмотря на усталость и нетерпение, Паршин поднялся по течению выше предместья и, хоронясь от людей, помылся в реке. Пришлось сосредоточить все силы на том, чтобы не упасть в воду. Потом он полдня лежал на берегу, тяжело дыша, набираясь сил, чтобы двинуться дальше. Туда, где была Фелица.

В Варшаву он вошел вечером. Сияние фонарей на Маршалковской ослепило его и вернуло к действительности. Только тут, минуя центр города, он снова понял — до чего дошел. Отчаяние овладело им настолько, что он готов был лечь посреди улицы, уткнуться лицом в землю и не двигаться. Но он знал, что это приведет только к одному: подбежит полицейский, его отведут в участок, будут бить... Он собрался с силами и пошел дальше — туда, где должна была быть мелочная лавчонка, прикрывающая притончик Фелицы.

Когда он добрался до него и постучал, была уже ночь. Ему отворила какая-то страшная баба без возраста. Узнав, кто ему нужен, баба без дальних церемоний сообщила:

— Если нужен кокаин, то при чем тут пани Фелица? Пани Фелица два года как сдохла...

Поняв, что нужен не кокаин, а именно сама Фелица, страшилище цинически выругалось и захлопнуло дверь.

Паршин долго стоял, прислонясь к притолоке. Потом вдруг, как пальто, висевшее на гвозде и у которого вдруг ни с того ни с сего оборвалась вешалка, он сполз вдоль косяка и неясной темной кучей обмер у порога.

Что было дальше, он помнит смутно. Кажется, он пытался что-то украсть — какую-то съедобную мелочь, прямо с лотка. Рука инстинктивно потянулась к тому, что можно было положить в рот. Он не сопротивлялся, когда торговка схватила его за руку, не защищался, когда его били прохожие, не пытался оправдываться в полицейском участке. Он спал наяву.

Когда выяснилось, что он русский, что у него нет польского подданства, его посадили. Несколько дней его кормили, чтобы у него были силы стоять на ногах. Потом его свезли на польско-советскую границу и под угрозой пустить пулю в спину велели идти. Паршин послушно пошел.

Нарушитель границы был задержан советскими пограничниками.

Глава четвертая

1. ШАНТАЖ

Паршин был исправным заключенным. Пожалуй, самым исправным и тихим во всем лагере. Он не пытался бежать и покорно отбыл срок. Из ворот лагеря вышел седой спокойный человек.

Местожительством ему был определен город Котлас. Но оставаться в нем он не собирался. Первое, что он сделал, прибыв туда, — написал письмо в Куркино, справляясь о судьбе матери своей Марии Степановны Паршиной. У нее он рассчитывал найти приют на первое время. Он не надеялся, что получит хорошее известие, и был даже несколько удивлен тем, что не только пришло письмо, но в нем даже содержалось точное сообщение: мать его жила в Москве и, несмотря на свои восемьдесят лет, работала сторожихой в больнице.

Долго раздумывал Паршин над тем, как быть. Наконец, сел в поезд и поехал.

Приехав в Москву, Паршин решил пока не справляться о своих прежних знакомых — сплошь ворах и грабителях. Он отправился к матери.

Трудно описать эту встречу. Ни он старуху, ни она его не узнали. Когда он убедил ее в том, что он — действительно он, старуха села на сундучок и долго молча разглядывала его со всех сторон. Потом поудивлялась тому, что сын больно быстро состарился, не хотела верить, что ему уже за шестьдесят. К его проекту увезти ее в Котлас старуха отнеслась равнодушно. Чуть-чуть оживилась, когда рассказывала, что в Москве живет ее теперь единственная овдовевшая дочь, младшая сестра Паршина. Она же сама приглядывает за внуками и в меру своих старушечьих сил помогает дочке. Расспросить сына о том, где он пропадал почти сорок пять лет, старуха забыла.

С приближением вечера стал вопрос о ночевке. Каморка у матери была крохотная, и стояло в ней две койки — на второй спала другая сторожиха. Паршин и без вопроса понял, что ночевать тут нельзя. Не будь он на нелегальном

положении, другое бы дело: А так — подвести может.

Нужно было искать ночлег. Выйдя на широкий, как поле, асфальтовый простор новой Калужской улицы, Паршин остановился в растерянности. В гостиницу сунуться он не мог. Порядочных знакомых не было. Перебрал в памяти бывших маляков, перекупщиков, тайные ночлежки и остановился на всплывшем внезапно в памяти слесаре Ивашкине. В его подвальчике можно было бы и переночевать.

Ивашкина Паршин застал дома. Ему не пришлось долго объяснять, кто таков неожиданный гость. Слесарь хорошо помнил взломщика, от которого ему перепало немало добычи. С тех пор у него ни разу не было такого хорошего заказчика. Но сравнив стоявшего перед ним оборванного старика с бывшим барином в бобрах, Ивашкин повесил голову: кривая дорожка к добру не приводит.

Появились пол-литра и коробка баклажанной икры. Распили. Ивашкин сбегал за повторением. Пошли воспоминания. Паршин лег спать с туманом в голове. В пьяной карусели вертелись Славянский базар, Фелица, бобры, миллионы и снова Фелица...

Следующим вечером снова — литровка на столе. И снова соблазн воспоминаний.

Шепотком, слюнявя ухо Паршина, Ивашкин сообщил, что есть у него на примете один человек, с которым, кажется, можно сделать дело. Хоть он и конструктор, работник большого завода, а кроме того, читает лекции в институте, но есть в его прошлом кое-что известное Ивашкину, чем можно его прижать. Был инженер Яркин когда-то беспризорным, безобразничал, крал, су-

дился. Только тогда у него была другая фамилия. С тех пор он, правда, как говорится, «перековался», отошел от дурной жизни и работает, кажется, как все, но отчего не попробовать его прижать? Многого от него не требуется — дело подводчика сторона: выяснил, когда денежки в кассе будут, рассказал о порядках, достал пропуск и — в сторону. Остальное уже дело мастера...

— Такому мастеру, как ты, и карты в руки! — льстиво нашептывал Ивашкин.

Чем дальше шли разговоры, тем проще казалось Паршину пойти к инженеру и вовлечь его в дело. Паршин хорохорился. И сам себе уже не казался ни старым, ни подошедшим к концу пути, когда нужно подытоживать пережитое.

К утру уверенность, навеянная водкой, исчезала. Паршин делался вялым и усталым стариком. Но после первого же стакана, поднесенного Ивашкиным для похмелья, в голове снова становилось звонко и беспокойно.

Через день Паршин начал наводить справки об инженере Яркине.

Пока шло прощупывание Яркина, Паршин успел вместе с матерью Марьей Степановной побывать у сестры. Пелагея Петровна, в просторечии Паня, жила с двумя детьми, служила продавщицей в галантерейном магазине. Жалованье получала мизерное, едва сводила концы с концами.

Впервые с тех пор, как уехал из деревни, Паршин провел с детьми целый день. Их мир показался ему таким далеким от его собственного, словно они жили какими-то совсем разными жизнями. Даже слова, которые были у них в обиходе, были не те, к каким привык Паршин. С интересом, граничащим с недоверием, он установил, что и мальчик и девочка твердо верят в свое бу-

дущее и знают о нем так много, словно видят его. Эта уверенность больше всего поразила Паршина.

Между тем разведка Яркина двигалась вперед. При втором посещении Яркина Паршин без стеснения рассказал ему о себе все: сказал, что отбыл срок за переход границы, рассказал про прошлую жизнь и уверил, будто лучше его никто не владеет искусством взламывания несгораемых касс.

Говоря, Паршин внимательно следил за собеседником. Ему важно было знать впечатление, какое произведет рассказ. Недоумение («Зачем, мол, мне все это знать?»), сквозившее во взгляде инженера, не нравилось Паршину.

Паршин перешел ко второму пункту: сказал, что знакомство их может быть выгодным для обоих, стоит только Яркину оказать Паршину небольшую услугу.

Яркин ответил, что не видит надобности в знакомстве с Паршиным. Тогда Паршин пустил в ход козырь, полученный от Ивашкина: упомянул о прошлом Яркина и о том, что знает его настоящую фамилию.

Яркин, повидимому, не ждал удара с этой стороны: смешался, попробовал прикрикнуть на Паршина. Но того трудно было испугать. Кончилось тем, что Яркин спросил, что собственно нужно гостю.

— Только маленькой помощи, — сказал Паршин. — Сами видите: дошел до крайности. Как только справлюсь — брошу все, уеду в свой Котлас и заживу честно, по-тихонькому.

— При чем же здесь я, чего вы хотите от меня? — раздраженно переспросил Яркин.

— Ведь вы в институте свой человек?

— При чем тут наш институт? — с испугом спросил Яркин.

— Там предстоит выплата стипендий. Мне нужно точно знать, когда это произойдет, в каком банке кассир получил деньги. Это мне нужно, чтобы посмотреть — сколько он получит. Спрашивать о таких вещах неловко.

По мере того как Паршин говорил, его голос делался все тверже, все увереннее. — Затем мне требуется знать: когда кончается раздача стипендий, сколько студентов успевают получить стипендии в первый день, в каком часу кассир уходит домой. Вот, собственно говоря, и все...

Стоя у двери, как будто готовый каждую минуту распахнуть ее и выкинуть шантажиста, Яркин широко открытыми глазами смотрел на Паршина. Взгляд его делался то испуганным, то сердитым. Инженер переминался с ноги на ногу и нет-нет притрагивался к ручке двери. Паршин видел, как росинки пота появляются на лбу молодого человека, и ждал, что будет. Он вовсе не был уверен в успехе своего предприятия: если Яркин отворит сейчас дверь и кликнет людей, Паршин даже не станет сопротивляться — пусть берут. Все равно рано или поздно этим должно кончиться... Как это говорится в тюрьме: «Тот, кто хлебнул тюремной баланды, — вернется». Что же, для таких, как он, — это, повидимому, верно.

Но вот он услышал хриплый голос Яркина:

— Дальнейшее меня уже не будет касаться? Вы оставите меня в покое?

— Само собой, — пренебрежительно ответил Паршин. — На что вы мне.

— Хорошо, я узнаю...

— Только еще один пустяк: вот моя фотография, — Паршин небрежно передал Яркину зара-

нее приготовленную маленькую карточку: — Нужно выправить мне пропуск для входа в институт.

— Этого я не могу, — решительно заявил Яркин.

— Придется сделать, — мягко, но в то же время настойчиво проговорил Паршин. — Придется, Серафим Иванович.

Яркин в волнении мял папиросу. Не глядя на Паршина, взял фотокарточку. Серdito пробормотал:

— Я не могу достать пропуск на ваше имя.

— Не имеет значения, — успокоил Паршин и усмехнулся: — Я не гордый. Абы войти да выйти.

— Послезавтра утром... — Заложив руки за спину, чем подчеркивал нежелание подавать руки Паршину, Яркин толкнул дверь ногой.

Когда Паршин был уже в прихожей, Яркин вдруг тихо произнес ему в спину:

— Я бы на вашем месте уехал из Москвы. Теперь же.

— Это почему же? — обернулся Паршин.

— Я... решил сообщить о вас в милицию.

— Обо мне? — спокойно спросил Паршин.

— О вас.

— А о себе?

— Будь что будет, сам пойду и все скажу.

Паршин несколько мгновений глядел в глаза Яркину, пожал плечами и вышел, аккуратно притворив за собою дверь.

2. КОГОТОК УВЯЗ — ВСЕЙ ПТИЧКЕ ПРОПАСТЬ

Послезавтра наутро Паршин получил пропуск от Яркина. Страх победил инженера.

До выдачи стипендии оставался один день.

Паршин прошел в институт и обследовал помещение кассы, расположение охраны, дверей.

День ушел на раздобывание инструмента, в дополнение к уже изготовленному Ивашкиным. Ночью Паршин пришел к Яркину и, не заходя дальше прихожей, коротко бросил:

— Завтра к вечеру вам надо быть в вестибюле института.

Яркин в бешенстве захлопнул дверь, едва не ударив ею Паршина. Тот пожал плечами и молча ушел.

На следующее утро Паршин проследил в банке институтского кассира, посмотрел, сколько тот получил денег, вместе с ним приехал в институт и часа два наблюдал за выдачей стипендий. Сосчитав, сколько студентов проходит в час и сколько времени осталось до конца занятий, рассчитал, что в кассе на ночь остается сумма, из-за которой стоит производить взлом. После того уехал к Ивашкину, чтобы выспаться.

В одиннадцать часов вечера в вестибюле института Паршин увидел Яркина. Бледный, со сжатыми губами, инженер делал вид, будто читает объявления на доске. Не разговаривая между собой, поднялись в коридор, где была расположена касса. Паршин велел Яркину остаться около лестницы и следить за возможным появлением людей. Сам же быстро подошел к кассе, одним нажимом плеча выдавил деревянную ставню окошка, бросил в комнату портфель с инструментом и быстро пролез сам. Задвигая деревянный щиток, слышал, как быстро сбегал по лестнице Яркин.

Появилась бы мысль, что инженер может заявить в милицию. Но тут же решил, что это опасение напрасно. Яркин уже «свой».

К началу четвертого касса была «сработана». К разочарованию Паршина денег в ней оказалось меньше, чем он рассчитывал. Он покинул институт через окно соседней комнаты, в которую вела дверь из кассы. Спустился из окна по веревке с узлами. Инструмент отвез к Ивашкину, с деньгами поехал к Яркину. Выждав, пока ушла на работу жена инженера, вошел. Спокойно, ни слова не говоря, выложил все деньги на стол, пересчитал на глазах Яркина и, отделив тридцать процентов, подвинул ему. Яркин оттолкнул деньги: они рассыпались по полу. Паршин все также спокойно, бережно собрал их, снова положил на стол и прижал пепельницей. Попрощался и вышел. За все это время он не произнес ни слова.

— Возьмите их... слышите?.. Возьмите сейчас же! — злобно прошептал ему вслед Яркин.

Паршин вышел, не обращая на него внимания.

Ивашкин, строя планы на будущее, напрямик поставил вопрос о том, что жить у него Паршину не следует, хранить инструмент тоже нужно в другом месте.

В первую голову Паршин отыскал место для хранения инструмента. Это был старик — ломовой извозчик, который когда-то обделывал для Ивана Петровича кое-какие темные дела. Старик долго упирался. Он сам бросил прежнюю жизнь и советовал также поступить и Паршину. Старик целый вечер высказывал ему свои мысли о том, как следует теперь по-новому строить жизнь, так как старый путь не имеет никакого резона. Повидимому, старик действительно изменился. Паршину не хотелось спорить, он только попросил хотя бы «христа ради» на время припрятать инструмент. Старик скрепя сердце согласился.

— Только гляди, Иван Петрович, как перед богом: никакого участия в твоих делах не принимаю и принимать не стану, — твердо сказал извозчик на прощанье. — И денег ты мне не сули. Не возьму, хоть на коленях подноси.

Еще трудней оказалось с квартирой. Паршин не хотел пользоваться каким-нибудь из немногих уцелевших воровских притонов. Они проваливались один за другим, а он искал — спокойного и безопасного места. На выручку пришла его наблюдательность. Найденная благодаря ей «квартира» была так же надежна, как и необычна: Паршин постоянно проходил мимо небольшой сберегательной кассы. Заходил он несколько раз и внутрь, чтобы позвонить по автомату Яркину. Сберкасса эта состояла из двух комнат: передней, побольше, где сидели сотрудники и производились операции, и задней — маленькой, — занимаемой заведующим. В передней было зеркальное окно; в задней — небольшое оконце, забранное толстой решеткой. Обстановка задней комнаты состояла из письменного стола, американского качающегося кресла, несгораемого шкафа и большого дивана, крытого потертой черной клеенкой.

И вот однажды, когда Паршин, стоя в стеклянной будке автомата, приглядывался к жизни кассы, ему пришла в голову необычайная мысль: а что если приспособить для жилья заднюю комнату сберкассы? Наверняка уж можно сказать: никто по ночам сюда не приходит.

Паршин провел несложное наблюдение за временем ухода и прихода сотрудников. Они уходили почти все в одно время. Заведующий в присутствии остальных запирает кассу на два замка — простой и американский. Происходило это

обычно между семью и половиной восьмого. Утром он появлялся всегда ровно в двадцать минут девятого, вместе с ним приходила уборщица. Таким образом, целых двенадцать часов касса бывала пуста. И уж наверняка можно сказать, что в течение этих двенадцати часов она была так же обеспечена от неожиданных визитов Уголовного розыска, как квартира самого начальника милиции.

Паршин запасся всем необходимым: будильником, который с вечера ставил на семь часов; резиновой надувной подушкой, легким байковым одеялом и резиновым же пузырем, который в случае крайней надобности должен был избавить его от необходимости выходить в уборную. Все это укладывалось в портфель, который на день прятался под половицу в кабинете заведующего.

Проникать с вечера в кассу для такого знатока замков, как Паршин, не составляло никакого труда. Наутро касса бывала снова заперта, и кабинетик заведующего не носил никаких следов чужого присутствия. Паршин посмеивался: карточки с лицевыми счетами вкладчиков никогда не бывали под такой надежной охраной.

Устроив таким образом свой быт, Паршин считал возможным снова повидаться с Яркиным. Предварительно он узнал от Ивашкина, имевшего самостоятельную связь с инженером по мастерской института, что захандривший было Яркин малопомалу пришел в себя. Он даже принялся за работу над каким-то большим проектом. В связи с этой работой ему часто приходилось ездить в машиностроительный институт. Получив все эти сведения и убедившись в том, что в машиностроительном институте тоже имеется несколько тысяч

студентов, получающих стипендии, Паршин отправился к Яркину.

Увидев Паршина, инженер сначала обомлел от удивления, потом пришел в бешенство. Он грозил, требовал, просил. Он не хотел больше видеть Паршина. Он желал, чтобы ему был возвращен старый пропуск.

Паршин терпеливо слушал. Потом, несколько не повышая голоса, так, словно говорил с капризным ребенком, слово за слово стал доказывать Яркину, что тот совершенно напрасно тратит силы на столь бурную сцену. Далее инженер услышал, что пропуска Паршин ему не отдаст: этот документ хранится в заветном месте в качестве доказательства его, Яркина, преступной связи с Паршиным.

Яркин схватился за голову и расширенными от ужаса глазами, бледный, с отвисшей челюстью, уставился на Паршина. В следующий миг Паршин заметил, что рука Яркина тянется к заднему карману, где у того, очевидно, лежал револьвер. Паршин усмехнулся:

— Хотите пришить себе и мокрое дело?

Яркин, окончательно обессиленный, упал на стул. Голова его, словно мертвая, стукнулась о край стола, и он зарыдал. Неожиданно он вскочил и бросился на Паршина, но старик без особого усилия отбросил его к стене. Яркин упал, увлекая за собой этажерку с книгами. Паршин испугался: шум мог привлечь внимание соседей. Но, кажется, все было тихо вокруг. В комнате раздавалось только рыдание Яркина. Он плакал все громче. Паршин впервые видел истерику мужчины. Некоторое время он стоял, недоуменно выпятив губы, и глядел на инженера. Потом оты-

скал стакан, пошел в кухню, набрал под краном воды и вылил на голову Яркина.

Яркин затих. Долго лежал молча. Не вставая с пола, спросил:

— Что вам еще нужно?

— Вы в машиностроительный институт поживаете. Так вот: мне надо знать, когда там выдача стипендий, когда кассир за деньгами поедет?

Яркин с ненавистью посмотрел на Паршина:

— Никакого пропуска я вам не дам и вообще... тот старый пропуск я просто потерял, а вы нашли его и воспользовались.

Паршин рассмеялся:

— Чудак вы, Серафим Иванович... словно дитя малое. Ну, ладно, ну, потеряли... А шесть тысяч? Нашли?

— Я верну вам ваши деньги, — неуверенно пролепетал Яркин, и Паршин с удовлетворением понял, что деньги истрачены.

— Ивашкин — свидетель тому, что денежки-то вы от меня получили... Лучше давайте-ка прикинем, как новое дельце наколоть.

Яркин все сидел на полу и, взявшись обеими руками за голову, раскачивался из стороны в сторону. Временами он издавал слабый стон. Со стороны можно было бы подумать, что у него невыносимо болят зубы. Он пробовал снова грозить Паршину. Тот только смеялся. Яркин стал просить. Он умолял пожалеть его, пожалеть жену. Говорил о том, каких усилий ему стоило выбраться на честную дорогу, о надеждах своей жены.

— Ладно, — сказал Паршин. — Давайте те шесть косых, и я уйду.

— Отдам, клянусь вам, отдам их... частями. Буду вещи продавать и отдам, — радостно воскликнул Яркин. Он поднялся с пола и двумя руками взял Паршина за руку, хотел заглянуть ему в глаза, но Паршин отвел взгляд, отвернулся. С холодной жестокостью проговорил:

— Денежки на стол — и баста.

— Вы же знаете, — испуганно начал было Яркин и осекся. Он не мог выговорить то, что Паршин давно и так понимал: что денег у него нет, что отдать их он не сможет. И тогда Паршин стяхнул со своей широкой ладони горячие руки инженера и насмешливо произнес:

— Ясно!.. Нечего и дурака валять... А то ведь и я тоже могу заявочку сделать... Мне терять немного осталось... — и, обведя рукой вокруг себя: — Не то что тебе... И давай кончать бабиться, а то, гляди, жена придет...

Яркин стоял напротив него со сжатыми кулаками. Вспухшие от слез глаза были с ненавистью устремлены на Паршина.

3. ДАЛЬШЕ В ЛЕС — БОЛЬШЕ ДРОВ

Были «сделаны» еще два института. Иногда не все шло гладко, и Паршин переживал минуты страха. Во втором же деле, в машиностроительном институте, он чуть не оказался в ловушке из-за того, что в соседнюю с кассой комнату, в то время как он работал, вошли люди. Он не предусмотрел, что комнату могут отпереть снаружи. Со следующего раза он вернулся к способу, изобретенному когда-то Вершининым: полотно двери привинчивалось к косяку длинным буравчиком. Так он «приштопоривал» теперь обе двери — кассовую и соседней комнаты, если там находилось

окно, через которое было намечено бегство. Этот вершининский буравчик он применял уже давно. У него было два преимущества: во-первых, дверь нельзя было отпереть снаружи, во-вторых, сам грабитель не мог потерять ключ или отмычку.

Материальный эффект этих ограблений не удовлетворил ни Паршина, ни Ивашкина. Изменился и Яркин: он заявил, что рискует больше всех, что в случае провала он теряет все: семью, с таким трудом заработанное положение в обществе. А раз уж он так много поставил на карту и притом не по своей воле, а из-за шантажа Паршина, то хочет, по крайней мере, рисковать не из-за тех грошей, которые приносит ему Паршин.

Паршин почувствовал прилив такой ярости, что с трудом сдержался, чтобы не ударить сообщника. Тяжело дыша, он сказал:

— Ты эту манеру, Серафим Иванович, брось. Нечего на меня валить. Воля твоя была слушать меня или собственную совесть... — Он поглядел Яркину в глаза и покачал головой. — Хочешь, я тебе скажу, что другой бы порядочный на твоём месте сделал?

— Откуда вы знаете, что бы сделал порядочный?! — крикнул Яркин. — Что общего между вами и совестью? Разве она у вас когда-нибудь была?

— Была, Серафим Иванович, — уже успокоившись, проговорил Паршин. — Была, да вся вышла. А все-таки я могу судить кое-о чем и по сей час: будь бы на твоём месте настоящий человек, понимаешь: настоящий!.. — он бы в тот же, в первый-то день моего прихода, пошел куда надобно и сказал: так и так, товарищи, виноват, мол, скрыл от вас старые грехи и все-то я не Яркин. Но теперь я стал другим человеком. А могу ли

я с моим грехом с вами дальше жить — судите. Вот я тут весь перед вами. Судите меня.

Яркин делал вид, что не слушает. Он с трудом закурил: его пальцы так дрожали, что спичка никак не попадала на конец папиросы.

А Паршин помолчал и закончил:

— И сейчас еще не поздно. Пойди и скажи: такой вот я и сякой, со старым медвежатником Ванькой Паршиным в компании три института ограбил, четвертый готовлюсь обработать. Берите меня, товарищи... — Паршин рассмеялся. — Ей-богу, и сейчас не поздно, Серафим Иванович. И тогда мы грех с тобой вместе искупим: ты да я, да мы с тобой... И легко будет, ей-богу... Пойди, а?

Говорил со странным смешком, из-за которого невозможно было понять: всерьез он все это или так, для рисовки? Говорил, а сам исподлобья следил за лицом Яркина. И стало ему совершенно ясно, что несколько Яркин больше не опасен и находится целиком в его власти. Не от страха перед открытием преступления, а потому, что линия его пошла в эту сторону. Конец ему тут, рядом с Паршиным.

— Между прочим, Серафим Иванович, дорогой мой, — примирительно проговорил он, — совершенно ты прав: мелко работаем. Рисковать, так хоть было бы из-за чего. Но, уважаемый, не те времена. Советская власть для нашего брата — неудобная. Жизнь в Советском Союзе не туда повернула, куда бы нам надобно. Цели у нас настоящей не стало. Ну, скажем, взяли бы мы настоящий куш, накололи бы дельце, ну, что ли, на миллион. Стало бы у нас капиталу по полмилльона. Ну, и что? Что с ним делать? Торговлишку заведешь? Или, может статья, скаковую

калюшню откроешь, или у «Яра» зеркала бить будешь, либо певиц в шампанском купать? Не говоря уже о том, что большие деньги в наших руках — у меня ли, у тебя — тут же обратят на тебя внимание, ну и... амба.

— Что же выходит? — злобно спросил Яркин.

— А то и выходит, Серафим Иванович: сколько бы мы с вами ни старались — впустую... Это точно: впустую!

— Вы... вы какой-то ненормальный, — дрожащим голосом пробормотал Яркин. — Совсем сумасшедший! Сами меня подбили... а теперь... Что же?

— Ну, я особая статья. Во мне старые дрожжи играют. Мне не воровать — не дышать. Вы думаете, мне теперь деньги нужны? Было, конечно, время — гнался, о больших деньгах мечтал. Думал: на таких дурных деньгах жизнь построить можно. Многие так думали, да никто не построил. Знаете, сколько передо мной нашего воровского народа прошло? Всякие бывали: и с тысячами, и с сотнями тысяч. И свои дома покупали, и певиц содержали, и рысаков заводили. Всякое бывало. Но конец-то, обратите внимание, у всех один: хорошо ежели тюрьма, а то и... Жизнь наша так и так конченная. Ежели не петля, так страх нас задавит. Самый лютый: по ночам будить станет, днем преследовать. Прежде я полагал, что боюсь сыскной полиции, либо там Уголовного розыска. Тюрьмы, думал, боюсь. А потом, как в тюрьме побывал, — вижу: не в тюрьме дело. Себя страшно, Серафим Иванович. От этого большая часть наших запоем пьет. А то бывает и руки на себя наложат...

Паршин умолк, видя, что Яркин сидит, уронив голову, и не поймешь — то ли от того, что слы-

шит, то ли от собственных мыслей, голову руками из стороны в сторону качает, как тогда на полу.

Паршин не спеша закурил и сидел молча, Яркин поднял голову и мутным, больным взглядом поглядел на Паршина:

— Ушли бы вы, жена скоро придет... — про-
бормотал он и тихонько застонал.

Паршин без возражения поднялся и надел шляпу. У двери уже сказал:

— Завтра приду, поговорим. Надо бы настоя-
щее дельце наколоть.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава пятая

1. ТЕТЯ КАТЯ И ЕЕ ПИСЬМО

Кручинин нелегко поддавался настроению. За редким исключением он был ровен с начальниками и с подчиненными. Редко кому довелось слышать его повышенный голос. И уж во всяком случае никто не мог похвастаться тем, что умеет по его лицу угадывать настроение и судить о ходе дел. Так было и теперь, когда на душе у Кручинина скребли кошки от затянувшегося дела о повторных ограблениях в институтах. Преступник попался на редкость осторожный и опытный. Кручинину было ясно, что это какой-то засидевшийся на свободе «осколок империи». Чем безнадежнее выглядело дело поисков, тем тверже делалось решение Кручинина не складывать рук, пока он не поймает преступника и не отпрапортует, что последний медвежатник в Советском Союзе посажен под замок.

Иногда вечерами, когда расходились последние сотрудники отдела, Кручинин задерживал Грачика

и в тиши своего кабинета буква за буквой, строка за строкой проходил с ним все дело. Он делал вид, будто советуется с молодым человеком, и с интересом вслушивался в его ответы. Не всегда они радовали старого розысника: подчас они бывали неверны, иногда даже наивны. Но это не смущало Кручинина. Он терпеливо объяснял Грачику ошибки и снова толкал его на поиски решений. Если бы это дело не представляло такого интереса для всего московского розыска, Кручинин, может быть, пошел бы на то, чтобы целиком поручить его Грачику, а самому только наблюдать за работой молодого друга. Но на этот раз сделать так было невозможно, хотя подобное дело и было прекрасной школой для начинающего оперативную деятельность, но уже совершенно ясно обнаружившего большие способности Грачика. Кручинин верил в него, так как видел со стороны молодого человека не только усердие и внимание, но и умение проникать в сущность дела, не скользя по его внешней, видимой поверхности. Кручинин потому и вел Грачика день за днем по делу о медвежатнике, что оно требовало от оперативного работника не столько быстрых и смелых решений, за которыми у Грачика никогда не было остановки, а углубленной разработки, почти исследовательской работы под стать Институту криминалистики.

Верный принципу держать своих помощников в курсе каждого дела, Кручинин часто собирал оперативные совещания и внимательно выслушивал мнение стариков, давал советы молодым.

— Итак,— сказал он, заканчивая очередное совещание со своими сотрудниками, — перед нами четыре медвежатника: Грабовский, Вершинин, Горин и Паршин. Экспертиза говорит, что все

три дела принадлежат одному из них. Кого же разрабатывать?

— Видать, всех по очереди, — со вздохом проговорил Фадеичев.

— Хотелось бы мне знать, почему этот дьявол с таким упорством обрабатывает именно институты? — проворчал себе под нос Кручинин.

— Я бы сделал засады во всех институтах. В одном из них мы его возьмем, — предложил Грачик.

Кручинин поглядел на него с нескрываемой иронией:

— Если бы вы знали, сколько в Москве институтов, то, наверно, подумали бы, прежде чем предлагать такой способ. — Он помолчал. — Но, повидимому, действительно не избежать разработки всех четырех медвежатников. Шансы совершенно одинаковы в отношении каждого из них. Единственная логика, какую можно найти, — алфавит: Вершинин, Горин, Грабовский, Паршин. Так и начнем: Вершинин. На нем, первом, — максимальное внимание. Одновременно в разработку пустить Горина. Вам, Грачик, тем временем готовить все возможное по Грабовскому и Паршину. Каждый из вас дважды в день докладывает мне о ходе разработки. Разумеется, в экстренных случаях — прямо ко мне, не считаясь со временем, хоть с постели тащите. А конспект отработки, в виде дневничка за сутки, — мне на стол. Так, чтобы я мог по следам каждого из вас в точности сам пройти. Два глаза хорошо, а четыре лучше.

Оперативное совещание было, собственно говоря, уже закончено. Как всегда, возле самой двери, прямой и строгий, на кончике стула сидел дед Фадеич. Словно рассуждая сам с собой, он

бормотал под нос: «При Советской власти Вершинин судился единожды, проходил по делу художественного фонда; в царское время не судился, но, судя по всему, рыло у него в пуху; работал только в Москве, значит, надо думать, москвич. Годами не мальчик, следственно...»

Его рассуждения подхватил Кручинин:

— Трудно допустить, чтобы долгую жизнь человек прожил в Москве один-одинешенек — были же связи. Жена...

— По данным — холост, — подал голос Фадеичев.

— Жалко, а то бы мы по детям добрались... Э, не может быть, чтобы у москвича да не было б сестер, братьев, племянников, тетушек да дядюшек. Хоть какие-нибудь родственнички должны же быть! Копайте его дело, Фадеич, каждую строку, все протоколы от первого до последнего: ищите родственников.

Прошло несколько дней, прежде чем торжествующий Фадеичев появился в кабинете начальника с растрепанной архивной папкой. То было дело по обвинению Вершинина Ф. И. в покушении на ограбление Государственного фонда художественных ценностей в помещении бывшего Английского клуба на Тверской улице, в Москве. На листе 112-м имелся протокол обыска в комнате, принадлежащей некоей гражданке Субботиной Екатерине Ивановне. Как было сказано в протоколе: обыск был произведен по подозрению в хранении краденых вещей брата Субботиной Екатерины Ивановны — Вершинина Федора Ивановича. Обыск был безрезультатный.

Кручинин тотчас отправил Фадеичева и Грачика по указанному адресу.

Грачик не спеша шел по Малой Ордынке, оты-

скивая нужный номер. За ним, шаркая подошвами, плелся Фадеичев. Старик ворчал себе под нос что-то о ревматизме, старости и прочих обстоятельствах, в силу которых ему пора бы давно на печку, ежели бы не его собственный беспокойный характер.

Внимание Грачика привлекла мраморная доска с золотыми буквами, укрепленная на стене маленького полуторазтажного домика с палисадничком. Грачик не мог отказать себе в удовольствии поглядеть, какой реликвией могла быть такая хибарка, и с удивлением прочел, что в этом доме жил и работал великий русский драматург Александр Николаевич Островский. Грачик не поленился обойти домик вокруг. Он показался ему до смешного тесным, жалким. Да, живя здесь, драматург мог понять, что такое «Замоскворечье»!

Ребятишки с интересом глядели на франтоватого армянина, разглядывающего исторический домик, и оживленно, перебивая друг друга, давали ему пояснения. Слово за слово — разговорились. Ребята, конечно, знали всех, кто жил в соседних домах.

— А кого вам нужно, дяденька?

— Мне?.. Никого не нужно. А вот дедушка ищет старого знакомого, — уклончиво ответил Грачик, указывая на Фадеичева.

— А вон идет бабушка Катя, — она тут всех вокруг за сто лет знает, — заявили дети.

— Это что же за всезнающая бабушка? — поинтересовался Грачик. — Старожилка?

— Бабушка Катя Субботина, — пояснила какая-то девочка.

После такого разъяснения Грачик со вниманием поглядел на плетущуюся по тротуару ста-

рушонку. Разговор с ребятами был наскоро закончен, и Грачик с Фадеичевым с независимым видом последовали за Субботиной. Аккуратенькая седенькая особа, в старомодной шубке, опираясь на костылек с нарядной ручкой слоновой кости, медленно, мелкими-мелкими шажками направлялась к небольшому старинному домику.

Оперативники проводили ее до подъезда. Фадеичев пошел звонить в МУР, а Грачик остался у домика. К тому времени, когда приехал Кручинин, Грачик уже знал, куда выходит старушкино окошко. Кручинин с интересом выслушал доклад и осторожно обошел домик Субботиной. Было решено установить за Субботиной наблюдение.

В течение трех дней Субботина, как гриб, сидела дома. Один только раз вышла в булочную и тотчас вернулась. Кручинин не снимал наблюдения.

Вечером четвертого дня Грачик пошел проверить наблюдение. Было уже совсем темно, когда он позвонил Кручинину по телефону и доложил, что Субботина пишет.

Кручинин не сразу понял Грачика.

— Пишет? — переспросил он. — Ну, и что?

— Письмо пишет, — пояснил Грачик.

— Откуда вы знаете, что именно письмо?

— Она написала адрес на конверте и, отложив конверт в сторонку, принялась за самое письмо.

— А что за адрес? — спросил Кручинин.

— Не видно, товарищ начальник, — виновато ответил Грачик, не поняв, что Кручинин задал вопрос в шутку.

— «Не видно», — передразнил Кручинин. — Какой же вы после этого сыщик?.. Ладно, быстрень-

ко возвращайтесь в отдел. Наблюдение продолжать.

Между тем Кручинин был заинтересован вовсе не на шутку: ему во что бы то ни стало нужно было знать адрес, написанный старухой.

«Адрес, адрес», — гвоздем сидело в голове Кручинина. Он поглядел на часы: восемь. Можно ли допустить, что старуха еще сегодня опустит письмо в ящик? Почему бы ей перед сном и не прогуляться? А ведь с того момента, как письмо будет опущено в узкую щель почтового ящика, оно будет недосыгаемо для взоров Кручинина. Он должен увидеть конверт раньше, чем письмо очутится в ящике.

Едва дождавшись Грачика и заставив его повторить доклад, Кручинин поспешно оделся и вместе с Грачиком поехал на Ордынку. Сотрудника он застал неподалеку от старушкиного окна.

— Ну что? — спросил Кручинин.

— Все пишет, товарищ начальник.

— Довольно длинное письмо, черт ее побери, — проворчал Кручинин.

Он поглядел в окошко: старушка медленно водила пером, далеко отклонив от листка голову.

Кручинин переминался на снегу: он не надел галош, начинали мерзнуть ноги. В душе он бранил словообильную старуху. Наконец, вздохнул с облегчением: она закончила письмо и, отстранив листок на вытянутую руку, стала перечитывать написанное. Кручинин отметил, что старуха дальнотзорка.

Письмо оказалось состоящим из нескольких листков. Лишь перечтя их все, старуха стала старательно заклеивать письмо.

Она поглядела на висящие за ее спиной восьмигранные часы в деревянном футляре, какие

прежде вешались в кухнях, и губы ее беззвучно зашевелились. «Молится, что ли?» — подумал Кручинин. «Нет, вероятно, рассчитывает время». Действительно, подумав, старуха принялась одеваться. Кручинин понял, что даже если он тем или иным способом получит на короткое время конверт в руки, то в темноте, царящей на улице, он все равно не сможет прочесть адрес. Значит, он должен получить письмо на срок, достаточный, чтобы прочесть адрес на свету.

— Полцарства за конверт и немного бумаги, — тихо сказал он Грачику.

Тот только недоуменно развел руками.

— Конверт... Слышите: конверт во что бы то ни стало! — сердито повторил Кручинин.

Грачик стал ощупывать карманы и чуть не свистнул от радости: в одном из них лежал конверт с деньгами — полумесячное жалованье, положенное сегодня ему на стол кассиром. Грачик быстро опорожнил конверт. Но теперь конверт оказался невероятно тощим, а ведь старуха вложила в свой несколько сложенных листков. Для выполнения плана Кручинина его конверт на ощупь должен был быть таким же, как ее письмо... Кручинин, не задумываясь, взял из рук удивленного Грачика деньги, вложил их обратно в конверт и заклеил его. Он усмехнулся при мысли, что вдруг старуха успеет дойти до ящика и сунуть в него конверт с деньгами раньше, чем сам он прочтет адрес... Ну что же, такое уж счастье почтаря, который вынет конверт без адреса, набитый деньгами.

Все было готово, но тут Кручинин увидел, что уже одевшаяся была старуха снова сняла шубейку, сбросила платок и принялась готовить постель. Значит, отложила поход к почтовому

ящику до утра. До утра так до утра. Тем лучше: утром достаточно будет двух секунд, чтобы прочесть адрес на конверте.

Кручинин уехал, захватив с собой и Грачика. Но вдруг по дороге ему пришло в голову, что старуха может сейчас же поручить кому-нибудь из соседей бросить письмо. Он послал Грачика обратно. Только убедившись в том, что старуха легла, а письмо осталось на столе, продрогший Грачик решился покинуть свой пост.

Утром, чуть свет, памятуя, что старухи способны вставать с петухами, он был на посту. Каждый выходивший из дома заставлял Грачика приглядываться ко всему, что было у них в руках: ведь старуха и утром могла понести письмо не сама.

Но вот около восьми часов появилась на крыльце и сама Субботина со старой кошелкой. Никакого письма в руках у старухи не было. Вероятно, оно лежало в кошелке. Грачик терпеливо шел за едва тащившейся старухой. Как франт и любитель красивых вещей, он невольно залюбовался прекрасной тростью старухи: из хорошего упругого камыша, с ручкой слоновой кости; эта трость возбудила даже зависть Грачика. Между тем Субботина дошла до почты, купила марку и, вынув из кошелки письмо, старательно, непослушными узловатыми пальцами, стала наклеивать марку. Этого было достаточно, чтобы Грачик мог прочесть почти весь адрес: «Киев, Прорезная, 17, Вершинину». Номер квартиры, имя и отчество — Грачик прочесть не мог — мешала рука старухи. Да это и не было нужно: главное было теперь известно.

Телефонный звонок в Киев и — киевская милиция подтвердила, что Вершинин действительно

живет на Прорезной. Но, судя по имени и отчеству, это не был «настоящий» Вершинин. Это мог быть только его сын.

Кручинин в тот же вечер решил выехать в Киев. Он хотел сам разработать найденного Вершинина. Ошибка могла обойтись слишком дорого в дальнейшем ведении дела — увести его в сторону.

Итак, думалось Кручинину, все обошлось неожиданно быстро и просто. Если киевский Николай Федорович Вершинин действительно окажется сыном Федора Ивановича — дело наполовину сделано. Останется проследить связь сынка с папашей. Кстати, не забыть бы захватить конверт из-под бумаг, возвращенных преступником. Нужно будет на месте сличить надпись на нем с образцами почерков Николая Вершинина и его корреспондентов...

На первом этапе разработки ожидания не обманули Кручинина: Николай Федорович оказался сыном Федора Ивановича Вершинина. Но уже следующие шаги с совершенной очевидностью показали, что с сына взять нечего: едва ли не единственный человек, с которым он переписывается — его московская тетка Субботина. Живет Николай замкнуто, друзей имеет мало. Проверка показала, что друзья его — люди, не подлежащие сомнению, — такие же преподаватели университета, как он сам. По словам самого Николая, отец его умер в Москве. Об этом со всеми подробностями сообщила ему тетка. Значит, круг искомых таинственных личностей сузился еще на одного человека — Вершинина со счетов долой.

Но для очистки совести Кручинин все же дал в проверку дату смерти Федора Ивановича Вер-

шинина. И тут возникло первое сомнение: никакими актами гражданского состояния смерть такого лица зарегистрирована не была.

Сторонним путем навели справку у Субботиной. Старуха подтвердила дату и обстоятельства, описанные Николаем Вершининым. Точного места смерти отца — улицы и дома в Москве — Николай не знал. Тетка при указании этого места путалась, давала туманные сведения.

У Кручинина возникло предположение, что Федор Вершинин проживал в Москве по чужому паспорту и под чужим же именем отошел в лучший мир. Но старуха, осторожно опрошенная, утверждала, что ее брат никогда ни под каким другим именем не жил, что имя Вершинина не таково, чтобы его нужно было скрывать. Создавалась путаница, распутать которую можно было, вероятно, только прямым допросом старухи: не скрывает ли она истинное местопребывание Вершинина, живущего в Москве по чужому паспорту? Но открывать старухе участие розыска во всем этом деле Кручинин не хотел.

Когда, наконец, удалось выяснить у Субботиной, что Вершинин умер не в самой Москве, а в подмосковной дачной местности, он поручил Грачику произвести самое тщательное расследование. И вот Грачик установил, что много лет тому назад, как раз в период, когда был ограблен елисеевский подвал, Вершинин в этих местах действительно жил, но что он там же и умер — этого решительно никто подтвердить не смог. Ни местный районный загс, ни лечебница, ни кто-либо из врачей в отдельности такого случая тоже не зафиксировали. Соседи дачи, где жил Вершинин, пожимали плечами. Кручинин был теперь уверен: Субботина лжет — Вершинин жив.

2. СБЕРКАССА 1851

Зима рано вступила в свои права. Уже к концу ноября снега на улицах было больше, чем в иные годы к концу зимы.

Чуть свет на тротуаре перед сберегательной кассой № 1851, как и на большинстве других московских тротуаров, появлялась дворничиха и принималась с ожесточением соскребать ледяную корку, наросшую за ночь на асфальте. От противного скрежета железа об асфальт Паршин обычно просыпался задолго до того, как зазвонить его будильнику. Иногда он натягивал на голову одеяло и пытался доспать свое, если это ему не удавалось — закуривал и, закинув руки за голову, думал под раздражающий аккомпанемент скребка. Думал он больше о прошлом, реже о настоящем. О будущем старался не думать вовсе. В нем, в этом будущем, не предвиделось ничего достойного размышлений. Будущее ему не принадлежало.

Паршину была отвратительна мысль о том, что рано или поздно он должен попасть впросак. Этой возможности он в свои шестьдесят с лишним лет боялся так же, как в тот день, когда шел на первый грабеж. Повидимому, таков удел всякого, кто переступает черту дозволенного законом: жить в страхе. Страх, когда он идет на «дело». Страх на «деле». Страх после «дела». И страх между «делами». Правда, теперь Паршин умел лучше владеть собой и не позволял страху мешать ему работать, но перспектива провала, ареста и тюрьмы, как и прежде, неотступно висела над его головой и была в общем самым постоянным, почти единственным ощущением реальной жизни. Если бы Иван Петрович знал

это слово, то чувство страха он назвал бы доминантой своего существования. Как алкоголик в минуты трезвости ненавидит вино, как наркоман в периоды просветления дает себе отчет в отвратительности своего падения, так и Паршин, лежа в сберкассе, ясно понимал мерзость переполняющего его жизнь страха. Но будь этот страх и вдесятеро страшнее, как только появлялась возможность совершить новое ограбление, Паршин шел на него. Он уверял себя, что не может не идти...

Скребок дворника постепенно удалялся и, наконец, вовсе затих. Паршин оделся, уложил спальные принадлежности в портфель и сунул его под половицу. Теперь предстояло посидеть в передней комнате и выждать момент, когда на улице никого не будет.

Иногда это сидение продолжалось довольно долго. Но Паршин был терпелив, как животное. Он сидел, притаившись за сейфом, внимательным, немигающим взглядом уставившись в окно. То, что рядом с ним стоял шкаф, где могли быть деньги, не сданные накануне инкассатору, и где уж во всяком случае лежали груды облигаций, как будто вовсе и не касалось Паршина. Холод стали, к которой он прижимался плечом, иногда проникал сквозь ткань пальто, тогда Паршин менял положение. Об этом шкафе он думал так же спокойно, как думал бы о стенке или дверном косяке. Сохранность этого шкафа была для Паршина чем-то вроде залога его собственной безопасности. Иногда ему даже приходила смешная мысль: «Что бы он сделал, ежели ночью в кассу забралась грабители?» Это был пустой вопрос: он знал, что является единственным оставшимся на работе медвежатником, но вопрос был интересен

сам по себе. Паршину даже казалось, что случись такое, он, наверно, не допустил бы ограбления кассы — ведь она была чем-то вроде его дома. Смешно, но так.

По выходе из сберкасс Паршину предстояло совершить часовую прогулку, прежде чем откроется «Артистическое кафе», напротив МХАТ, где он постоянно завтракал. Аппетит у него всегда бывал отличный. Не только из-за вынужденного моциона, но и потому, что на ночь он не ел: в сберкассе не было уборной.

После завтрака он отправился к Яркину. Нужно было решать вопрос о следующем ограблении.

Как он и ожидал, Яркин уже отыскал объект: институт «Цветметзолото»...

3. НА ВАШЕЙ УЛИЦЕ ПРАЗДНИК

На улице Кручинина был праздник, правда, совсем скромный: старуха Субботина ходила на почту и получила письмо до востребования. Радость Кручинина закончилась на том, что дежуривший уполномоченный видел, как старуха несколько раз перечитывала письмо, тяжело вздыхала и даже утирала слезу. Было ли это письмо от Николая Вершинина? О чем столь трогательном мог он писать тетке? Ответ на первый из двух вопросов Кручинин мог, повидимому, получить довольно скоро: старуха снова уселась за писание письма. Так как Субботина при этом несколько раз заглядывала в полученное письмо, было очевидно, что она пишет ответ. Нужно было придумать способ еще раз узнать адрес. Способ был найден, но такой, что Грачику удалось уви-

деть только три слова, когда старуха сдавала конверт на почту: «Ленинград, Введенская, Кузнецову».

Кручинин мог теперь предположить, что давешнее письмо пришло Субботиной от какого-то Кузнецова. Ехать в Ленинград искать Кузнецова, проживающего по Введенской? А если он на Введенской не живет, а только работает? И вообще если письмо Кузнецову написано только по поводу полученных от кого-либо другого известий? Вот если бы узнать, что содержится в письме, полученном «до востребования»! Увы, эта надежда окончательно угасла, когда Кручинин своими глазами увидел, как вечером, еще раз перечитав письмо и повздыхав, старуха его разорвала. Она рвала его старательно, на мелкие кусочки. Перегибала клочки и снова рвала. Клочки аккуратно складывала на кончике стола. Потом сгребла их в кулак и вышла из комнаты.

Вот тут-то, что показалось сначала концом, и представилось Грачику настоящей удачей: можно получить клочки письма, если... если только старуха не выкинула их под плиту. Была предпринята разведка, показавшая, что, к счастью, в квартире плита не работает: пища готовится на керосинках, целой батареей украшающих плиту. Впрочем, оставалась еще возможность, что старуха кинула остатки письма в голландскую печьку — печки в доме топились. Но для этого она должна была бы войти в соседнюю комнату. В соседней комнате жила какая-то девушка — служащая, еще не вернувшаяся с работы. Было мало вероятно, что старуха пойдет в ее комнату жечь письмо в холодной печи. Оставалось предположить, что письмо выброшено в мусорное ведро на кухне. Если так, то рано или поздно оно ока-

жется в помойке. Нужно было запастись терпением.

Ждать пришлось весь остаток дня, всю ночь и половину следующего дня. Наконец, на дворе дома появилась какая-то женщина с ведром и высыпала мусор в помойную яму. Сам Кручинин, заранее облачившийся соответствующим образом, тотчас явился по вызову Грачика. С проволочным крючком в руке и с грязным мешком, в котором позвякивали пустые консервные банки, Кручинин подошел к помойке. Он рылся в ней с бережностью маниака, отыскивающего в навозной куче жемчужное зерно. Впервые в жизни он понял, сколь разнообразны и поучительны могут быть отходы человеческого быта. Чего-чего только не было тут! Вот был бы прекрасный предметный урок для Грачика. Но Кручинин боялся даже ему передоверить эти поиски. Разгребая мусор, Кручинин, наконец, увидел первый кусочек бумаги. Это был малюсенький клочок, неровно оторванный. На нем едва могло поместиться несколько букв. Они были написаны жидкими лиловатыми чернилами. Но, увы, этот клочок был единственным, сохранившим белый цвет и след чернил; все остальные, лежащие слипшимся комочком, — как их и бросила старуха, — покоились в соседстве с разбитой склянкой. В склянке, повидимому, было что-то вроде иода. В таком случае ее содержимое окрасило и наполовину сожгло бумагу. Кручинин бережно собрал остатки письма и тотчас отправил в научно-технический отдел Уголовного розыска.

Работа оказалась сложной. И без того бледные чернила под действием раствора иода совсем разложились. От текста ничего не осталось. Понадобилось вмешательство химии и физики, чтобы

восстановить написанное на каждом из ста двадцати восьми клочков. После этого составление письма из клочков показалось уже простой забавой.

Вероятно, ни одно любовное письмо в жизни Кручинин не читал с такой жадностью, как строки, начинавшиеся словами: «Дорогая сестра...» Далее корреспондент сообщал, что работает по-прежнему; мужская специальность ему так и не далась — она требует выучки с малых лет, он слишком стар, чтобы ее освоить. Но дамским делом овладел вполне и на хорошем счету у клиентов. Впрочем, он доволен: «перманент» дает хороший заработок.

Далее шла просьба поскорее сообщить, как живет Колюшка.

В заключение автор сообщил, что их мастерская перешла в новое помещение на Введенской. Туда и нужно было впредь адресовать письма. Подпись была: «преданный тебе брат Федор».

Кручинин вызвал Грачика и Фадеичева и с торжеством показал им письмо. Можно было, не откладывая, ехать в Ленинград и голыми руками брать Вершинина. Преступник ловко устроился: в Москве, повидимому, появляется только на время совершения ограблений и затем исчезает.

Запасшись постановлением об аресте и захватив фотографические изображения взломанных шкафов и карточку самого Вершинина, Кручинин в сопровождении Грачика выехал в Ленинград.

Найти парикмахерскую на Введенской было делом простым. Кручинин пожалел о том, что он не дама и не может сделать себе перманент, чтобы в процессе этой операции хорошенько рассмотреть Вершинина.

Когда Кручинин вошел в мастерскую, два

кресла из трех, стоявших в мужском отделении, были заняты. Оказалось, что мастер, работающий у третьего кресла, болен. Кручинина просили подождать.

— Эх, жалость, — проговорил он. — Недосуг мне. Может быть, есть свободный дамский мастер?

— Мужская работа совсем другая, — сказал один из работавших мастеров. — Дамский мастер с ней не справится.

— Мне только побриться, — настаивал Кручинин, в надежде, что ему удастся хотя бы увидеть Вершинина.

На разговор из-за портьеры, отгораживающей дамское отделение, вышел мастер: среднего роста, очень пожилой человек с широким лицом, на котором кожа висела складками, как у людей быстро и сильно похудевших. Кручинин вглядывался в него, стараясь найти черты общие с лежащей у него в кармане фотографией Вершинина.

— Если вы не претендуете на первоклассную работу... — произнес парикмахер. — Мужские мастера, знаете ли, считают, что выучиться их ремеслу можно только начав сызмальства.

— А разве вы не так давно занимаетесь этим делом? — спросил Кручинин.

Оставив вопрос без ответа, мастер отодвинул кресло и взмахнул пенюаром. Кручинин сел. Пока его брили, он имел возможность достаточно подробно рассмотреть мастера. Он убедился в том, что перед ним Вершинин. Кручинин пересмотрел на своем веку достаточно фотографий преступников, чтобы по снимку, сделанному даже в юности, опознать старика. Он с интересом следил за ловкими движениями коротких сильных пальцев Вершинина и представлял себе, как эти пальцы ору-

дуют с дрелью, райбуrom, раком, как выгребают из шкафа пачки кредиток...

Был момент, когда Кручинину показалось, будто Вершинин присматривается к нему чересчур внимательно, даже как будто подозрительно. Не могло ли случиться, что старый грабитель знал Кручинина в лицо? Не мог ли он его когда-нибудь видеть в Москве? Может быть, видел его карточку. Опытные преступники тщательно следили за переменами в личном составе органов розыска. А уж по рассказам-то знали всех руководящих работников.

Это пришло Кручинину на ум, когда он опять встретился со внимательным взглядом Вершинина. И тут же Кручинин увидел в руке мастера бритву, приближающуюся к его обнаженной шее. Кручинину стало не по себе. Он пожалел, что не послушался Грачика и не пустил того вместо себя в кресло — молодого человека не мог знать такой старый рыцарь больших дорог, как Вершинин. Но Кручинин ничем не выдал невольного беспокойства и с полным безразличия видом выдержал весь процесс бритья. Под конец он уже с полной уверенностью мог сказать: мастер нарочно затягивает операцию. Очевидно, он хочет, чтобы мастера закончили свое дело и оставили их наедине. От этого вид бритвы в руке парикмахера делался все неприятней. Последний мастер закончил работу. Вершинин, не торопясь, правил бритву на ремне, выжидая, пока из мастерской выйдет последний мастер. Кручинин, прищурившись, следил за мерными движениями сильной короткопалой руки. Несмотря на преклонный возраст мастера, она двигалась уверенно, четко. Но вот и последний мастер вышел из комнаты. Вершинин вернулся к нему и на

ноготь попробовал бритву. Потом тыльной стороной руки провел по шее Кручинина и в нескольких местах прикоснулся бритвой. После того спросил:

— Освежить?

Пока он опрыскивал его из пульверизатора, Кручинин вынул бумажник и стал перебирать лежащие в нем фотографии. Как бы нечаянно он уронил одну из них. Парикмахер с трудом нагнулся и поднял ее. Кручинин следил за его лицом. Ему хотелось уловить выражение глаз Вершинина, когда тот увидит изображение: дверь, «приштопоренная» буравчиком по способу Вершинина. И тут Кручинин заметил, как рука парикмахера, только что твердо державшая бритву, задрожала. Тогда Кручинин протянул старику его собственный портрет. Это было обычное фото из альбома уголовников: три ракурса, фамилия, номер.

Вершинин долго молча смотрел на него, и Кручинину показалось, что он начал моргать так, как моргают люди, старающиеся удержать набегающие слезы. Вершинин вернул Кручинину обе фотографии.

— Мы знакомы, — сказал он, сияясь улыбнуться. — Я заметил вас в Английском клубе, — и он стал расстегивать свой белый халат.

Вершинин без обиняков признался в том, что живет по паспорту Кузнецова, раздобытому много лет назад, сразу после выхода из заключения. Он сделал это не потому, что чувствовал за собою новую вину, мешавшую оставаться на свободе под собственной фамилией, нет: с момента отбытия наказания он честно живет парикмахер-

ским ремеслом. Изменить личину его побудило желание навсегда исчезнуть с жизненного пути сына. В фактическую сторону своего плана — перемену имени — он посвятил только сестру Екатерину Ивановну Субботину. Впрочем, и ей он не открыл своего преступного прошлого.

Кручинин должен был себе признаться, что склоняется к тому, что Вершинин не лжет, но все же увез его в Москву. Ленинградскому розыску было поручено проверить показание Вершинина о том, что в течение четырех лет он не покидал Ленинград, иначе как только на две недели положенного ему в каждом году отпуска. Он совершенно точно указал деревню и имя хозяев, у которых отдыхал. Не составлял исключения и текущий год, когда совершены три ограбления институтов в Москве.

День за днем по рабочим карточкам и кассовым чекам парикмахерской были проверены единодушные показания мастеров о том, что Федор Иванович ни разу не отсутствовал даже по болезни. Таким образом, Кручинин получил совершенно твердое алиби Вершинина.

Когда Вершинину были сообщены все обстоятельства последних взломов, он присоединился к мнению экспертизы, что взломы совершены одним человеком, притом безусловно из шайки, в которой он сам когда-то принимал участие — «почерк» тот. Но Вершинин утверждал, что Горин, стоявший в списке Кручинина следующим за самим Вершининым вероятным виновником, давным-давно умер.

— Так же, как вы? — спросил Кручинин.

Вершинин указал, где именно повесился Горин, и в архивах загса соответствующего района дей-

ствительно была найдена подтверждающая запись.

Оставались двое: Грабовский и Паршин.

— Грабовский не любил заниматься этим делом и не перенял от Паршина его квалификацию, — сказал Вершинин. — Невероятно, чтобы он смог самостоятельно взломать шкафы и применить мой «способ буравчика». Отодвинуть от стены большой шкаф, прорезать стену и вскрыть сейф, спуститься с третьего этажа по веревке — все это не для Грабовского. На такую операцию в одиночку был способен только один из всех медвежатников — Паршин. Его вам и нужно искать.

Порвав с шайкой очень давно — до отъезда Паршина в Польшу, Вершинин не знал, где искать бывшего предводителя их шайки. Кручинин все же задержал парикмахера в Москве на случай, если понадобится опознать Грабовского, Паршина или кого-либо из их окружения. Мог он пригодиться и в качестве своеобразного эксперта.

Кручинин решил взять за исходный пункт поисков Паршина место его рождения — деревню Куркино. Было установлено, что мать Паршина уехала работать в Москву, найдены следы самого Паршина. В результате довольно скоро Кручинин мог наблюдать за жизнью Паршина уже не по боковым линиям, а непосредственно. Он узнал, где взломщик живет, и отдал должное его идее со сберкассой. Было установлено наблюдение и за Ивашкиным, которого однажды посетил Паршин. И, наконец, было обнаружено знакомство Паршина с Ярким. Осторожная и тщательная разработка Яркина дала великолепный результат: в прошлом Яркин имел отношение

к МАИ, где учился, и к машиностроительному институту, где исполнял какой-то проект. С двумя институтами из трех ограбленных инженер имел непосредственную связь. Эксперты сличили образцы почерков Ивашкина и Яркина с адресами на конвертах из-под возвращенных документов. Рука Яркина подтвердила первоначальное заключение экспертизы научно-технического отдела: оба адреса написаны одним человеком. Этим человеком оказался Яркин.

Исследование жизни Яркина дало самую удивительную картину: прошлое его, не без труда установленное по материалам Болшевской трудкоммуны, оказалось неизвестным заводу.

Кручинин колебался: следует ли уже сейчас арестовать грабителей и, предъявив им обвинение, начать дознание. Ему больше хотелось поймать их с поличным. Это могло затянуться, но зато сулило «красивый» финал большой и кропотливой работы. После некоторых размышлений Кручинин решил ждать. В этом его поддерживали руководители и помощники. Даже старый Фадеичев, забыв о своих недугах, принял активное участие в дальнейшей работе по наблюдению за грабителями.

После долгого хождения по пятам Паршина и Яркина наблюдение пришло к воротам научно-исследовательского института «Цветметзолото».

Кручинин вздохнул с облегчением: опять институт!

Пройдя с Паршиным в институт, чтобы ознакомиться с расположением служебных помещений и в особенности кассы, находившейся во втором этаже, и снабдив Паршина пропуском, Яркин больше не появлялся. Три следующих дня на тротуаре против института Паршин провел один.

Он приходил утром задолго до начала занятий и тщательно регистрировал время появления тех или иных сотрудников. Когда в институте начинался обеденный перерыв, Паршин тоже уходил обедать. Затем он появлялся снова и проводил время до позднего вечера, отмечая постепенное исчезновение света в окнах института. Только тогда, когда освещенным оставалось единственное окно комнаты, где располагалась охрана, Паршин уходил к себе в сберкассу, не подозревая, что и сам ежеминутно находится под наблюдением.

На четвертый день наружная разведка Паршина была закончена. Он перешел к изучению поведения кассира. Это было нелёгкой задачей. Кассир был маленький, необыкновенно подвижной старичок, не расстававшийся с небольшим чемоданом. Он отличался тем, что до самого последнего момента невозможно было сказать, что он собирается делать. Ожидая автобус, он вдруг самым неожиданным образом перебежал к остановке троллейбуса и на ходу вскакивал в уже отходящую машину. Почти уже сев в троллейбус, он вдруг передумывал, догонял отпущенный трамвай и уезжал на нем. Чтобы не отстать от него и в то же время остаться незамеченным, Паршину приходилось проделывать настоящие трюки. Вдвое подвижней и хитрей Паршина должен был действовать Грачик, на которого Кручинин для практики возложил ответственность за наблюдение. Чтобы не отстать от преступника, не имевшего представления, куда двинется в каждую следующую минуту его наблюдаемый, Грачик все время был как на иголках.

Наконец Паршин установил, что кассир живет за городом по Курской дороге. В толпе на вокзале старичок лавировал, как выюн, и даже в по-

езд норовил вскочить на ходу. На своей станции он ловко соскакивал на обледенелую платформу, с риском сломать шею, когда поезд уже трогался. Вообще он вел себя так, словно чувствовал за собой наблюдение и стремился от него отделаться. А может быть, это было его привычкой, выработанной боязнью нежелательных провожатых.

Утром Паршин ждал приезда кассира на вокзале и провожал в банк, наблюдая, сколько денег тот получит.

Размер получек не удовлетворял взломщика. Он уходил из банка и отправлялся по своим делам: обедал, заходил в баню, в кино, вечером отправлялся в сберкассу спать.

На следующее утро он опять дежурил на вокзале.

Эти дни были мучительны для Грачика. Домой он приходил последним — после кассира и после преступника. Выходить же на пост должен был первым. Он почти не спал, ел нерегулярно, наспех. Глядя на него, Кручинин удовлетворенно ухмылялся в бородку.

15 декабря предполагалась выдача зарплаты. Паршин особенно рано явился к вокзалу — даже опередил Грачика. На этот раз с Паршиным был и Яркин. Наблюдение должно было быть особенно тщательным. Когда приехавший кассир прямо с вокзала отправился в банк, оба грабителя последовали за ним. Кассир получил сто тысяч рублей. Паршин и Яркин проследили, пока он пересчитал деньги в счетной комнате и принялся перевязывать их ниточкой в удобные ему пачки. Тут они исчезли. Исчез, конечно, и Грачик.

По опыту прежних дней Паршин считал, что кассир начнет выдачу только после обеда. Выдать успеет тысяч двадцать — двадцать пять. Значит,

в кассе на ночь останется тысяч восемьдесят — семьдесят.

Яркин тоже считал сумму, заслуживающей того, чтобы ради нее произвести взлом. Позавтракав вместе, Паршин и Яркин поехали к Ивашкину за новым инструментом. И тут, когда все было уже условлено и подготовлено, Паршин вдруг заявил:

— Дурное предчувствие у меня... Не пойду... Нынче не пойду...

Яркин стал над ним издеваться, но Паршин твердил свое. Ивашкин попытался подбодрить его водкой, Паршин выпил, но это не помогло делу, — он отказывался идти. Тогда сообщники набросились на него с упреками и угрозами. Паршин рассердился и заявил: решать будет он. Но после второй бутылки водки Ивашкину и Яркину удалось уговорить Паршина тянуть жребий: ему дадут две спички — одну целую, другую с отломанной головкой. Вытянет целую — идти; сломанную — откладывать дело. Паршин согласился. Он был совершенно спокоен: идти не придется. В нем жила твердая уверенность, что вытянуть спичку с головкой он не может. Не колеблясь, потянулся к спичкам, зажатым в руке Яркина, не подозревая того, что в руке у того обе спички с головками.

— Идти?!

Паршин долго, нахмурившись, вертел в пальцах вытащенную спичку. Он глядел на нее так, словно все не мог поверить, что судьба его обманула. Потом с досадой бросил спичку, молча взял портфель с инструментом и, не прощаясь, вышел.

— Утром здесь, не у меня, — бросил ему вслед Яркин.

Паршин на трамвае проехал на улицу Кирова

и в инструментальном магазине купил несколько тонких длинных буравчиков. Затем в москательном магазине приобрел десять метров веревки.

Теперь Кручинин и Грачик вместе следили за Паршиным. В отдалении за ними ехала оперативная машина. Кручинин решил взять Паршина с инструментом в руках, в помещении институтской кассы.

Из москательного магазина Паршин вышел медленно, погруженный в задумчивость. Он прошел на Чистопрудный бульвар и сел на скамейку. Долго сидел и курил. Внезапно он резко поднялся и быстрыми решительными шагами направился к гастрономическому магазину на углу Кировской. При этом портфель с инструментом он не взял с собой, а сунул его в снег за бульварной скамьей. Это обстоятельство так поразило Кручинина, что он не хотел верить собственным глазам. Паршин, перед ограблением, рискующий оставить драгоценный портфель на бульваре?! Это было невероятно до неправдоподобия. Между тем Паршин купил в «Гастрономе» колбасы, масла, булок, сахару и два пол-литра водки. Покупка сахара обратила на себя внимание Кручинина. Но самое удивительное ждало его дальше: не возвращаясь за портфелем, Паршин сел в автобус и поехал на площадь трех вокзалов. На Казанском вокзале он купил билет до самой дальней станции последней дачной зоны. Только тут Кручинин понял: Паршин отказался от ограбления. Бросив свой драгоценный портфель и все, что осталось у него под полом сберкассy, взломщик без оглядки бежит из Москвы. Кручинин с досадой решил, что виноват он сам или кто-нибудь из его людей: Паршин заметил слежку.

Кручинин не знал о споре между сообщника-

ми, не знал, что Паршина тяготило предчувствие неудачи — страх более тяжелый, чем испытанный когда-либо до сих пор. Темный, безотчетный страх надвинулся на него и заставил забыть все, кроме того, что он боится. Всем своим существом Паршин ощущал, что это ограбление будет последним в его жизни. Даже если оно и удастся, после него непременно случится что-то темное, неясное, что будет концом его преступной деятельности, может быть, даже всей его жизни. И тут жажда жизни внезапно заговорила в старике с такой силой, что не осталось места ничему иному, кроме желания бежать, бежать, спастись от надвигающейся, ясно ощущаемой опасности, спасти свою жизнь. Пусть это бегство означает для него конец работы взломщика, пусть его ждет впереди какой угодно тупик, только не то, что нависло над ним здесь, в Москве. Бежать, бежать!..

Паршин сверился с расписанием и вышел на платформу. Но в потоке пассажиров он вдруг ясно почувствовал, что те двое, что идут справа и слева от него, — не случайные соседи по толпе. Ни Кручинин, ни Грачик еще ничего не сказали, даже не покосились на Паршина, но он уже знал, что именно эти-то двое и...

Он быстро огляделся, оценивая, куда выгоднее побежать, но вдруг остановился. Голова его бесильно опустилась на грудь, и в одно мгновение из большого, сильного мужчины он вдруг сделался слабым, едва держащимся на ногах от страха стариком.

— Вам нужно пойти с нами, Иван Петрович, — негромко проговорил Кручинин.

Пустыми, усталыми глазами Паршин поглядел сперва на Кручинина, потом на Грачика.

— Ну что ж, — сказал он вяло, потухшим голосом, — на вашей улице праздник, — и покорно пошел к оперативной машине. Кручинин даже не держал руку в кармане с браунингом. Оба они — преступник и оперативник — одинаково хорошо знали, что длинная карьера медвежатника Ивана Паршина закончена. Это был последний взломщик несгораемых шкафов, доставшийся советскому розыску в наследство от царских времен.

4. ВАЖНОЕ ДЕЛО

Большую часть пути от Ивашкина Яркин проехал на трамвае, но неподалеку от своего дома сошел. Хотел пройтись пешком и подумать. Ему не нравился Паршин: старик сдал. Если такой провалится, то как пить дать завалит и остальных. С ним больше нельзя иметь дело. Пожалуй, Яркин сделал ошибку, заставив его своими спичками сегодня идти на дело. Надо было дать старику прийти в себя. Может быть, успокоился бы. А нет — так...

Что было бы дальше, Яркин себе не представлял. Он знал, что в былое время в грабительских шайках с такими вышедшими в тираж не особенно церемонились... Но... не дошел же и он, Яркин, до такого, чтобы... Нет, нет! Это чепуха! Вообще все должны понять, что и на то, что сделано, он пошел не по своей воле. Во всем виноват Паршин. Это он! Он соблазнил его. Да нет, даже не соблазнил. Это совсем не то слово... Паршин заставил пойти на первое ограбление. И даже не в первом ограблении дело. Там Яркин только шел на компромисс. Необходимо было отделаться от шантажиста. Не принеси ему Паршин тех первых шести тысяч, ничего бы и не

было. Яркин давно забыл о своем прошлом, давно стал на путь честного человека. Кто же знает, какой он хороший работник?! Так зачем же он взял те первые деньги?.. Зачем он их взял?.. Вернуть бы их Паршину. Да разве он и не хотел их вернуть?.. Ведь хотел, честное слово, хотел. И вернул бы... Непременно вернул бы, ежели бы... Что «ежели бы»? Что мешало их вернуть?.. Неужели это правда, что стоит только увязнуть?..

А что если вот сейчас вместо дома пойти в свой институт? Наверно, секретарь парткома еще у себя. Пойти и все сказать, все до конца. Может быть, еще все будет хорошо?.. Да нет, какое там... Он так увяз, что уже ничего хорошего не может быть... А ведь могла быть, могла быть такая хорошая жизнь... Жизнь!.. Неужели только могла быть? Неужели уже не может ее быть?.. Нет, нет, это невозможно, немыслимо! Так не может быть! Лучше молчать. Может быть, все обойдется. Только не нужно больше. Зря он принудил Паршина сегодня. Еще все может быть хорошо. Никто ничего не узнает. И он, Яркин, снова будет честно работать. Он же хороший инженер. Даром, что ли, Советская власть затратила на него такие средства — его же сделали инженером. Он же крепко стоит на ногах. Так чего же он дрейфит?.. Все будет хорошо... Хорошо?.. Что будет хорошо? Разве опытные преступники не говорят, что у всех у них один конец. Ведь тот же Паршин утверждает, будто нет такого преступления, которое не было бы раскрыто, нет такого преступника, который рано или поздно не понес бы наказания... Неужели это правда?.. Рано или поздно?.. Так почему же он узнал об этом так поздно? Почему Паршин сказал ему об этом теперь, а не тогда, когда пришел к нему впервые?..

Это он виноват — Паршин... Но все равно этого не может быть... Что не может быть?.. Да, да, не может быть, чтобы нельзя было вернуться к той жизни, которой он уже жил столько лет вместе с другими — вместе со студентами, с инженерами, с женой, с дочкой... Жена и дочка!..

Он остановился, прислонившись плечом к стене дома, чтобы удержаться на ногах. Он не замечал ни прохожих, ни того, что сам стоит на холоду, с шапкой в руках. Словно больной или совсем пьяный. Он ничего не видел вокруг себя, кроме великого смятения, захватившего его мозг, все его существо. Казалось, в этом смятении мечется уже весь мир. И в центре страшной путаницы, которую уже никто не сможет распутать, — он, Серафим Яркин...

Как прийти домой?.. Можно ли вообще идти домой? Ведь там жена, там дочка. Они ничего не знают. И если он сейчас вместо дома пойдет в институт, то ведь они все равно узнают... Так как же быть?.. Что же делать?..

Он поднял голову и огляделся. Сознание смутно восприняло окружающее. И то всего на какой-то миг. Потом все снова стало нереальным, страшным, завертелось вокруг одного и того же: как быть?..

Яркин уже взялся за ручку парадной двери, когда перед подъездом остановился автомобиль. Выскочивший из него человек нагнал Яркина:

— Просим вас последовать за нами... — сказал он негромко. — Не надо шума... Это не поможет. Только будет лишняя неприятность для вас.

Яркин посмотрел в глаза человеку. Взгляд их был таким холодным и пристальным, что Яркин его не выдержал и опустил голову. Несмотря на непокрытую голову, ему стало очень жарко. Так

жарко, что захотелось распахнуть пальто. Но так же мгновенно, как эта волна жара, набежала другая: Яркину показалось, что все тело его леденеет. Ноги стали пустыми, и руки повисли безвольно, как плети. Он хотел сказать, что нужно подняться наверх, в квартиру, взять кое-что, но язык перестал его слушаться. От этого ему стало еще страшней. Ноги, руки, теперь язык — все ушло из-под его воли. А незнакомец взял Яркина за локоть и, как куклу, повернул обратно к улице. Еще три шага — и Яркин был в машине между двумя незнакомыми ему людьми. Машина тотчас тронулась. Яркину не пришло в голову проследить, куда они едут. Да это и не было нужно — он хорошо понимал, что случилось, кто эти люди, куда его везут. Это был тот самый конец, который за него решал все, что будет дальше. Теперь уже ему не придется ломать себе голову над будущим: как быть, какие усилия нужны, чтобы отказаться от продолжения пути, на который он скатился, и как вернуться к прежней жизни. Все решилось само собой. Это был итог.

В первый момент Яркину стало так страшно, что он почти потерял сознание. Но такое состояние было недолгим. Один из его невольных спутников опустил стекло, и от пахнувшего в лицо морозного воздуха он пришел в себя, посмотрел на человека слева, справа. Они сидели молча и безразлично. И мало-помалу страх прошел. Напротив того, Яркин чувствовал, как приятное успокоение охватывает все его существо, проникает в сознание, в каждую клетку тела. Ему стало почти хорошо и захотелось спать. Если бы не дувший в лицо холодный ветер, он, вероятно, и заснул бы. Но один из спутников поднял стекло, отделявшее пассажирскую кабину от ка-

бины шофера, второй поднял боковое стекло. Стало тепло и даже, пожалуй, уютно. Яркину захотелось ехать как можно дальше. Не хотелось больше ни о чем думать. Он глубже уселся на диване и был доволен тем, что тут так тесно. От этого становилось еще теплей. Он в первый раз поглядел в окно. За стеклом мелькали редкие строения: они были уже за городом. Яркин не удивился — ему было все равно.

Так проехали еще некоторое время. Потом машина замедлила ход и остановилась. Вокруг было пусто. Редкие деревья стояли у обочины шоссе. За ними смутно проглядывались сугробы снега. Отворили дверцу, и один из спутников сошел. Другой подтолкнул Яркина в бок.

— Выходите, — сказал он.

Яркин испугался, робко поглядел на него и поспешно отодвинулся. Ему стало страшно. В один миг в памяти промелькнуло все, что доводилось читать: так фашисты и американские бандиты расправляются с теми, кого хотят заставить молчать... Уединенное место за городом, несколько шагов от дороги, выстрел в затылок...

Нет, нет, он не согласен, он не пойдет!..

Яркин забился в угол кабины и вытянул руки, защищаясь от соседа. Но тот и не думал на него нападать.

— Что за идиот, — произнес он засмеявшись. — Чего вы боитесь? Вы ж с друзьями. С единственными друзьями, желающими вам помочь.

Но Яркин продолжал все плотнее прижиматься к стенке сиденья.

В отворенную дверцу просунулась голова вышедшего пассажира. Второй сказал ему что-то на языке, которого Яркин не понимал. Тот засмеялся и сказал:

— Не надо валять дураков. Это есть ваш последний шанс. Если вы не станете это понимать — конечно, абсолю́т кончено для вас...

То, что он так дурно говорил по-русски, почему-то подействовало на Яркина успокаивающе. Он опустил руки и расслабил мускулы. В сознание проник еще смутный, но успокаивающий проблеск надежды. Яркин попытался взглядеться в лица спутников. Темнота не позволяла рассмотреть их черты. Однако по общему облику Яркин понял, что оба они иностранцы: платье, шапки — все было немножко не свое, непривычное. Восприятие окружающего было так вяло, мысли двигались так медленно, что Яркин не пришел еще ни к какому выводу, когда оба спутника почти одновременно повторили:

— Давайте... время — деньги... Мы тоже рискуем из-за вас.

Яркин нерешительно подвинулся было к дверце, но почувствовал, что тело его отяжелело и ноги совершенно перестали слушаться.

— Я не могу... не могу... — растерянно пробормотал он.

Повидимому, не столько его слова, сколько тон убедил спутников в том, что он действительно не способен вылезти. Они снова заговорили на своем языке. Теперь Яркину показалось, что он разобрал несколько английских слов. Хотя оба говорили очень быстро и глотали половину слов, но все же в языке было что-то, что казалось похожим на тот дурной, элементарный английский язык, который ему когда-то преподавали в вузе.

Один из спутников обошел машину и отдал приказание шоферу. Тот без вопросов вылез со своего места, и пассажир сам сел за руль. Авто-

мобиль медленно покати́лся по дороге. Стекло между кабинами опустили.

— Мы очень интересовались вашей жизнью, — сказал Яркину тот, что сидел рядом с ним. Он говорил по-русски чисто и отчетливо выговаривал слова. — Мы интересуемся жизнью людей, которые не совсем в ладах с Советской властью.

Яркин мотнул головой.

— У меня нет... никаких несогласий... — про-
бормотал он.

— Это вам только кажется, — усмехнулся собеседник. — Если вы хорошенько подумаете, то поймете: вам с Советской властью не по пути. Ей вы тоже не ко двору... Это правильное русское определение: не ко двору. Такие, как вы, — лишние люди тут. Такой здесь неудобный строй. Не дают инициативы. Каждый должен жить по расписанию. Это неудобно и неправильно для смелых натур, как ваша. Но мы вас понимаем и готовы вам помочь. Как человеку и как инженеру. Если вы согласитесь принять нашу дружбу...

По мере того как он говорил, сознание Яркина прояснялось. Он уже не сомневался в том, кто такие эти люди. Он понимал и то, зачем они с ним, понимал, почему они говорят именно с ним. Он был достаточно сообразителен для того, чтобы понять и то, что будет дальше.

И действительно, после нескольких общих фраз незнакомец перешел к делу: у Яркина будут деньги. Больше денег, чем те, что он с таким риском добывал в сообществе с Паршиным. Для этого ему придется только оказать его новым друзьям услугу. Она будет проста и не связана с каким бы то ни было риском: простая карандашная копия проекта, над которым работает

группа Яркина в авиационном институте, — вот и все.

Яркин молчал. Он даже не слушал уже соседа. Он думал о своем. На смену страху и растерянности приходило отвращение к этим людям, к тому, что они сказали, к тому, что он слушал их, к самому себе. Не было и тени удивления тому, что они обратились именно к нему — так и должно было быть. Необычайная ясность, какой он давно уже не ощущал в голове, помогала понять: степень его падения такова, что все происходящее закономерно. Настолько логично, что он сам может по пунктам расписать все, что будет дальше: сейчас ему скажут, что если он согласится на их предложение, то они его навсегда обеспечат деньгами, и больше никогда, решительно никогда к нему не обратятся. Передача секретного проекта будет единственной услугой, которую он им должен оказать. И также хорошо он знает, что как только он даст согласие на их предложение, как только передаст им первый клочок проекта, — он станет их рабом навсегда. За просьбой о «единственной услуге» последует требование — категорическое требование — второй услуги, за вторую третьей. И так до тех пор, пока у него не хватит мужества пойти к властям и заявить о своем предательстве или власти сами не откроют его преступления... Ну, а если он сейчас скажет этим двум, что не согласен?.. И тут он знает все наперед: они пригрозят ему разоблачением. Его биография — клад для шантажистов. Если его мог шантажировать Паршин, когда за Яркиным была совсем пустяковая вина перед властью, проступок почти формального характера, и если из-за этого он мог стать тем, чем стал, то уж теперь-то, когда у народа накопился к нему

длинный счет, его легко взять на испуг. Тогда из человека, скрывшего кое-что темное в прошлом, он стал грабителем. Теперь из грабителя его хотят сделать шпионом. Путь вполне последовательный. Логика жизни — ничего больше. Стоит ли сопротивляться?.. Чего он достигнет, пытаясь убедить этих людей в том, что никогда не был врагом советского народа и не хочет им становиться? Стоит ли говорить им, что они такие же враги его самого, как и его народа?.. Пожалуй, не стоит — пустой разговор...

Так что же?..

Он не заметил, что в кабине давно уже царит тишина. Автомобиль стоял. Спутники Яркина молчали. Косой отблеск мутного света месяца, отброшенного настом, проникал в машину. Яркин посмотрел в лицо соседу. Выражение незнакомца было настороженным. Он нервно мял губами сигарету. Яркин втянул носом аромат табака и на минуту закрыл глаза.

— Ну... вот что... — проговорил он медленно, обдумывая каждое слово. — Я не стану с вами торговаться. Небось, не обидите... — Он, прищурившись, поглядел на соседа. Тот ответил молчаливым кивком головы. — То, о чем вы просите, — не такой уж большой труд. Но... — Он помолчал, подыскивая как можно более убедительные слова: — У меня тоже есть условие, без которого дело не может состояться, чем бы вы мне ни угрожали.

Он выжидающе примолк. После некоторой паузы человек, сидевший впереди, полуобернувшись к Яркину, спросил:

— Мы хотели бы слушать условие... Всякая бывает условия: исполнительная и нет исполнительная...

Яркин опустил взгляд. Он боялся, что тот, впереди, уловит в его глазах нечто, чего ему видеть не нужно.

— Не знаю, как вам покажется, но для меня оно обязательно, это условие... Я должен знать, кто дал вам информацию обо мне.

— Глупое условие! — проговорил его сосед. А тот, что сидел на месте шофера, повидимому, не понял хорошо Яркина, потому что сосед принялся ему быстро объяснять по-своему. Потом они помолчали. Подумали. И снова заговорили. Опять быстро, глотая слова. Яркин не мог понять ничего, кроме нескольких самых простых слов, вроде «йес» и «ноу». Однако он готов был отдать голову на отсечение, что среди этого потока чужих слов было одно, которое он отлично узнал: «Ивашкин!» Тот, за рулем, повторил его два раза.

В конце концов сосед Яркина решительно отрезал: «Ноу» и подумав, еще что-то прибавил. Яркину он сказал:

— Вы ошибаетесь, условия ставите не вы, а мы. И то, что вы сказали, нам не подходит.

— Тогда и мне не подходит то, что сказали вы, — ответил Яркин.

— Ну... ваше право. Мы не насильственники, — усмехнулся тот, с переднего сиденья. — Все произойдет само с собой.

Но сосед перебил его:

— Не думаю, чтобы господин Яркин был врагом самому себе. Кто может предпочесть такое простое дело, какое мы ему предлагаем, дело без риска и с прекрасным вознаграждением тому, чтобы завтра же очутиться за решеткой?.. Это же глупо!

— Это есть глупо, — повторил передний. —

Нельзя ощущаться за решеткой из-за простого любопытства.

— Подумайте, господин Яркин, — сказал сосед. — Ведь мой коллега прав... выбора у вас нет. Если вы с нами — все в порядке. Если нет — решетка. А что даст вам знание источника нашей информации? Действительно: простое любопытство. — Он рассмеялся. — Это к лицу женщине, а не вам.

Яркин думал. Действительно, стоит ли добиваться того, чтобы они повторили ему по-русски то, что он уже слышал по-английски: «Ивашкин». На любом языке это звучит одинаково.

— Что ж, господа, — проговорил он, поднимая голову, — хорошо. — И нахмурившись, решительно: — Только имейте в виду: завтра вечером наш проект уходит из института. Он закончен. У меня один день, чтобы списать все, что нужно, и сделать несколько калек.

— Это нас устраивает, — обрадовался сосед. — Послезавтра вы нам все и передадите.

— Нет, — отрезал Яркин. — Я не могу держать это у себя целые сутки. Завтра же вечером вы должны освободить меня от бумаг.

Опять они заговорили между собой. Говорили долго. Даже поспорили. Яркин терпеливо ждал, пытаясь еще раз уловить в их разговоре какое-нибудь знакомое слово. В голову пришла глупая и такая несвоевременная мысль: грош цена полученной им когда-то оценке «отлично» по английскому языку. А как бы кстати было настоящее его знание сейчас! Правда, случай не имеет отношения к «технической литературе», но, пожалуй, он не менее важен, чем описание какого-нибудь иностранного самолета или станка. Быть может, советскому инженеру полезно иногда понять,

о чем говорят в его присутствии зарубежные коллеги. Как хотелось бы Яркину сейчас понять, о чем спорят эти вот его «коллеги»... Однако он тут же внутренне усмехнулся: нашел время для самокритики!

Спутники закончили разговор между собой. Яркин получил точные инструкции. Место свидания, способ встречи и передачи бумаг приходилось запомнить — записывать ничего нельзя было. А предосторожностей было много. Они должны были обеспечить безопасность от наблюдения и предусмотреть возможность бегства в случае провала. Оказывается, в своем коротком разговоре спутники Яркина успели все это обсудить во всех деталях. Яркин мысленно отметил, что они хорошо знают Москву, ее переулки и проходные дворы и держат в памяти топографию окрестностей столицы. Стараясь не запинаться, полуприкрыв глаза, как дельвал на экзаменах, он повторил инструкцию. Сидевший впереди удовлетворенно кивал головой. Когда все было закончено, он повернулся к рулю, и они поехали обратно к месту, где их ждал шофер.

Через полчаса Яркина выпустили в переулке, неподалеку от дома. Поспешно взбежал по лестнице. Прислушался у двери — не вернулись ли жена с дочерью. Хотя знал, что до конца спектакля еще далеко. Он был совершенно спокоен, вполне владел собой. Потому ключ, который был немного изогнут и подчас трудно отмыкал замок, сразу, плавно вошел в узенькую прорезь замка и сразу же его отомкнул. Войдя в проходную, не стал зажигать свет — почему-то вдруг показалось, что на это нет времени. И на то, чтобы повесить пальто, тоже времени не достало — кинул его на стул. Не попал. Пришлось поднимать

с пола и укладывать на стуле, где оно не хотело держаться. Времени на это ушло еще больше. Уже раздраженный стал снимать галоши. Никак не мог зацепить носком левой ноги за задник правой галоши. Только нагнувшись и пощупав рукой, понял, что правой галоши вовсе нет — потерял, сам не заметил где. Это окончательно рассердило, как будто теперь могло иметь значение, есть галоша или нет ее. Вбежал в свой крошечный кабинетик и торопливо, боком примостился к рабочему столу, заваленному кальками и тугими, гулками рулонами ватмана. Вечное перо, долгое время пролежавшее открытым на столе, сначала только царапало бумагу, потом повело неровную прерывистую линию. И это тоже заставляло нервничать. Время от времени взглядывал на часы: стрелки отмечали для него действия и антракты в театре. Ведь его дочь в первый раз смотрела спектакль для взрослых. Но сейчас это занимало его только в той мере, в какой он рассчитывал время. Письмо было недлинным, но Яркин спешил: до прихода жены и дочери нужно было сделать еще очень много... И такое важное, какого он не делал еще никогда... Яркин торопился.

5. НА ПРЕДМЕТ СНИСХОЖДЕНИЯ

В сопровождении двух агентов Грачик приехал к дому Яркина. Улица была окраинная, темная. Но большой дом сверкал огнями многочисленных окон. Возле подъезда стояла карета скорой помощи. При виде ее что-то кольнуло Грачика. Приказав одному агенту оставаться внизу, он с другим, прыгая через две ступеньки, побежал вверх по лестнице. Скоро он увидел, что предчув-

ствие его не обмануло: дверь яркинской квартиры отворил человек в белом халате.

— Яркин? — коротко спросил Грачик.

— Отравление газом, — ответил врач.

— Жив?

Врач в сомнении покачал головой:

— Пожалуй, не откачаем.

Когда через час Грачик вошел в кабинет Кручина, чтобы доложить о самоубийстве Яркина и о письме, оставленном им, первый допрос Паршина был закончен. На его месте, напротив Кручина, сидел маленький, коренастый человек с всклокоченной бородой. Она казалась особенно неопрятной из-за пронизывавшей ее обильной седины. Глаза у ее обладателя были мутные, словно с перепоя. Исподлобья глядя на Кручина, он монотонно повторял:

— Ничего не знаю... знать ничего не знаю...

— Последний из троицы, — сказал Кручинин, указывая на своего визави, — слесарь Ивашкин... То есть, я хотел сказать грабитель, а не слесарь, и не только грабитель...

— Знать ничего не знаю, — уныло повторил Ивашкин и почесал бороду с таким звуком, словно скреб ржавое железо.

— Ну что ж, вы не знаете — так мы зато знаем, — сказал Кручинин и обернулся к Грачику: — Прикажете привести Паршина.

При этих словах Ивашкин тоже поглядел на Грачика. На его лице не отразилось ни испуга, ни удивления. Повидимому, он решил, что его просто пугают. Но когда в дверях действительно появился Паршин, то одного взгляда на него Иваш-

кину было достаточно, чтобы понять: да, это конец.

Он только укоризненно покачал головой и сказал, обращаясь к Паршину:

— Эх, Иван Петров...

А Паршин, не поднимая опущенной головы и не глядя на него, медленно проговорил:

— Ладно... Все так и должно быть... Не время таким, как мы. Говори все как на духу... — И криво улыбнувшись: — Для истории...

— Д-а... — протянул Ивашкин. — Действительно история... А я жить хочу... Жить!

— Коли жить, так и надо было жить, как люди живут, а разве мы люди? — все так же спокойно ответил Паршин. Он негромко, но четко выговаривал каждое слово: — Такие, как мы с тобой, только жизнь портят... Повинись. Лучше будет... — Он вздохнул и поднял голову: — Мне и так легко...

— Ну нет, брат, я жить хочу! — повторил Ивашкин. Он обернулся к Кручинину и решительно заявил: — Ладно, пишите... Все как на духу... На предмет снисхождения.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

В новогоднюю ночь

Ночь под Новый год	3
След горного ботинка	38
Молоко на ночь	52
Уго Вельман едет на курорт	66
Тайна двух убийств	77

Дело Оле Ансена

Оле Ансен и другие	87
Преступление на „Анне“	105
Где преступник?	113
Что говорят следы	121
Новый след	125
Выстрел в темноте	138
Развязка приближается	145
Во имя отца и сына	153
Очень коротко о том, как все случилось	161
Плут Оле	173

Личное счастье Нила Кручинина

Где он был ночью?	177
Перчатки на рояле	188
Покойник посещает институт	193
Десять или восемь пальцев на руках?	199
Инвентарный номер „3561“	201
Снова Фаншетта	207
Человек со стеклянными глазами	221
Путь мертвеца к могиле	233

Последний медвежатник

Часть первая

Глава первая

1. Безнадежное дело	252
2. Четыре карты	261

Глава вторая

1. Курьерский Петербург — Москва	273
2. Гусар смерти	281
3. Дом на Бутырках	288
4. Лесная биржа „Иван Паршин“	293

	<i>Стр.</i>
5. Славянский базар	296
6. Оба куркинские!	301
7. Дело с „протиркой“	307
8. Последний переулоч	316

Часть вторая

Глава третья

1. Неоправданные надежды	329
2. Негостеприимные задворки Европы	339

Глава четвертая

1. Шантаж	346
2. Коготок увяз — всей птичке пропасть	352
3. Дальше в лес — больше дров	359

Часть третья

Глава пятая

1. Тетя Катя и ее письмо	363
2. Сберкасса 1851	374
3. На вашей улице праздник	376
4. Важное дело	392
5. На предмет снисхождения	404

Шпанов Николай Николаевич
Похождения Нила Кручинина

Редактор *Ковалевская Т. П.*
Художник *Ребров Ю. П.*

Технический редактор *Соломоник Р. Л.*

Корректор *Пушкарева Е. П.*

* * *

Сдано в набор 31.10.55 г. Подписано к печати 30.12.55 г.
Формат бумаги 70×92¹/₃₂—12³/₄ п. л. = 14,92 усл. п. л. 15,875 уч.-изд. л.
Г-12258

Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР

Москва, Тверской бульвар, 18

Изд. № 1/8139.

Заказ № 3547

2-я тип. им. К. Е. Ворошилова Управления Военного Издательства
Министерства Обороны Союза ССР
Ленинград, 65, почтовый ящик № 343

Цена 5 р. 35 к.

Цена 5 р. 35 к.